Новая история

Анатолий Марченко

Мы здесь живем

INLIBERTY

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Анатолий Марченко — один из самых авторитетных участников диссидентского движения, проведший в лагерях и ссылках 18 лет и погибший после 117-дневной голодовки с требованием освободить всех политзаключенных в СССР. Настоящее издание объединяет автобиографическую прозу Марченко, в том числе книги «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все» и никогда не публиковавшиеся тексты, найденные в архивах КГБ, политическую публицистику и документы, раскрывающие механику противостояния человека и государства в позднем СССР.

- Анатолий Марченко
  - Мы здесь живем
  - Сортирная сюита
  - Квартирный вопрос
  - Тихая пристань
  - Последний срок Анатолия Марченко в документах
    - Документы по делу 1981 года
    - Документы, относящиеся к конфискации текста последнего слова на процессе 1981 года
    - Документы о досрочном этапировании 1981 года
    - Документы о голодовке 15–31 марта 1982 года
    - Обращение к Генеральному прокурору 16 ноября 1983 года
    - Решение суда о переводе на тюремный режим 11 октября 1985 года
    - Заявления Марченко с декабря 1985 по май 1986 года
    - Документы о голодовке 4 августа — 27 ноября 1986 года
    - Документы о смерти
  - Публицистика
    - Главному редактору «Литературной газеты» А. Маковскому
    - Письмо Анатолия Марченко, грузчика, бывшего политзаключенного, автора книги «Мои показания»
    - Председателю Международного комитета Красного Креста г-ну С. Гонару
    - Обращение к прогрессивным общественным организациям и общественным деятелям

Западной Европы
- Заявление для прессы об административном надзоре
- Заявление об отказе соблюдать правила административного надзора
- Заявление об отказе от советского гражданства
- Речь Анатолия Марченко на суде в Калуге 31 марта 1975 года
- Прошение о всеобщей политической амнистии
- «Tertium datur» — третье дано
- Заключение
- Публичный ответ газете «Известия»
- Правительствам стран — участниц Хельсинкских соглашений
- Кинорежиссеру и актеру, народному артисту СССР, общественному деятелю С. Бондарчуку
- Письмо в газету
- Открытое письмо делегатам ежегодного съезда АФТ-КПП
- Выступление перед американскими издателями
- Письмо А.Д. Сахарову
- Открытое письмо академику Капице П.Л
- Обращение во время суда над А. Лавутом

○ Документы разных лет
-
- Архивная справка по тюремному делу 1958–1959 годов
- Приговор 1961 года
- Приговор 1968 года
- Протокол осмотра уголовного дела 1969 года
- Приговор 1969 года
- Протокол объявления предостережения
- Протокол осмотра уголовного дела 1975 года
- Приговор 1975 года

○ Примечания
- Мы здесь живем
- Документы по делу 1981 года
- Документы, относящиеся к конфискации текста последнего слова на процессе 1981 года
- Документы о досрочном этапировании 1981 года
- Документы о голодовке 15–31 марта 1982 года
- Обращение к Генеральному прокурору 16 ноября 1983 года
- Решение суда о переводе на тюремный режим

- Заявления Марченко с декабря 1985 по май 1986 года
- Документы о голодовке 4 августа — 27 ноября 1986 года
- Документы о смерти
- Главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому
- Письмо Анатолия Марченко, грузчика, бывшего политзаключенного, автора книги «Мои показания»
- Председателю Международного комитета Красного Креста г-ну С. Гонару
- Обращение к прогрессивным общественным организациям и общественным деятелям Западной Европы
- Заявление для прессы об административном надзоре
- Заявление об отказе соблюдать правила административного надзора
- Заявление об отказе от советского гражданства
- Речь Анатолия Марченко на суде в Калуге 31 марта 1975 года
- Прошение о всеобщей политической амнистии
- «Tertium datur» — третье дано
- Публичный ответ газете «Известия»
- Правительствам стран — участниц Хельсинкских соглашений
- Кинорежиссеру и актеру, народному артисту СССР, общественному деятелю С. Бондарчуку
- Письмо в газету
- Открытое письмо делегатам ежегодного съезда АФТ — КПП (с. 181)
- Выступление перед американскими издателями
- Письмо А.Д. Сахарову
- Открытое письмо академику Капице П.Л
- Обращение во время суда над А. Лавутом
- Документы разных лет

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Анатолий Марченко
Мы здесь живем. Том 3. Последний срок Анатолия Марченко в документах. Публицистика. Документы разных лет

Мы здесь живем

Идет один мимо выгребной ямы, видит — в ней кто-то барахтается по горло в дерьме. Прохожий протягивает ему палку:

— Хватайся, вылезай!

— Иди себе! Не видишь — я здесь живу.

Современный анекдот

Каждый гражданин СССР имеет право на жилище…

Конституция СССР

Мы, супруги Анатолий Марченко и Лариса Богораз, авторы и персонажи настоящего повествования, посвящаем его своим оппонентам — творцам Конституции СССР 1978 года, а также прочим авторским коллективам, создавшим законы, инструкции и постановления, вдохновившие нас на сей труд…

Сортирная сюита

Анатолий: Я родился «на квартире». Мои родители, поженившись, сняли себе комнату в частном доме. Я мало помню из того периода своей жизни, так как прожил там всего лишь до июня 1941 года. Помню хорошо своих «хозяев» — старика и старушку: его за чтением толстущей книги в кожаном переплете и с медными застежками (мои родители называли эту книгу «Библией»), ее все время лежащей в постели на высоченной деревянной кровати и с постоянной белой повязкой на голове.

Старик со старухой жили в большой проходной комнате, из которой были ходы в нашу комнату и во вторую такую же комнату, в которой жила семья сына хозяев. Ни молодых, ни их дочь я не помню, может, потому, что через их половину я не ползал и не ходил?

Зато до сих пор храню в памяти одну ночь — последнюю ночь сына в доме родителей. Проснулся я от чего-то поздно ночью. Мои родители не спали, в комнате горел свет. Они о чем-то шептались тревожно между собой, не замечая, что я не сплю и слежу за ними. Из комнат хозяев слышались приглушенные голоса и женские всхлипывания.

Утром следующего дня я бы ничего и не вспомнил из прошлой ночи, если бы не убитый вид поднявшейся на ноги бабушки-хозяйки и не рев их снохи. Впервые я услышал слово «арест». Забрали сына наших хозяев — дядю Мишу. Уже взрослым я узнал причину его ареста и смерти на Колыме. Работал он машинистом на паровозе и, принимая состав для отправки на Запад, вслух высказался в том смысле, что, мол, Гитлеру не зерно с салом нужно было бы отправлять, а снаряды из пушек. Товарищи донесли и — срок. Через полгода, с началом войны, его снова таскают в лагере на следствие: откуда знал, что будет война? Довесок.

В июне 1941-го мой отец ушел на фронт. А нам с матерью за это дали комнату в коммунальной квартире. Дом был деревянный, двухэтажный. В двух его подъездах было восемь квартир — по четыре в каждом. Каждая квартира состояла из трех отдельных комнат. Вот и жили в каждой комнате по семье. Ни одна семья не имела там отдельной квартиры. Самая большая комната была в этом доме не более шестнадцати метров. Нас-то жило там вначале только двое: я да мать. Потом, правда, стало четверо — когда отец в сорок шестом вернулся с войны и у нас родился Борис. Но на такой же площади жили и семьи побольше нашей, по семь и более человек.

Нередко на этих пятнадцати — шестнадцати метрах проживали и две семьи: женился старший сын или выходила замуж старшая дочь, и старики с младшими теснились, давая жизненное пространство молодоженам. И, как всегда в таких случаях, очень скоро эта комната пополнялась новым поколением — с писком, ревом, пеленками, горшками. Частенько это кончалось маленьким гробиком. Вот средняя семья, соседи, которых я хорошо помню и по сей день всех до единого. Супруги дядя Витя и тетя Нюра Акимовы. Он вернулся с войны по окончании ее. Их старшие дети — Валя и Юрий — уже сами работали в паровозном депо слесарями, Галя была моей ровесницей, Люба года на два младше, самый же младший, Толик, был одногодок моему брату Борису — послевоенный выпуск.

Первой у Акимовых умерла Галя — от туберкулеза. За ней умерла от того же туберкулеза и тетя Нюра, потом дядя Витя. Из оставшихся им болели старшая Валя и Люба. В нашем доме было несколько семей с туберкулезниками. И я сейчас поражаюсь тому, как все мы не заразились тогда этой болезнью. Ведь в доме не было никаких удобств: ни канализации, ни водопровода, ни даже отдельных кухонь. На весь дом был рядом колодец с ручным воротом, и все ходили к нему за питьевой водой. В каждой квартире на три семьи маленькая кухонька, где была печь и кое-как помещались три кухонных столика. А во дворе стоял большой дощатый сарай — общий сортир. Дом наш был ведомственным, принадлежал железной дороге. Никого из начальства в нем не живало. Жили здесь мазутники: паровозники да вагонники.

Обычная картина из того моего детства: отец возвратился из поездки, он грязный и пропитан мазутом так, что тот с него чуть не капает. У матери всегда на плите для него горячая вода. Переодевается он тут же. Если у нас находится кто из гостей или из родственников, то, чтоб отец мог переодеться, мать берет с постели одеяло и, держа его в руках, как экран, перед отцом, приказывает присутствующим отвернуться на время переодевания. Это если в комнате есть посторонняя женщина. Когда гость мужчина, то эта процедура считается излишней. Так было во всех семьях. Нам-то еще ничего, у нас один отец работал. А каково было, например, тем же Акимовым, если у них было три мазутника и к тому же еще и разного пола!

Мои родители мечтали о своем собственном домике, чтобы уйти из этого муравейника. Но на покупку дома нужны были деньги, а скопить их на отцовском заработке они не могли: его едва хватало на питание, протянуть от получки до получки. Безвыходность положения заставила отца решиться самому

построить себе дом. Он выписал бесплатно от железной дороги шлаку на дом и купил для этого цемент. Так что основной материал ему обошелся сравнительно дешево. Рабочие руки были свои: сам он мог быть и бетонщиком, и землекопом, плотником и столяром. В помощниках у него были мы с матерью: мне к тому времени уже было пятнадцать лет, и копать землю, таскать и мешать раствор, пилить на пару с отцом я уже мог. Так, году в 1954-м мы и «въехали» в собственный дом. Был он размером пять метров на восемь: кухня и комната. И все это на четверых!

Мне пришлось пожить в родительском доме всего лишь год с небольшим. Мне не было еще восемнадцати, как я соблазнился на самостоятельную жизнь и по комсомольской путевке от Барабинского райкома комсомола поехал на строительство Новосибирской ГЭС. С этой поры жильем мне было место в общежитиях, гостиницах, домах колхозника. А попав потом в ГУЛАГ, я познал прелесть «отдельного спального места» на голых нарах, а иногда и просто на цементном полу у параши. До ГУЛАГа и в перерывах между посадками туда я имел несколько раз вольное жилище. Им были углы, а то и просто кровать в одной комнате вместе с хозяевами. В лучшем случае (Александров, 1967–1968 годы) стенами, отделявшими меня от хозяев, служили занавески, с воздушной звукоизоляцией.

На четвертом десятке жизни я обзавелся семьей. Обзавестись семьей у нас пока что (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!) не проблема. Как говорится, было б желание. Но как быть с жильем?! Так же отделяться от хозяев занавеской? Но ведь будут маленькие дети с писком, горшками, пеленками: ни один частник не пустит с таким приданым к себе на жительство. Это я уже знал наверняка. Где же выход? На квартиру или хотя бы на комнату от государства я не мог рассчитывать: настоящие советские люди и те стоят за этим в очередях по десять лет! А мне куда уж!

Но я считаю себя очень везучим в жизни. Мне действительно везет во всем. Повезло и на этот раз с жильем. Нашел я себе работу в Тарусском районе Калужской области в Петрищевском лесничестве. Меня приняли лесорубом в бригаду на лесозаготовку. Поселок лесничества находился около деревни Петрищево, и в нем было несколько древних бараков, в которых жили рабочие лесничества. В одном из них освободилась квартира: кто-то из рабочих увольнялся и уезжал в другое место жить. Вот мне и предложили занять эту освободившуюся квартиру. Рад я был этому несказанно. Еще бы! Заиметь казенную квартиру ни с того ни с сего!

Осматривали мы это свалившееся нам как с неба жилье вдвоем с Ларисой. И никакие изъяны этого трущобного жилья не

могли испортить нам нашего счастливого настроения. Что же все-таки за жилье отвалило мне родное государство?

Как я уже сказал, бараки здесь были древними: трухлявые стены, прогнившие полы, провалившиеся крыши. Электропроводка была настолько обветшалой, что районная электросеть уже несколько раз отключала поселок от электричества из-за опасности возникновения пожара. Но всякий раз лесничий ехал в Тарусу, с кем-то там выпивал, как-то замасливал-умасливал кого надо, и в поселке снова горел свет.

При осмотре квартиры мы с Ларисой подсчитали, что для того, чтоб хоть как-то привести это жилье в пригодное состояние, нам нужно и денег затратить, и дней десять хорошо поработать. Квартира состояла, как и у всех тут, из двух помещений: комнаты и кухни. Но обе эти половинки были большого размера: каждая метров по двенадцать. Вообще-то это была одна большая комната, в которой посредине стояла большая печь. Тонкая перегородочка из досок от стены до печки и разделяла ее пополам. Перегородка эта не была сплошной до потолка, так что сверху комнаты не были изолированы. Стекол в окнах почти нет, пол весь в дырах, и ночью мы обнаружили, что здесь полно крыс. Они бегают по комнатам, шныряя из дырки в дырку. А еще они всю ночь беспрестанно бегали в стенах. Дело в том, что барак построен из толстого круглого леса. Снаружи он не оштукатурен, а изнутри обит сухой штукатуркой. Вот крысы и бегают по кругляку под штукатуркой. Когда я через несколько дней починил пол и заделал все крысиные лазы, то получил на улице выговор от соседки, живущей за стенкой: «Чего это ваши крысы к нам прибежали?» Прописаны они, что ли, по квартирам здесь?

Особенно пришлось повозиться мне в кухне с запечным углом. Там прежние жильцы зимой держали не то поросенка, не то теленка, и он был превращен в хлев. Потом я узнал, что здесь так заведено, что маленьких телят и поросят держат зимой в квартире.

А теперь о сортире. Где бы я ни жил, а сортирная проблема везде остра. Всякий раз, когда я менял место жительства на воле, мне приходилось заново решать эту проблему. Вот и здесь тоже. В первый же день я обошел весь поселок и нашел только одну будочку около конторы лесничества. Спросил у одного из аборигенов: «Как вы умудряетесь обходиться без сортиров?» — «Так лес ведь рядом!» — было мне ответом. «Ну а зимой как, неужели все тот же лес?» Оказывается, нет. Бегают в сараи к скотине. Лес… Летом ладно уж, может, и привык бы. Но зимой! У меня скотины не будет.

И начал я ремонт именно с сортира. В первый же день вырыл

яму под него за сараем, привез отходов с пилорамы и скоро стал обладателем единственного на весь поселок индивидуального сортира. Когда я начал его строить, на меня все местные смотрели как на чокнутого. Но как только сортир был готов, то все ребятишки стали бегать именно сюда. И не жалко мне было! Пусть себе пользуются в удовольствие. Но оказалось, что местные дети понятия не имеют о сортире. Они никогда его не видели, никто им про это не рассказывал, и по телевизору тоже не показывали. Поэтому они входили в новенькую будочку и делали свои дела прямо на пол. Приходилось чистить его ежедневно. Хоть вешай на сортир висячий замок!

И все же эти петрищевские ребятишки удачливей меня: я впервые увидел унитаз в Москве, когда освободился из Мордовии в 1966 году, то есть в двадцать восемь лет. Тогда же и там же я впервые увидел газовую плиту.

У нас в Барабинске в школах сортиры были — сараи в школьном дворе. Они делились на три отделения: «для мальчиков», «для девочек» и «для учителей». Но мужчины-учителя, как и сам директор В.П. Гладышев, бегали почему-то не в учительский сортир, а в «для мальчиков».

Вырастут петрищевские ребятишки до школы, и тогда еще неизвестно, какой будет сортир: типа моего барабинского или современный. В Тарусе не все школы еще имеют современную канализацию. Это в 40 км от родины космонавтики — Калуги, и в 150 км от Москвы.

Именно в Петрищеве я вспомнил рассказ одного деревенского мужика в Барабинске. Бывший фронтовик рассказывал, как они, освободив на Кубани одну из станиц, на следующий день увидели странную картину. В каждом дворе хозяева ломали, матерясь и проклиная фашистов, маленькие будочки. Оказывается, немцы, заняв станицу и обнаружив, что здесь нет сортиров, в приказном порядке заставили всех сооружать их во дворах. Уже за одно это фашизм здесь был приговорен самой историей на смерть.

В Тарусе, в городке райцентра, меня в приказном порядке, по приговору суда городские власти тоже заставляли… нет, не строить сортир во дворе, а, наоборот, сломать его, уничтожить санузел.

Но об этом стоит рассказать подробно и по порядку.

Купили мы в Тарусе полдома. Одна комнатка и кухонька. Правда, под нашей половиной большой подвал. Он-то и соблазнил меня купить именно эту половину. С отцом вдвоем мы углубили подвал, пробили большое окно и получили солидное помещение — целых сорок метров. Решили мы здесь сделать

кухню-столовую, кочегарку и санузел. Сами копали выгребную яму, рыли траншею, прокладывали трубы, устанавливали унитаз и ванну с раковинами.

Плохо, как и везде у нас, оказалось дело с водой. Вдоль моего забора по улице Луначарского проходит нитка городского водопровода. И я обратился в горисполком с заявлением, в котором просил разрешения подсоединить мой дом к городскому водоснабжению. Мне отказали «ввиду нехватки воды для города». Да я и не ждал другого ответа: все мне говорили, что не разрешат. Правда, несколько домов на моей улице имели водопровод: два-три начальника да один сосед за взятку.

Ну, что ж, буду, как и большинство тарусян, таскать воду древним способом, на себе, на гостях, на жене. Я еще никогда не жил удобно, поэтому и не избалован. Но мне-то еще куда ни шло: мужик более или менее здоровый. А вот каково таскать воду пенсионерам или инвалидам! Таруса стоит не на ровном месте, а на холмах да оврагах. Дороги не асфальтированы, и в распутицу весной и осенью пойти за водой рискованно и опасно. Мне, например, за водой нужно идти в гору и довольно круто, а с водой возвращаться под гору. Под ногами скользко так, что люди и без груза-то ходят с трудом и с опаской. Не раз я падал и порожняком, и с полными ведрами, когда ведра меня обгоняли и мне приходилось догонять их далеко внизу. Бывало, я так приземлялся, что без отдыха не решался на повторный штурм колонки. И домой не раз приходил вымокшим и вывозившимся в дорожной слякоти.

Я объездил почти всю страну, и везде с водой проблема. Таруса от Москвы в 150 километрах, Чуна в 5000 км, Карабаново в 120-ти. А положение в них одинаковое, во всех отношениях: с водой, с жильем, с продуктами…

В Тарусе и в Карабанове хоть колонки: добрался, нажал на рычаг и наполняй емкости. А в Чуне вот почему-то городские власти предпочитают рыть глубокие, метров по двадцать пять, колодцы и снабжать их ручным приводом — древним воротом. Каждое ведро воды дается трудом и потом. Зимой еще ничего, так как потребность в воде меньше, чем летом, когда вода необходима и на поливку огорода. Выстраивается очередь покрутить ворот. И тянут эту водичку люди домой, иногда очень далеко, кто на чем может: на коромысле, на тележке, на саночках, велосипеде или мотоцикле.

И ведь живем не в пустыне, а на реках, озерах.

Так что суждено мне в Тарусе таскать на себе воду не только на хозяйственные нужды, но и для сортира. И смирился я с этим. Да и что поделаешь: права не покачаешь, ведь в нашей

Конституции пока что не гарантировано гражданам право на пользование водопроводом! Но я был доволен тем, что моя канализация работает безотказно и на приносной воде.

Но очень скоро отравили нам эту радость. Отравили именно те, кто должен бы был приветствовать строительство современных сортиров в городе вместо древних будок: городские власти во главе с самим председателем горисполкома Балыковым.

Сначала явился ко мне инспектор из районного санэпидемнадзора.

— Нам поступил сигнал, что вы незаконно построили канализацию. Я должен проверить, осмотреть.

— Что значит — незаконно?

— Без разрешения исполкома.

— А кто спрашивает на будку во дворе?

— Я пришел не спорить, а осмотреть и дать заключение.

Инспектор попросил меня открыть люк ямы и сам все осмотрел и обстукал арматуриной стены и пол ямы, проверил все в доме и во дворе.

— Все сделано правильно, и никаких нарушений норм и правил нет. — С этими словами он извинился и ушел. Я не придал этому визиту никакого значения, считая это обычной проверкой. И был доволен собой, что все сделал, как надо.

Но недели через две после этого ко мне во двор заявилась комиссия из горисполкома. Пришли они в мое отсутствие, когда дома была Лариса с Пашкой. Пришли и, не сказав ни слова, стали расхаживать по участку и все осматривать. Лариса их увидела в окно, вышла и спросила:

— Кто вы такие и почему без спросу хозяев здесь находитесь?

— Это комиссия исполкома, — ответил ей сам Балыков, — вам предписывается в месячный срок ликвидировать канализацию.

На вопрос «почему?» Балыков ответил: «Как незаконно построенную». На все остальные ее вопросы ответ был один: «Это решение исполкома, и вы обязаны подчиниться».

Уходя, они предупредили, что на днях пришлют почтой письменное извещение об этом решении исполкома.

И точно, скоро мы получили письмо, где мне и предлагалось в месячный срок ликвидировать выгребную яму. Здесь же предупреждали меня, что если я не сделаю этого, то вопрос будет решаться в судебном порядке.

Ломать у меня не поднялась бы рука. Строил сам, своими руками, на свои деньги, строил то, что давно должно быть в каждом доме. И на тебе! Нет уж, пусть сами и ломают, раз им не

нравится.

Ровно через месяц опять комиссия в том же составе, и на этот раз я сам дома.

— Почему вы не выполняете решение исполкома? — спрашивает Балыков.

— Вы хоть объясните, почему я должен ломать современный санузел, а вместо него восстановить дворовую будку?

— Это решение исполкома, и вы обязаны подчиниться…

— Простите, — обращаюсь я к Балыкову, — у вас дома какой сортир?

— Это не имеет никакого отношения к вашему вопросу… — А через три дня я получил по почте решение тарусского суда: ликвидировать санузел в месячный срок, а в случае отказа выполнить это постановление суда все будет ликвидировано местными властями и за мой счет.

Что за чушь! Мой дом стоит на бугре между двух оврагов. Справа и слева на их склонах стоят будки-сортиры соседей. Склоны очень круты, и содержимое сортиров растекается по ним и по дну оврагов. Вонь и мухи. Это норма. И я должен, нет, я обязан иметь именно это! И еще раз была у меня комиссия:

— Почему не подчиняетесь ни исполкому, ни суду?

— И не буду, не ждите.

— Лучше ломайте сами. Не то пришлем сюда из КПЗ бригаду «декабристов», и они так все сломают, что взвоете. И еще за ваш счет. Вам же хуже!

Моя сортирная тяжба с властями в Тарусе кончилась благодаря вмешательству в мою судьбу более высоких инстанций. По приговору Калужского суда меня отправили в ссылку на четыре года в Сибирь. А пока я там находился, в Тарусе власти снесли не только мой сортир, но и сам дом. Снесли под предлогом того, что на этом месте власти города решили что-то строить. Вопрос о моем жилье будет решен по возвращении меня из ссылки.

Квартирный вопрос

Лариса: За пятьдесят лет моей жизни мне никогда не приходилось жить под открытым небом: спать на скамейке в сквере, подстелив газету, или ютиться в какой-нибудь коробке из-под макарон (правду говоря, информацию о таком способе существования я почерпнула из газетных статей под рубрикой «В мире капитала»). Крыша над головой у меня была всегда — хотя и не было еще зафиксировано в Конституции право на жилище.

Родилась я в Харькове в коммунальной квартире; смутно припоминаю длинный коридор, много дверей, и одна из них — наша. Не знаю, была ли там коммунальная кухня: еду готовили на пороге комнаты на примусе, и от этого однажды случился пожар. Зато лет с трех и до семи я прожила в отдельной трехкомнатной квартире. Отец принадлежал к привилегированной категории советских работников, и ему отвалили положенный кус государственного пирога. Когда же отец получил жилплощадь в бараке воркутинского лагеря, оставшуюся семью — для равновесия — уплотнили, так что я опять, и уже навсегда, оказалась в коммуналке. Нам еще повезло, многие семьи тогда просто выбрасывали на улицу. Помню, в 1937–1938 годах, идя в школу, я каждое утро видела в подъездах кое-как сваленные узлы, а около них старуху или ребенка: они сторожат барахло, пока дееспособные члены семьи ищут угол, куда бы приткнуться. У нас в квартире к этому времени поселили «чистую» семью, так что на наши коммунальные метры никто не позарился. Еще помню, при мне, считая, что я по малолетству ничего не пойму, моя мать и другая «жена врага народа» вели разговор: есть, мол, в Харькове прокурор такой-то, берет с женщин плату «натурой» за то, чтоб отстоять квартиру…

…В 1950 году, после смерти матери, я осталась владелицей комнаты в пятнадцать квадратных метров — богатая невеста. Пятиэтажный дом с удобствами в центре Харькова, в квартире, кроме меня, всего только одна семья. Но как раз это приданое оказалось фата-морганой: я выхожу замуж за москвича, а харьковскую жилплощадь обменять на московскую абсолютно невозможно. Муж с матерью имеют комнату в Москве, и я переезжаю к ним.

— Бросать квартиру?! Ты с ума сошла! — дружно запричитали все мои и мамины друзья.

— Но ее с собой не возьмешь ведь, — возражала я.

— Так продать!

— Она же не моя, казенная.

— С луны свалилась! Казенную-то и продать.

Мне нашли «покупателя» — это был очередник с семьей из пяти, не то шести человек. Уже больше года они числились первыми в городской очереди на жилье, но будут ждать еще и год, и два, и пять (а освобождающиеся комнаты будут уплывать «по блату»), если самочинно не займут свободную площадь, и тогда она их по праву. «Покупатель» должен был уплатить мне пятьсот рублей (старыми деньгами) только за то, что поставит свои чемоданы у меня в комнате, пока я еще не сдала ключи, и останется в ней ночевать накануне моего отъезда. Я никак не могла решиться на такую сделку, и тогда отец моего друга, сосватавший мне «покупателя» (который, кстати, был его приятелем и сослуживцем), полностью взял на себя посредничество.

— Она еще раздумывает! У тебя же ни гроша за душой. И человека облагодетельствуешь. Ты только своевременно впусти его в комнату.

Тем временем конкуренты не дремали. На мои пятнадцать метров метили соседи, вчетвером занимавшие остальные две комнаты в квартире. Раньше это была их квартира, но их — как остававшихся под оккупацией — уплотнили (как нас самих когда-то) нашей семьей. Не знаю, как они относились к немцам в 1941–1943 годах, а мы для них уж точно были оккупантами, захватчиками. В ожидании моего выселения соседка перестала выходить из дому и никого не впускала в квартиру. Выгнала на всякий случай даже моего мужа, которого отлично знала.

— Таких мужей тут навалом, каждый день новый! — Она правильно чуяла опасность с моей стороны.

Во дворе мне на пути то и дело попадалась управдомша:

— Ларочка, как живешь? Муж уже уехал? Соседи не обижают? Ты смотри, комнату им не оставляй, фашистам этим… Так когда ж ты в москвичи запишешься?

Соседи снизу, с четвертого этажа, сказали мне, чтоб я ни в коем случае не сообщала управдомше о дне отъезда: тесно живущая семья из флигеля уже дала ей взятку за мою имеющую освободиться комнату.

В этой борьбе сила была на моей стороне: пока я не выписалась, ключи у меня, а выписаться я должна в день отъезда, которого никто, кроме меня самой, заранее не знает. Если угодно, и право тоже было за мной, то есть за моим протеже: ведь его очередь первая во всем Харькове. Наше дело было правое (если не считать взятки мне ни за что), и мы победили.

Мой отъезд из родного города был похож на финал драмы: вселившийся дядька плакал от счастья настоящими слезами,

соседка не ответила мне на прощальное приветствие, а управдомша сказала — тоже со слезами:

— Такой пакости я от тебя, Лара, не ожидала.

Обещанной мзды я не получила, вернее, получила некоторую толику. Сначала мой контрагент присылал в Москву по сто рублей, но после второго или третьего взноса прекратил выплаты. Мало ли трат у новосела!

С 1950 по 1959 год (с трехлетним перерывом в середине этого срока) мне, подобно Гаврошу, привелось жить в памятнике. Только наш памятник — дом на Маросейке, архитектурная достопримечательность Москвы — был кучно, густо заселен. Люди в нем жили, как клопы; зато клопы, как цари, были настоящими хозяевами положения. В те годы во всей Москве шла перманентная война между хаотическим, загнанным племенем жильцов и воинственно-организованным клопиным племенем. Люди одерживали временные победы днем, клопы побеждали в ночное время. Но в эпоху хрущевского градостроительства они, как римляне в период упадка, утратили витальную силу, не сумев освоить жизненные пространства новостроек. На смену оседлым клопам явились кочевые орды тараканов… 1950-е же годы в моих воспоминаниях окрашены в клопиный цвет, пахнут клопами, структурно организованы по клопиному образцу.

— …Уважаемые гости столицы! Перед вами образец русского зодчества XVIII века — барский особняк, созданный знаменитым архитектором Баженовым. Здание венчает ряд небольших окошек под самой крышей…

Там, под крышей, гнездилась настоящая Воронья слободка. Замышленные Баженовым плавные кривые, выпукло-вогнутые сопряжения внутренних капитальных стен сочетались с самодеятельными засыпными перегородками, заколоченными наглухо дверьми, баррикадами из сундуков, шкафов, образуя в комплексе странные фигуры: секторы, сегменты, ромбы, трапеции и пентаграммы. За каждой переборкой жило по семье. Наша квартира в целом представляла подобие ромба с одной выпуклой стороной и загнутым углом, рассеченного на пять населенных фигур и геометрически неопределимый остаток — кухню и коридор в виде буквы У (с сортиром в хвостике). Стало быть, пять семей; плюс еще две одинокие женщины сами по себе, которые жили в коридоре. Ванной комнаты не было, прихожей тоже — прямо с лестничной площадки вы попадали в кухню, единственное в квартире прямоугольное помещение, но зато без окон и почему-то со сводчатым потолком.

В трапециевидной комнате жило семейство Майзилей: муж — санпросветовский работник, жена — переводчица медицинской

литературы со всех европейских языков, и дочь — студентка физфака МГУ. Семья Востоковых — мать-художница и дочь-архивист — занимала большую комнату, где три стены шли нормально, а четвертая делала загогулину. Комната Катковых (молодые супруги-инженеры и их маленький сын) имела очертания пузатеньких песочных часов; выемка у талии этих часов со стороны Ибрагимовых составляла выпуклую прибавку к их треугольной комнате, что было очень кстати, так как на двенадцати квадратных метрах их жило пятеро: муж (носильщик на вокзале), жена и трое детей. Нашей семье из трех (а вскоре четырех) человек досталась комната в виде половины арбузного ломтя — длинная, узкая, с закругленной стеной и о трех углах. Ширина ее метра два, а длина — восемь; свет из крохотного окошка в дальнем конце не доходит до двери у слияния двух длинных стен. Располагаться у нас надо вдоль стен, принимая соответствующую их изгибу форму. Зато при комнате есть кладовка, тоже трехстенная: одна стена метра в два, другая в полтора, а третья — дуга выпуклостью внутрь, к нам. Здесь целых два окна; одно, явное, выходит на улицу, а другое, заколоченное и, должно быть, забытое, смотрит в недра здания, куда-то в нижние этажи, где квартирует таинственное номерное учреждение. Через это окошко к нам проникает стрекот учрежденческих пишущих машинок. Мы превратили кладовку в жилую комнату: спилили угол у пружинного матраса, втиснули его в треугольник, а внутреннее окно превратили в книжный шкаф. Здесь мы даже принимали гостей, которые в любом числе забирались на «тахту» с ногами, а падать им было некуда — стены со всех сторон. В дневное время кладовка служила балконом для прогуливания нашего младенца, а чтоб у него было в достатке свежего воздуха, мы ставили корыто с упакованным в одеяло ребенком на широкий подоконник (внизу под окном гудела одна из самых оживленных улиц московского центра).

Словом, у нашей семьи была наилучшая жилплощадь во всей квартире, с максимумом удобств. Ни у кого больше не было кладовки. И старик Майзиль мечтал: «При коммунизме нам дадут две комнаты! И Эллочка будет спать в столовой на диване».

Кроме семей, обладающих собственной площадью, в квартире жили две одинокие женщины, не имевшие не только своих комнат, но даже и своих столов на коммунальной кухне: заводская работница Маруся и детский врач Таисия Марковна. Готовят они, примостившись на углу чьего-нибудь стола, а спят в коридоре за шкафами, отгородившись занавесками от прочих жильцов и друг от друга. Маруся раньше была чьей-то домработницей в этой квартире и получила здесь прописку — но

не жилплощадь; а как очутилась за занавеской Таисия Марковна, никто не помнит. Ей уже лет пятьдесят, но у нее ни семьи, ни кола, ни двора; она великолепный диагност, самоотверженный врач, в больнице ее очень ценят, но жилья не дают, а выбить, зубами вырвать жилплощадь в райжилотделе — таких способностей у нее нет. В квартире Таисию Марковну считают чудачкой и недолюбливают, хотя она лечит всех наших детишек.

Детей в квартире всего пятеро. Они путаются под ногами на кухне, блуждают по темным кривым коридорам, без стука входят в любую дверь, не признавая ни территориальных границ, ни права семейной собственности. Младшие с гулом пересчитывают головами неожиданные внутриквартирные ступеньки, восседают на горшках возле накрытых столов в комнатах, похожих на пещеры; старшие методом проб и ошибок осваивают гигиену коммунальной уборной.

С теплым чувством вспоминаю я нашу общую кухню в вечернее время. Две полные пожилые женщины величественного вида — Фелиция Лазаревна Майзиль и Наталия Дмитриевна Востокова — хлопочут у своих столов, переговариваясь по-французски или по-немецки. В лингвистическом симпозиуме спешит принять участие татарка Соня Ибрагимова:

— Лара, скажи «ирэм бирбирэм», — подначивает она меня, кидая на горячую сковороду котлеты «из лошадки».

— Лара, не говори, нехороший слово, не говори, — вступается ее муж Володя.

— …твою мать, я ничего плохой не сказал, чего мужской, чего женский, не сказал, — возражает Соня.

Наталия Дмитриевна, дочь царского полковника, воспитанница Смольного, настораживается, как боевой конь при звуке трубы:

— Соня, ты понимаешь значение этих слов?

И она принимается за объяснение. Мы, среднее поколение, слушаем смолянку, раскрыв рты от восторга: такого классического дореволюционного полкового мата не услышишь и в Доме литераторов…

Зажжены все шесть конфорок двух газовых плит, хозяйки поочередно наполняют кастрюли и чайники из единственного в квартире водопроводного крана, в корыте плещется чей-то ребенок, в другом углу взлетает пена от стирки, звучит французская речь вперемешку с татарской, обсуждаются преимущества конины перед камбалой и роман Дудинцева, происходит обмен опытом относительно самодеятельных абортов и сдачи экзаменов по марксизму-ленинизму, возникают ссоры из-за невынесенного помойного ведра и разногласия по поводу

«прежней» цены на масло.

Однако в доме-памятнике невозможно просто так жить — стирать пеленки, варить щи, вести с соседями дружественные беседы или собачиться с ними. Параллельно стряпне и стирке здесь должно происходить еще что-то романтическое, криволинейное, выпукло-вогнутое.

По квартире бродило привидение: девушка в белом являлась то в нашей комнате, то у Востоковых; она утихомирилась только после того, как в церкви отслужили молебен за упокой ее души. Тени чужих гусарских предков подзуживали нас с мужем на гусарские забавы: мы устраивали у себя в комнате (благо, длинная и стены крепостной мощи) стрелковые состязания из духового ружья, а затем перешли к прицельной стрельбе из окна по арбузам на уличном лотке, да и по арбузной очереди — не больно, но обидно. Когда же гусарство пришлось прекратить из-за воспитательного воздействия милиции, тогда на смену гусарам явились иные псевдоматериальные лица: в гости к Николаю Аржаку стал захаживать Абрам Терц.

В 1959 году номерной ящик, занимавший нижние этажи, куда-то перебазировался, дом вместе с жилыми антресолями отдали белорусскому постпредству, а всех жильцов раскассировали по новостройкам. Ибрагимовы получили трехкомнатную квартиру; Майзили, Востоковы и Катковы — по одной комнате в коммуналках (до коммунизма в это время оставалось еще двадцать лет — а, значит, и до столовой с диваном для уже тридцатилетней Эллочки); Таисия Марковна получила наконец комнату — тоже, конечно, в коммуналке — за несколько лет до этого; Маруся оформила опекунство над больной старухой и перешла жить к ней.

Нашей семье дали две смежных комнаты в нижнем этаже новехонького девятиэтажного дома на Ленинском проспекте. Квартира эта трехкомнатная, и в третьей комнате поселили старика-пенсионера с еще более старой матерью. В новом доме с большими окнами, прямоугольными комнатами, с ванной и горячей водой (а лет через семь-восемь появился и телефон), с пустотными панелями и древесно-стружечными дверями — здесь не место было потусторонним девушкам в белом. Возможно, поэтому, а также чувствуя себя как дома среди семейной топонимики (вблизи нас на Ленинский проспект выходят улицы Крупской, Марии Ульяновой, Дмитрия Ульянова, только Александр Ульянов остался почему-то не при месте), к нашей неверующей старушке накануне смерти явилась во сне Надежда Константиновна. Вскоре после матери умер и сосед. В их небольшой комнатке (14 кв. метров) поселился молодой человек,

проживший здесь лет восемь — сначала один, потом вдвоем с женой, потом еще с ребенком, потом с двумя. Женился и мой сын, и у него родился ребенок. В квартире стало кучнее, чем на Маросейке: в восьмиметровой кухне — два стола, два холодильника, четыре табуретки, над головами сохнут удвоенные комплекты пеленок-распашонок. В ванной комнате, где едва повернешься, — две детских ванночки, два бака с грязным бельем, две вешалки с полотенцами, две полки с туалетными принадлежностями и снова очередь, чтобы умыться…

За эти восемь лет молодой сосед Юра Лебедев окончил институт, отслужил два года в армии, стал научным сотрудником в биологическом институте. Марина, его жена, тоже окончила институт и работала биохимиком. Обоим приходилось заниматься на кухне. Подрос их Андрюша, пошел в первый класс; на занятия он шел невыспавшимся: братик Алеша ночью спал беспокойно. Алеша часто хворал, и тогда в нашей квартире появлялись временные жильцы — мамы Юры и Марины. Малыш встал на ноги и научился прямохождению на тахте, потому что в их комнатенке уж совсем стало не повернуться.

Лебедевы чуть не все восемь лет стояли в очереди на получение квартиры. Очередь двигалась медленно, им обещали жилье году в 1978-м; они терпеливо ждали. Но однажды вечером я увидела Маринину маму заплаканной: райжилотдел сообщил очередникам, что в связи с проведением Олимпиады в Москве сокращается жилищное строительство и выделение квартир отодвигается на год-два. А они-то Алешку завели уже!

Ну, поплакала мама, и снова стали ждать. И вдруг неожиданное счастье — институт получает несколько квартир в ведомственном доме, и одну из них дают Юре. Снова Маринина мама плакала на кухне: «Нет, я не верю, этого не может быть, чтобы моя дочь жила в отдельной квартире!»

Однако осенью 1977-го Лебедевы переселились.

Ныне в этой комнатке живет третье поколение соседей: на этот раз молодая одинокая девушка. Года четыре до этого она мыкалась по частным квартирам, имела «койку» в рабочем общежитии, и вот на ее счастье общежитие пошло на снос. Наташа — как я когда-то — стала обладательницей собственной жилплощади в те же четырнадцать квадратных метров и вот уже два года не может нарадоваться своему углу, горячей воде, ванной и прочим благам. Она радуется, а я — увы! — методом индукции вычисляю ожидающее ее светлое будущее: выйдет замуж, родит ребенка, в уютной комнатке появится детская кроватка, коридор снова перегородит коляска, потом санки, потом лыжи; а потом, много лет спустя, как высший дар небес,

РАЙжилотдел даст ей квартиру. И ее дети наконец «будут спать в столовой на диване».

Граждане страны Желтого Дьявола, жители Гарлема! Парижские интеллектуалы, гамбургские докеры! Братья по разуму! Живали ль вы в коммуналках — по комнате на семью? Ах, не живали? Как же вы тогда надеетесь понять загадочную русскую душу?

Эта душа — нараспашку: каждый видит, что варится у соседа в кастрюле, какие трусы носит его жена (после стирки они висят на веревке в кухне), сколько раз ходит в сортир его теща и какие парни запираются в ванной с его дочкой. Здесь, в коммуналке, осваиваются принципы мирного сосуществования и методы холодной войны.

Мне-то с коммуналками повезло. В квартире на Маросейке правилом были добрососедские отношения дружбы и взаимопомощи, а колорит ее обогащал душу и умножал разнообразные познания — как в кулинарии, так и в лингвистике. Но и при других, более прохладных отношениях, дошедших, например, в Харькове до территориального конфликта, — никогда мы не подсыпали друг другу синьку в бульон, не пристегивали висячими замками крышки к своим кастрюлям, не травили соседских кошек, не вымеряли линейкой соседские кухонные столы и не требовали через суд спилить лишние сантиметры. А многие мои друзья жили на осадном положении, видывали и бирюзовых цыплят в своем супе, и кухонные драки, привлекались к «товарищескому» суду и бывали ответчиками по соседским доносам, вступали во внутриквартирные коалиции и бывали вероломно обмануты и преданы вчерашними союзниками…

Разве не чувствуется в государственном и международном масштабе школа, выучка и закалка советского коммунального бытия?

Тихая пристань

Полтора года назад, осенью 1978 года, мы снова, в который уже раз, оказались без крова и должны были искать себе жилье.

Сочувствующий читатель, вероятно, тут же представит себе жалобную картинку: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал» и так далее. Немолодые муж и жена с пятилетним ребенком тащатся по улицам города, с тоской глядя на чужие освещенные окна. Им придется ночевать на скамейке в городском парке (на вокзале; под мостом; и т. п.).

Неверно! Дело обстоит не так трагично и гораздо менее вразумительно, чем вы вообразили. В Москве, на Ленинском проспекте, в благоустроенном доме имеется жилплощадь, владелицей которой является Лариса Богораз («в дальнейшем именуемая „квартиросъемщик“» — то есть, стало быть, жилплощадь эта государственная и принадлежит Ларисе «на правах найма»). Там горит свет, из кранов течет горячая вода, кипит на плите чайник и теплые постели ждут хозяев.

Но не всех.

Лариса Богораз и ее сын могут лечь спать в свои постели. Более того, если Ларисе вздумается оставить на ночлег кого-нибудь из своих московских знакомых, никто ее не осудит, разве только ханжи. Но если на жилплощади Ларисы, именуемой «квартиросъемщик», проведет ночь ее собственный законный супруг Анатолий Марченко — их обоих осудит милиция. Осудит советский закон («по которому — как известно — радость приходит»).

Потому что Анатолий Марченко не прописан в Москве. А не прописан потому, что милиция отказывает ему в прописке. Милиция же отказывает на основании «Положения о паспортах», а что написано в этом «Положении», нам неизвестно, потому что оно частично секретное; зато известно, что за нарушение «Положения», то есть проживание без прописки хотя бы и у жены, полагается лагерный срок…

«Проживание» в обратном порядке, то есть жены у мужа, в данном случае тоже неосуществимо — хотя бы потому, что у мужа как раз нет этой самой жилплощади.

Так что, хоть и есть у нас две комнаты на Ленинском проспекте, жить нашей семье все-таки негде.

До ссылки Анатолия в Сибирь у нас был собственный дом в Тарусе на Оке, там мы и жили. За время ссылки — три с половиной года — местные власти снесли этот дом, чтобы возвести на его месте комбинат бытового обслуживания жителей:

ну там, должно быть, ремонт часов и башмаков, какие-нибудь фотосъемки на фоне натуральных зарослей сирени, общественную уборную с пипифаксом, может быть… Вместо своего дома мы увидели развороченные камни фундамента, переломанные кусты сирени и жасмина; там, где была калитка, уцелела посаженная нами рябинка. Больно было на это смотреть[1].

Даже камерный грабитель, отняв у вас новехонький свитер и ботинки на коже, кинет вам какой-нибудь драный бушлат «на сменку»: так у них принято. Тарусский горсовет предложил нам компенсацию «за причиненный ущерб» — две с половиной тысячи рублей (это что-то между четвертью и третью реальной стоимости снесенного дома); или же горсовет предоставлял Анатолию казенную однокомнатную квартиру вне очереди, но за это надо было отказаться от денежной компенсации. Вместо трех комнат в своем доме — одна в казенном, без водопровода, без канализации; ни сада, ни огорода. Знакомый принцип: на тебе лагерный бушлат взамен добротной твоей одежды и катись, еще спасибо скажи, что голым не оставили! И все же…

Лариса: Дают — бери! Хоть будет крыша над головой. И прописать в Тарусе должны без осложнений.

Анатолий: Ей-богу, возьмем лучше «сухим пайком» — деньгами! За две тысячи мы хоть собачью будку купим, развалюху последнюю, все лучше, чем этот их коммунальный склеп «с удобствами по среднерайонным нормам» — на двадцать четыре семьи три очка в дворовой будке. Руки свои, не казенные; любую хибару надстроим, перестроим, благоустроим, будем жить по-человечески. Казенную ж квартиру не расширишь, не улучшишь, не переделаешь, ты в ней не хозяин.

Лариса: Зато прописка обеспечена…

Анатолий: Ага, прописка; зато и выписка также. Если завтра меня посадят — квартиру отберут, и все. Ни денег, ни жилья. А если я работы в Тарусе не найду? Свой дом — в одном месте продали, в другом купили; а квартир для меня по городам и весям не припасено…

Взяли мы денежную компенсацию, и Анатолий отправился искать подходящий дом по ближним к Московской областям (в Московской, как и в самой Москве, нельзя — не пропишут). В Тарусе с нашими деньгами нечего было и рассчитывать купить, стало быть, надо было искать, где дома подешевле. Но и под Рязанью, и за Рязанью, и в Калужской области, и в Тверской — везде за дом просили немыслимую для нас цену: десять тысяч, двенадцать и более того; самые захудалые стоили не менее пяти тысяч. Анатолий пешком добирался до дальних деревень — там

дома были недорогие, но чтоб их купить, требовалось вступить в колхоз. Месяц поисков не дал результатов, оставалось еще проехать по Ярославскому направлению…

Базой Анатолию служило московское жилье: здесь жили Лариса с сыном. Но была эта база вроде партизанского лагеря на оккупированной территории, пробираться на нее и обратно следовало тайком, чтобы не быть замеченным милиционером (который, на беду, живет в том же подъезде). Анатолий приходил раз в три-четыре дня, всегда поздно вечером, а уходил на рассвете, затемно, и то не в дверь, а в окно. И все же, несмотря на эти предосторожности, в первую же неделю милиционер подстерег его и составил акт «о нарушении паспортных правил».

…Авторы испытывают крайнюю неуверенность: сумеют ли они, не обладая талантом Кафки, описать абсурдную ситуацию, которая к тому же имеет место в действительности? Поверит ли им читатель, не искушенный в тонкостях советского законодательства и не столкнувшийся с ним ни разу на практике?..

Хотя Анатолий, как не прописанный в Москве гражданин, не имеет права жить у своей жены, практически он мог бы там находиться почти постоянно, не нарушая закона: в течение трех суток отметка у паспортистки не требуется. Прожил в Москве (или где тебе надо) 72 часа — садись в электричку и уезжай «за пределы Московской области», возвращайся обратным рейсом — и отсчитывай новые 72 часа. Нелепо, зато согласно с законом.

Анатолий, уезжавший из Москвы всякий раз не на пару часов, а на двое-трое суток, закон не нарушил, однако схлопотал от милиции предупреждение. Мало соблюсти закон, надо еще иметь возможность доказать свою законопослушность, поэтому мы сочли за благо, ничего не нарушив, все же лезть к себе домой через окно, обмениваться условными стуками, темнить в разговорах со знакомыми по телефону и т. п.[2]

Еще два таких предупреждения — и суд, и новый срок. Мы осознали, что нужно обзавестись документированными алиби.

Анатолий: Нужда заставит пироги есть. В Козлове и в Калуге, в Рязани и в Конакове — везде я первым делом шел в гостиницу, хоть ночевать на вокзале мне привычнее. Нет общего номера — согласен на койку в красном уголке, на худой конец сойдет и номер «люкс» за три с полтиной. Совсем нет мест — пересплю в вестибюле в кресле, как мистер Твистер, только возьмите с меня плату за ночлег и, главное, выдайте квитанцию с гостиничным штампом.

Собрав таким манером порядочный букет квиточков, я однажды приехал в Москву раньше обычного и открыто явился к

жене. Наутро, только мы проснулись, звонок в дверь: техник-смотритель явилась ни свет ни заря справиться о неполадках, не продувает ли где, не подтекает ли… Смотри-ка, прежняя наука не забыта: вперед дворник или управдом, а за ними следом и мундиры голубые. И точно — минут через пять после заботливой дамы следующее явление: милиционер, да сразу и с понятыми! Протокол о нарушении заранее, поди, составил… Вот он достает из папки заготовленный бланк протокола — тут я ему и сую под нос свои квитанции. Пока я ему на словах толковал, мол, в Москву приезжаю изредка, мол, путешествуя по живописной средней полосе, там-сям и живу и даже, извините, провожу ночи, — он доброжелательно-насмешливо поддакивал: «Да-да, но кто это может удостоверить?» А тут бумажки! Конечно, приказано уличить, но кто ж знал, что у этого типа — у меня то есть — алиби! Бедняга-милиционер принялся сопоставлять даты на квитанциях, подсчитывать часы прибытия-убытия, понятые заметно поскучнели. Так и ушли ни с чем.

Вскоре после этого происшествия, счастливо для меня закончившегося, мне выпала настоящая удача: повезло набрести на эту нашу тихую пристань, на городок Карабаново. Как будто и городок, и дом, который я там присмотрел, таились до этого и ждали меня, как белый гриб прячется от всех грибников, пока ты его случайно не заметишь. Выйдя из автобуса в Карабанове, я сразу почувствовал: вот это место для нас, здесь мы будем жить. И надо же, дом оказался как раз такой, какой нам нужен: развалюха, зато втрое дешевле, чем такие же дома в других местах. Лучше не придумаешь.

Поиски окончены. Удача!

Лариса: Пока еще пол-удачи. А прописка?

Вообще-то с пропиской все должно быть в порядке. После ссылки Анатолию выдали в Сибири паспорт нового образца, без всяких отметок о судимости. При таком паспорте справку об освобождении можно спрятать подальше, никто ее не потребует. Мало ли, жил человек в Сибири, может, даже доброволец-бамовец; паспорт в руках — значит, не лагерник. Тем более не политически зловредный элемент: прицельно информированное и начитанное в советской прессе районное начальство, должно быть, представляет себе современного «диссидента» в облике диавола, у которого с раздвоенного языка срывается что ни слово, то антисоветская пропаганда, и в обыкновенном, как все, мужике не опознать ему этого самого агента ЦРУ и наемника империализма. Если только его не предупредят заранее…

Чтобы не предупредили, мы опять же приняли меры предосторожности. Во-первых, никому из друзей и даже родных

не сказали, что и где нашли: один скажет другому, другой третьему, и пойдет звон и в прослушиваемых квартирах, и по телефону. Даже между собой мы не говорили на эту тему вслух, и название будущего местожительства Анатолий написал Ларисе на бумажке. (Вообще, надо сказать, значительная часть семейных взаимоотношений осуществляется в наше время и в нашей среде, как у героев романа Чернышевского, «путем взаимной переписки», только, в отличие от Веры Павловны и ее супругов, мы эту переписку не храним, а спешим уничтожить поскорее и потщательнее.)

Во-вторых, покупать дом и прописываться мы отправлялись так, как вряд ли и бандиты отправляются «на дело». На рассвете вылезли из квартиры через окно, причем не вместе, а порознь, перелезли через ограду сада, чтобы выйти на проспект в неожиданном месте, кружным путем доехали до вокзала — и только в электричке, убедившись, что за нами нет слежки, вздохнули спокойно.

Возможно, эти предосторожности были излишними, но, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Прописка сошла благополучно, Анатолий Марченко привлек к себе внимание начальника милиции не более, чем любой другой приезжий[3].

Слава богу! В паспорте Анатолия стоит штамп карабановской прописки, покупка дома оформлена. Мы — законные жители Карабанова.

Анатолий: То есть это я законный житель, а моя семья — жена и сын — будет жить здесь на птичьих правах: они-то прописаны в Москве! Оставить московскую жилплощадь и поселиться в Карабанове по всем правилам? А вдруг и этот дом снесут, как снесли тарусский, — тогда мы все трое окажемся на улице. Да и купленный дом — пока еще не дом, так, место прописки. Пусть московские комнаты сохранятся, хоть пока мы здесь перестроим жилье.

Но пока можно перевести дух и оглядеться.

Когда заходит речь о Карабанове, мы забываем всякий скепсис и впадаем в лирический тон — до того пришелся нам по душе этот городок. И сам-то он по себе хорош — сохранился старый, столетней давности, центр, типичный для фабричного текстильного поселка средней России, с кирпичными, добротной кладки, «казармами», с торговыми рядами, со старой дамбой, обсаженной ивами, и новый центр (типовые четырех-пятиэтажки) украшен зеленью да и выстроен в стороне от старого, не врезается в него. А наш домишко и вовсе на отшибе, за оврагом, за прудом, среди других таких же деревенских изб — впрочем, многие из них перестроены, обновлены, их скорее назовешь по-современному

коттеджами, чем избами, а иные покосились, вросли в землю и выглядят еще более убого, чем наш.

Улицы на нашей окраине широкие, деревенские, с лавочками у калиток, с густым кружевом садов перед каждым домом; и даже — впервые такое видим — на каждой улице врыт столб с колоколом — должно быть, на пожар звонить (на всю окраину ни одного телефона). Не только что машин, мотоциклов — осенью, зимой и людей-то не увидишь неделями: старушки сидят у своих печек, народ помоложе пройдет на фабрику, с фабрики — и тоже в дом греться. Зато весной, летом все копошатся на своих огородах, и то и дело кто-нибудь окликает тебя от колонки или через забор: «ЗдОрОвО, сОсед!»

И не леса здесь, а перелески; и не река протекает — речушка лежит петлями в низине, и название ей по стати — Серая. Говорят, даром, что мелка, а рыбы в ней хватало; да вот теперь Александров спускает в нее неочищенные промышленные воды, так и пескаря не поймаешь, и вонь от нее на полкилометра… Но, говорят, строятся очистные сооружения, авось и построятся, пока мы живы. Зато грибов не только в лесу — за домом, на улице мимоходом наберешь на жарево. Да и до леса десять минут ходу.

Наша автобусная остановка называется «У колодца».

И КГБ в Карабанове вовсе нет. И хотя до ближайшего, александровского, всего двадцать минут езды автобусом — но все-таки приятен сам факт…

Идиллия, Аркадия… Идиоты, забыли, где живем! Как будто нам Карабаново уж и не советский город.

* * *

Анатолий: Мы выбирали не жилье, а место, и чтобы цена была нам по карману. Это не дом вообще-то, а традиционная русская изба, в каких жили наши предки веками. Холодные сенцы из тонких жердей, через них вход в «жилую» часть. А она состоит всего из одной комнаты. Посреди избы стоит большая русская печь и собою делит комнату на две части. Всего площади в этой избе вместе с печкой 30 квадратных метров. Снаружи «дом» имеет размер пять на шесть метров. Три маленьких оконца с фасада и одно боковое дают мало дневного света, и в избе стоит постоянно полумрак. До меня здесь жили две семьи: родители, еще не такие старые, и две взрослые дочери. Одна из дочерей была уже замужем, и поэтому здесь же жил зять и двое маленьких детей.

«У нас тут одни постели стояли», — рассказывала мне молодая хозяйка.

Мне в этой связи припомнился анекдот времен Хрущева. Когда он был в Америке в конце 1950-х годов и встречался с американским президентом Эйзенхауэром, то попросил того показать, как и в каких жилищных условиях живут американские трудящиеся. Зашли они к одному из американцев в дом, и тот стал показывать Хрущеву свое жилище: это вот прихожая, это гостиная, это кухня, это столовая, это мой рабочий кабинет, это библиотека, это спальня жены, это спальня дочери, это сына… Это ванная, это уборная…

Когда Хрущев обошел и осмотрел весь дом, Эйзенхауэр спрашивает: «Ну а у ваших рабочих, г-н Хрущев, какие жилищные условия?» Хрущев не стал врать: «У нас все так же, только без перегородок!»

Купленный мной «дом» был именно таким — «без перегородок». Строили его сразу после войны и не из нового леса, а перевезли из деревни сруб и собрали. Крышу крыли самодельной деревянной дранкой. Сейчас она уже прогнила, и, чтобы дом не заливало водой, поверх дранки ее накрыли рубероидом. Фундамента нет, и «дом» стоит на четырех кирпичных столбиках по углам.

По бокам вместо фундамента обшивка из гнилых досок, присыпанных опилками. Когда-то такой фундамент спасал жилье от зимней стужи, но сейчас все это прогнило: зимой снег наметает в подполье, а в щели между досками пола дует холодом. Печь здорово дымит, коптит, и потому в доме витает копоть и сажа, хотя тепла дает эта печь много. Окна тоже все прогнили, и их нельзя теперь открывать — рамы рассыпаются и вываливаются стекла. К тому же полностью сгнили три венца сруба, что увеличивает дыры в подполе и «тягу» оттуда в жилье.

Единственное, чем отличается это жилье от жилья моего далекого предка-язычника, — это то, что изба не курная, нет волокового окна, а над ней возвышается печная труба, да вот еще не лучина светит по ночам мне, а все же «лампочка Ильича». За водой ходи на улицу к ближайшей колонке (когда там вода бывает!), газом, даже привозным, пользоваться не разрешают по противопожарным нормам — плитку можно поставить в единственном месте, но это место вплотную к печке, да и высота жилья тоже не позволяет.

И опять — сортир. К нам приехал на недельку отдохнуть из Москвы внук Ларисы. Он на полгода всего-то старше нашего Павла. И когда у этого шестилетнего москвича мы спросили: «Миша, тебе где больше нравится: в Москве или в Карабанове?», он, немного подумав, сказал: «Вообще-то в Карабанове. Вот только уборная в Москве лучше. А это такое место, которое

человеку нужно каждый день». Он был у нас зимой, и его легко понять.

Здесь, в Карабанове, «принято» делать сортир не во дворе, а под одной крышей с жилым помещением: в сарае, в холодных сенях. У этого одно преимущество перед дворовым сортиром: не надо выскакивать на улицу по нужде, а всего лишь пробежать несколько шагов под той же крышей. Но летом этот плюс становится большим минусом: вонь проникает в дом. Особенно когда ветер дует со стороны сортира в дом. К нам, например, в такое время можно пройти через сени, лишь зажав нос. У меня еще хуже обстоит дело с сортиром потому еще, что у него нет выгребной ямы. Просто сортир стоит чуть выше фундамента-завалинки, и его содержимое растекается под домом и по сараю. Это пропитывает весь дом вонью сортира. Зимой я этого не замечал, зато с наступлением весны и летом насладился этим безмерно…

Я покупал этот полуразвалившийся дом с расчетом, что на его месте и вместо него построю себе то, что хочу. Мне уже перевалило за сорок лет. Моему сыну пошел седьмой год. Паспортная система, ограничения на право проживать в Москве и другие препятствия, существующие для советских людей — самых свободных на всем белом свете, не дают нам жить вместе. Мы не можем из-за этих ограничений «воссоединиться» в собственном Отечестве. У Ларисы очень старые и почти беспомощные родители. Они уже нуждаются в постоянном уходе. Взять их к себе не может ни Лариса в Москву, потому что живут они в разных концах столицы и закон не позволяет им съехаться и жить вместе, ни я, потому что взять их в Карабаново мне некуда. Да и как они будут у меня жить? Без воды, без газа, без… тьфу, черт, опять этот сортир! А ванна или баня? Они уже не в состоянии ходить в такую даль ради того, чтоб помыться. Да и баня городская здесь работает не каждый день, и автобус туда не ходит.

А мне переселиться в Москву к семье грехи не дают: судим и являюсь политически не преданным советской власти.

Вот мы и решили на общем семейном совете съехаться в Карабанове, плюнув на Москву. В один год думал я управиться с основными работами: разобрать старый дом, завезти строительный материал и начать строить с весны новый. Требования у нас не ахти какие: одну комнату метров в двенадцать нам с Ларисой, такую же ее родителям. Пашка на будущий год пойдет в школу, и ему тоже нужна отдельная комната такого же размера. Ну, и должна быть одна маленькая комната резервная: приедут гости или потребуется отделить

больного, а то и моих родителей тоже придется через год-другой забрать к себе. Итак, наши нужды определились примерно в 48 кв. м. жилых, плюс кухня-столовая и, конечно, ванная и теплый современный сортир с канализацией.

Одним словом, получалось, что мы отстраиваем себе дом такого же размера, как в Тарусе.

Зимой я начал завозить строительный материал.

Дом начинают строить с фундамента. А что требуется для фундамента? Гравий да цемент. Цемента не оказалось в торгующих организациях ни в Карабанове, ни в Александрове. Поехал я в Загорск, но и там его не нашлось. Оказывается, завоз цемента только весной, в апреле-мае. Ладно, буду караулить. А пока начну возить гравий: на дом нужно его не одну, с десяток машин. В районе единственный гравийный карьер в селе Брыковы Горы. Поехал туда, а мне говорят: «Частников не обслуживаем! Отпускаем гравий только организациям!»

А присутствовавшие тут же шофера, работающие на вывозке гравия из карьера, смеются надо мной: «Вот чудак! Кто ж тебе для дома даст гравий?» И тут же предлагают: «Да мы тебя завалим этим гравием. Плати по червонцу за машину, и все».

— А документы будут? — спрашиваю я.

— Какие еще документы?

— Ну, квитанция, что гравий не ворованный, а законно выписанный?

— Не-е…

Так-то вот. Плати по десять рублей за машину, и тебе в два-три дня навозят. Только мне-то таким образом приобретать что-либо не стоит. Сразу прибегут всякие «органы» и потребуют предъявить эти самые бумажки.

А я намеревался построить дом на всем законном.

Карьер подчинялся александровскому ДРСУ. Подал я заявление начальнику, а тот то же самое мне в ответ, что и в карьере: частников не обслуживаем!

Я ему под конец спора: ежегодно в центральных газетах публикуют постановления ЦК КПСС и Совета Министров о содействии местных властей индивидуальному строительству, о помощи и транспортом, и стройматериалами… А он мне с безразличием: «У нас такого нет».

Пришлось писать жалобу в областной центр. Писал я уже не в надежде добиться продажи мне гравия, а просто зубоскальства ради. Но вдруг из Владимира мне приходит бумажка-копия: «В виде исключения продать гр-ну Марченко гравий в количестве, необходимом для строительства дома…» Именно в виде исключения. Это единственное и наверняка последнее

исключение, которым я воспользовался от советской власти.

Выписал я у того же начальника себе двадцать пять кубометров гравия и — в карьер. Там, когда я предъявил разрешение на получение гравия, снова все были поражены. Оно и понятно. Ведь никто из частников не выписывает гравий, а просто покупают его у шоферов. Оно и выгодней: куб стоит по государственной цене шесть рублей, то есть маленький самосвал вместе с доставкой будет стоить двадцать пять рублей. А шофера его «толкают» налево по десятке машину. А тут еще и то, что частнику, даже если он захочет приобрести все законно, просто отказывают, и тем самым само государство поощряет воровство и жульничество.

Но вот я в карьере. Начальник карьера мне: «Пожалуйста, забирайте свои двадцать пять кубов».

Но машин для этого нет. Мне снова предлагают услуги шофера. На это я иду, ибо за левые перевозки у нас пока что не судят и никаких квитанций на это не нужно иметь.

Но шофера отказываются возить мне «мой» гравий. Они предлагают «свой», рейсовый. Вместо того чтоб везти гравий куда следует, его везут «налево» для продажи. Так что я забрал почти весь свой гравий, не использовав законных накладных.

Слава богу, с гравием я разделался довольно удачно.

Из всего строительного материала, что требовался мне, я законно смог купить только шифер и кирпич. Но кирпич оказался доступен частнику только потому, что он немыслимо низкого качества. Этот кирпич разваливается в руках, и его приходилось грузить в машину осторожно, как легко бьющуюся посуду. И все равно при погрузке-выгрузке да дорогой от тряски треть, если не половина, кирпича превращалась в битьё.

Особенно плохо пришлось мне с добыванием леса и пиломатериалов. В Александрове и в Карабанове существуют лесничества и леспромхозы. На их складах есть и круглый строевой лес, и всякий пиломатериал. Но ничего нельзя выписать. Единственное, что мне удалось приобрести, — это отходы от пиломатериалов — дровяной горбыль. Все начальство на мои просьбы объяснить мне, почему я ничего не могу купить у них, отвечало одно и то же: частников мы не обслуживаем.

Это общее правило. И неизвестно, чем руководствуется при этом государство. А результат один: процветают взяточничество и воровство. Люди строят, и им строительный материал нужен. И они его достают доступными, но незаконными способами. И при этом, как правило, частнику все обходится намного дешевле. Это оттого, что «продавец» в таком случае продает не свое, а ворованное, и ценой не дорожит. Так что в выигрыше от этого и

«продавец», и покупатель. Проигрывает государство, и здорово. Я уж не говорю о морали и нравственной атмосфере в стране.

Я уже давно убедился, что в нашей стране создан строй, при котором каждого человека делают преступником. Тебе дано много разных «прав», но на деле ты это право можешь осуществить и реализовать, только нарушая Уголовный кодекс.

Вот тому самое, как мне кажется, яркое доказательство. Начав завозить материал, я обратился в исполком за разрешением на строительство. Я надеялся, что встречу там и понимание, и помощь — хотя бы в приобретении технической документации. Разговор у меня состоялся с главным архитектором Александровского района. Он мне заявил, что мне никто не разрешит строить дом.

— Это почему же? — опешил я.

— Износ вашего дома составляет всего лишь сорок два процента, и в нем еще жить да жить можно!

— А сколько процентов износа нужно, чтоб вы разрешили построить новый дом?

— Не менее шестидесяти пяти.

— Это что же, ждать, пока меня вместе с семьей завалит гнилушками или когда пообмораживаемся все зимой?

— Мы вам можем разрешить сделать капитальный ремонт.

И пошло все вокруг этого. Ни в какую мне не разрешают построить новый дом. И чего только не было мне наговорено в отделе главного архитектора! Оказывается, имеется масса причин и предлогов не давать населению строить дома.

— «Закон о частном домовладении» говорит, что всякий человек может строить дом не более 60 кв. м. И нигде в законе этом не говорится о минимуме! — твержу я им.

— Ага! — в ответ мне. — Вы построите себе три или четыре комнаты, да еще все отдельные, а потом будете их сдавать квартирантам!

— Ну, и что же в этом плохого, даже если так и будет (хотя у меня и в мыслях этого не было!)? Закон ведь не запрещает сдавать внаем жилье. Плати налог и сдавай.

— С нас спрашивают и контролируют!

Надо же! В местной газете то и дело читаешь объявления: такой-то завод или техникум снимет комнаты в частных домах для своих рабочих или для студентов. А тебя по одному только подозрению, что ты вдруг заимеешь возможность сдать комнату, лишают права иметь жилье.

— Ага! Построите новый дом, а потом захотите его продать!

— А в этом что недозволенного? Ведь закон и это разрешает! Насильно я свой дом никому не навяжу и жить в нем не заставлю.

Какой идиотизм: в стране настоящий кризис с жильем, и власти вместо того, чтобы поощрять людей строить дома, делают все дозволенное и даже недозволенное, чтобы препятствовать этому. Я объездил весь Союз и нигде, ни в каком его конце не встречал случая, чтобы приезжему человеку государство предложило жилье. Люди мечутся в поисках чего угодно: квартиры, комнаты или просто угла.

— Ладно, — говорю я, смиряясь, — продам я завтра свою развалюху и обращусь в горисполком с просьбой дать мне квартиру. Дадите?

— Нет, квартир у нас нет. Много строим, но все равно не хватает.

— Так почему ж не даете самому мне строить для себя?

«Не дает ответа».

И «посторанивaются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Мы еще хотим, чтоб нас понимали иностранцы! Да я вот живу в этой стране пятый десяток, здесь родился,> крестился и вырос, а на вот тебе, она каждый раз выкинет что-нибудь такое, на что и ответа не дашь ни сам себе, ни кто другой не ответит ничего вразумительного. У меня от всего этого сложилось такое впечатление о нашем устройстве: где-то ежедневно заседает и усиленно работает огромная и авторитетная организация, и думает она только об одном, какую бы пакость или несуразицу придумать для населения, как бы и что бы еще сделать, чтобы жизнь его стала еще бессмысленней и немыслимей?

И с каждым годом больше убеждаюсь: если мы еще и живем, и дышим, то как раз вопреки желанию власти.

…Прежде чем приступить к строительству дома, я решил провести к нему водопровод. Водопроводная трасса проходит в двух метрах от моей калитки — еще ближе, чем в Тарусе. Узнал, что разрешения на водопровод дает горкомхоз. Обратился туда, и мне велели заказать в проектной конторе в Александрове документацию на водопровод и на проект канализации. Побывал там. Через полтора месяца документация была готова и согласована, как и положено, с санэпидемстанцией. С папкой этих документов заявился я к начальнику горкомхоза. Полтора месяца назад он меня направлял в проектную контору, а теперь, не смутясь и не задумываясь, отказывает мне в разрешении на водопровод и на канализацию.

Устно он мне говорит: «Воды не хватает в городе, и мы никому не разрешаем подсоединяться к городскому водопроводу. Пользуйтесь, как все жители, колонкой!»

— Но ведь от колонки я могу брать воды неограниченное

количество! Почему не разрешите в дом провести? Разница только в том и будет, что в облегчении.

— Только в исключительных случаях разрешает исполком провести водопровод в дом. Вот если бы вы были инвалидом войны или ветераном труда, тогда бы вам провели…

— Или был бы я секретарем горкома партии…

Молчит.

Но на заявлении он мне пишет резолюцию: «Отказать из-за отсутствия в горкомхозе чугунных труб».

— А если я достану вам трубы чугунные, то вы мне разрешите?

— У нас не хватает рабочих, чтоб проводить воду в частные дома…

— А если я найду и рабочих?

— Я ж вам сказал, если б вы были инвалид войны…

— Так на кой черт вы меня посылали в проектную контору заказывать проект? Зачем я потратил полтора месяца и уплатил двадцать рублей?

— А что я могу поделать, раз у нас нет труб?

— А если я достану трубы?

— У нас не хватает рабочих…

Сказка про белого бычка.

Написал я об этом жалобу во Владимир в областной отдел коммунального хозяйства. И меня скоро вызвали на заседание горисполкома…

Последний срок Анатолия Марченко в документах

Документы по делу 1981 года

1.

К делу № 41 от обвиняемого
по этому делу по статье
70 ч. II УК РСФСР
Марченко Анатолия Тихоновича

Заявление

На первом допросе 18 марта с.г. я заявил начальнику следственной группы подполковнику КГБ [нрзб.] в присутствии прокурора Образцова об отказе давать следствию какие-либо показания по предъявленному мне обвинению по ст. 70 ч. II УК РСФСР.

Свой отказ от участия в следствии я мотивировал тем, что считаю КГБ преступной организацией.

Сейчас я считаю необходимым собственноручно объяснить и уточнить эту свою мотивировку.

Поскольку деятельность КГБ (и вообще вся жизнь в стране) направляется, контролируется КПСС, а Председатель КГБ Андропов является в то же время и членом Политбюро ЦК КПСС, то я считаю преступными обе [эти] организации, считаю КПСС и КГБ организациями компрачикосов XX века.

Отличие современных компрачикосов от их средневековых предшественников лишь в том, что те уродовали совершенство природы — красоту человеческого тела, а современные уродуют душу и разум человека. Да в том [нрзб.], что эта одна из самых мрачных [нрзб.] средневековья — преступное и чудовищное ремесло выродков рода человеческого — взята на вооружение современным государством, возведена в СССР в ранг государственной политики, в средство управления народом. Я родился и вырос при социализме. Но меня никогда не прельщали его прелести. Они мне чужды и омерзительны сегодня. Помесь бесовщины Достоевского и сатиры Щедрина в эпоху НТР — вот какой видится мне и физиономия «развитого» социализма. Это лишь смутные контуры «светлого будущего всего человечества» — цветочки марксистского эксперимента в СССР.

Действительное же назначение статьи 70 УК РСФСР состоит в том, чтобы законно ликвидировать политическую оппозицию в стране и законно ликвидировать свидетельства преступной деятельности КПСС и КГБ.

Статья 70 УК РСФСР противоречит духу и букве Всеобщей Декларации ООН о правах человека. Но и не будь этой Декларации ООН, то и тогда я никогда не признаю права кого бы то ни было силой контролировать, направлять мою духовную и культурную жизнь, грабить в моем доме мои (и членов моей семьи!) письменный стол, книжные полки.

Считая себя человеком свободным, я не намерен и в будущем ограничивать свою духовную и культурную жизнь статьями УК, лишающими меня гражданских и политических свобод. Участвовать же в следствии по обвинению кого бы то ни было по ст. 70 УК РСФСР считаю делом постыдным и недостойным.

Данное заявление является моим ответом на все вопросы следствия пройденного этапа и на будущее.

27 мая 1981 г.

з/к тюрьмы № 2 г. Владимир

(подпись)

2.

Последнее слово

А.Т. Марченко на суде

(г. Владимир, 4.09.1981)

Меня обвиняют по 70-й статье: за пропаганду и агитацию, за клевету, направленную к ослаблению и свержению советского общественного и государственного строя. В доказательство этого обвинения здесь говорили о том, что я ненавижу советскую власть.

Прежде всего я должен сказать: у меня нет родовых, семейных оснований враждебно относиться к советской власти. Никто в моей семье — ни дед, ни отец — не пострадал от нее. Даже наоборот, здесь вот говорили: отец — участник Отечественной войны, деда расстрелял Колчак. Так что родовых причин нет. Мое отношение к советской власти сформировалось совсем другими причинами.

Руководители КПСС и советского государства постоянно твердят, что их главная и единственная цель — благо советского народа. Для этого создано наше государство, для этого оно существует.

И если тратятся миллиарды на вооружение, так нас к этому вынуждает агрессия империализма, вооружение нужно для защиты интересов нашей страны в разных уголках мира. Так нам говорит наше правительство, и мы должны этому верить. Но разве советский человек выбирает, что ему важнее — потратить

миллиарды на Кубе или в Рязани? Где его интересы существенней — в Ливане или во Владимире? Советский народ не знает и не может знать, во сколько тысяч жизней и во сколько миллиардов рублей обходится ему «защита советских интересов» в Анголе, во Вьетнаме, в Афганистане… Но при этом каждый из нас обязан любить советскую власть — ведь она о нас «заботится».

Каким же способом обеспечивает Советское государство преданность себе своего народа? Террором внутри страны — с самого начала существования советской власти. Едва только кончилась Гражданская война, Ленин пишет в записке Курскому (наркому юстиции) о том, что необходимо усилить террор; это во время перехода к мирному социалистическому строительству. Завоевав власть, большевики сразу же начали гражданскую войну против своего народа, войну государства с народом: «усилить террор»!

А что еще было делать? Ленин знал, к чему он стремится, — надо было сохранить власть. Во время борьбы за власть партия много чего обещала: и бесплатное обеспечение детей-школьников питанием, одеждой, обувью, учебниками, школьными принадлежностями; и освобождение женщин от работы в вечерние и ночные смены; и отпуск каждому рабочему не менее тридцати рабочих дней… Эти обещания до сих пор не выполнены, их и не помнят. А тогда? Ведь рабочие, крестьяне, солдаты, вернувшиеся с фронта, могли потребовать выполнения данных обещаний. Вот что родило идею террора; причем теперь Ленину мало того уровня, который был до сих пор, — «усилить». Конечно, замаскировав войну против собственного народа лозунгом борьбы с какой-нибудь контрреволюцией. Этот ленинский курс во внутренней политике советского государства сохраняется на протяжении всей его истории. Для той же цели — для подавления в зародыше возможного сопротивления народа — Сталин сочинил теорию обострения классовой борьбы по мере укрепления социализма. Теперь вот выдумали идеологическую борьбу.

Всегда надо этой власти бороться с чем-нибудь, прикрывая любым ярлыком войну со своим народом, начатую Лениным.

Что такое сегодня эта 70-я статья, по которой меня судят? Эта статья нужна и используется для того, чтобы духовно поработить всякого и каждого, чтобы всех нас превратить в рабов. Любое высказанное независимое мнение — и ты уже государственный преступник по 70-й статье. Нет, мы не государственные преступники — мы военнопленные. Когда-то с пленниками поступали иначе: их съедали. Позднее — обращали в рабов, заставляли работать на себя. Вот и для меня приготовлены — истребительно-трудовые. Военнопленных ведь либо

расстреливают, либо держат в плену до конца войны.

Конечно, как всегда, здесь говорят, что меня судят не за мои убеждения, а за действия — за те произведения, которые я написал. Называя их антисоветскими и клеветническими, суд ни разу не привел ни одной строчки, не сослался ни на одно положение, ни на один факт из этих работ. Четырнадцать томов «дела» у вас на столе — и ни одного факта, ни одной ссылки. Суду доказательств не нужно. Либо их нет, доказательств, либо вы не в состоянии оспорить мои произведения. «Клеветнические»? Где она, клевета? Я только одно покажу, что нет клеветы, нигде нет.

Вот статья «Третье дано». Речь идет о внешней политике страны и о ее исторических корнях. Ленин еще в 1918 году определил цель нашей внешней политики как расширение социализма до Всемирной социалистической республики [цитирует, ссылаясь на том и страницу]. Это не мы с соавтором придумали, это взято из ленинской работы. Советское правительство и партия все годы — и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе — подчеркивают, что внешняя политика нашего государства — это ленинский курс, даже существует термин: «ленинская внешняя политика». А это есть политика расширения влияния системы социализма; это и говорится в статье «Третье дано».

В статье говорится о разрядке, анализируется отношение Советского Союза к разрядке международной напряженности. Это — термин и понятие брежневской эпохи; но сам Брежнев говорит, что нынешняя политика разрядки имеет корни в политике мирного сосуществования двух систем, капитализма и социализма, автором которой был Ленин. Ну так в чем же видел Ленин смысл мирного сосуществования? В том, что оно нужно нам, пока мы слабее империализма; а когда будем сильнее, то «набросим удавку ему на шею».

К чему ведет этот ленинский тезис, что мы должны быть сильнее империализма? Он ведет к гонке вооружений, в наших условиях — к накоплению термоядерного оружия, в перспективе — к термоядерной войне и гибели всего человечества. Слава богу, что ни Хрущеву, ни Брежневу не показалось пока, что мы сильнее империализма: не то, следуя ленинским курсом, попытались бы «набросить удавку».

В статье «Третье дано» приводится несколько эпизодов, характеризующих внешнюю политику нашей страны, ее отношение к международным договорам, — начиная с эпизода с засылкой в Германию подрывной литературы в ящиках с диппочтой. Клевета? Нет, достоверный исторический факт.

Современное советское правительство не пересмотрело некоторые положения ленинской внешней политики и декларированные Лениным цели. Вот почему я и мой соавтор испытываем недоверие к так называемым мирным инициативам советской дипломатии, к многоаспектной «разрядке». Мы высказываемся за разрядку в военной области, в области вооружений.

На следствии меня спросили, с какой целью написана статья «Третье дано». Но это сказано в самой статье, в самом начале: эта работа есть высказывание одной из неофициальных точек зрения на советскую внешнюю политику. Официальная трактовка другая, есть и другие, неофициальные, позиции в этом вопросе. У нас — вот такая позиция.

О книге «От Тарусы до Чуны» тоже спрашивали: с какой целью писал? В середине прошлого века в России в английское посольство пришел один человек, принес рукопись и просил, чтобы она была опубликована в Англии. Его тоже спросили (правда, не на следствии, а в посольстве), зачем он это делает, то есть «с какой целью изготовил и распространяет». Он ответил так: «Я не хочу, чтобы такой гордый и независимый народ — англичане — думал, будто все в России согласны с мерзостями, которые у нас творятся». Вот таков же и мой ответ. Пусть весь мир знает, какие мерзости у нас творятся. И что не все их приемлют. Где там клевета, где неправда?! Что — я не был в 1975 году арестован? Не держал голодовку почти два месяца? Меня не отправили, голодающего, в этап? Неправда это, что ли?

Тут говорили, что в открытом письме академику Капице я пропагандирую террор. Что же имеется в виду? Лучше я просто прочту из письма: «…судьба… молодых людей, в том числе и Ваших учеников, зависит от Вашей сегодняшней позиции. Ситуация толкает молодежь к экстремизму. <…> Расправа с А.Д. Сахаровым и другими нравственными оппозиционерами режиму при невмешательстве таких уважаемых людей, как Вы, в конце концов приведет к терроризму, и тогда все повторится сначала. И новый Кибальчич сделает выбор между наукой и пиротехникой в пользу последней».

Предостережение против терроризма трактуется как пропаганда его! Тут и сказать нечего; все другие обвинения такого же рода.

Но вот что: в обвинении упоминаются три моих открытых письма — Капице, Бондарчуку, третье — Кассису и Михайлову. Ну, Кассис и Михайлов — ладно, журналисты. Но академик Капица, народный артист Бондарчук — сами они не могли мне ответить? Почему на эти письма мне отвечает суд — приговором?

Может, Бондарчук и Капица неграмотные? Скорее всего, они не ответили, потому что им нечего ответить. Нечем возразить мне.

Кроме этих работ, в обвинение включены и мои черновики, черновые заметки. В нормальном человеческом общежитии даже и заглянуть в чужие черновики считается неприличным, а здесь они вошли в тома судебного дела. Следователь так объяснил мне: «Черновики позволяют заглянуть в вашу душу, Марченко. Вы писали их без оглядки».

Правда, на суде и на положения из черновиков не ссылались; просто «вменяется в вину». С черновиками проще всего, они ведь не опубликованы.

Но бывает, что и черновики публикуют. Это касается черновиков покойников. В них, значит, тем более можно и заглянуть, и увидеть душу автора. Что ж, заглянем. В одном из последних томов собрания сочинений В.И. Ленина есть специальный раздел «Подготовительные материалы» — то есть черновики. Причем это записи последних лет, так сказать, итог жизни и деятельности. Там есть такая запись: «Советская власть — говно…» Во всех городах, на улицах и в учреждениях мы видим чистовой лозунг того же автора: «Социализм есть советская власть плюс электрификация». А в душе, стало быть, Владимир Ильич держал вот что: «Социализм есть говно плюс электрификация».

Вот что значит использовать черновики для того, чтобы читать в душе.

Впрочем, бесполезно защищаться здесь от конкретных обвинений: их нет. И в обвинении, и в выступлениях прокурора, адвоката — везде повторяется одно и то же, навешены ярлычки для устрашения: «пропаганда террора», «прославление фашизма», «с целью подрыва» и тому подобное. Никому из тех, кто меня судит, доказательства не нужны. Здесь меня судят люди старшего поколения.

И судья, и прокурор, и адвокат, и заседатели — это поколение моих родителей. Фронтовички. Это они, защитив Европу от фашизма, возвратились домой, звеня орденами и медалями. И тут же погнали друг друга в лагеря. Где ж было их мужество под родной палкой?! Потом признали: зря погнали, это была ошибка. А тогда? Одни арестовывали, другие покорно шли и только бессильно недоумевали: «Меня-то за что?» Так свидетельствует боевой офицер, фронтовик, замечательный русский писатель Солженицын. Я горжусь, что не принадлежу к этому поколению!

Мое поколение — когда нас арестовывают, мы знаем, за что. За то, что мы не рабы.

Тут верно говорили: шестой раз мне приходится сидеть на этой скамейке. Но в этот раз впервые я, можно сказать, чувствую удовлетворение, потому что судят меня не по фальшивому обвинению. Вон они на судейском столе: книги, статьи, публицистические очерки, которые я написал. Меня, конечно, не удивляет ни этот суд, ни готовый мне приговор: десять лет. Нигде в мире, кроме стран с коммунистическим или с фашистским режимом, не судят людей за критику государства, за литературу, за публицистику. Только коммунистический и фашистский режимы защищают свою идеологию таким образом: вместо того чтобы бить по идеям, бьют по черепам.

Казалось бы, даже смешно такому огромному государству с такой сильной машиной массовой пропаганды, государству, которому принадлежат вся пресса, радио и телевидение, бороться с идеями вот таким способом — лагерями, тюрьмами. Но, значит, у коммунистической, у советской идеологии нет других аргументов.

Я свое отношение к советской власти, к ее идеологии и политике не скрывал и не скрываю. Я не держу кукиш в кармане, говорил и говорю, что думаю, в этом смысле мое положение лучше, чем тех, кто меня судит. А где сказано, что я обязан любить тот государственный строй, который установлен в моей стране, его идеологию, его мероприятия? Но раз этот государственный строй считает, что единственный способ его сосуществования с такими, как я, это держать их за решеткой, — ну тогда, значит, я буду вечно, до конца дней за решеткой. Я буду ваш вечный арестант.

3.

Дело 2–1 с

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 4 сентября 1981 года

Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда в составе: Председательствующего Колосова Н.Н. и народных заседателей Зорина В.А. и Митина В.А. при секретаре Волковой З.Д.

с участием прокурора заместителя прокурора области Сальнова С.Я. и адвоката Фрадкина Л.Д. в гор. Владимире

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича, 23 января 1938

года рождения, уроженца города Барабинска Новосибирской области, русского, гражданина СССР, беспартийного, с образованием 8 классов, женатого, имеющего на иждивении ребенка в возрасте 8 лет, работавшего кочегаром-оператором котельной № 6 ЖКО комбината имени III-го Интернационала, проживавшего в доме № 43 по улице Ленина города Карабаново Владимирской области, ранее судимого:

1.13 марта 1958 года народным судом города Сарани Карагандинской области по ст. 74 ч. II УК РСФСР к лишению свободы сроком на два года, освобожденного досрочно 18 декабря 1959 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1959 года, со снятием судимости,

2. 3 марта 1961 года Верховным судом Туркменской ССР по ст. 15 Основ уголовного законодательства СССР и ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления с применением ст. 37 Основ уголовного законодательства к лишению свободы сроком на шесть лет, освобожден 2 ноября 1966 года по отбытии меры наказания,

3. 21 августа 1968 года народным судом Тимирязевского района города Москвы по ст. 198 УК РСФСР к лишению свободы сроком на один год,

4. 22 августа 1969 года Пермским областным судом по ст. 190-1 УК РСФСР к лишению свободы сроком на два года. На основании ст. 41 УК РСФСР присоединено наказание в виде 1 месяца 28 дней, не отбытое по приговору от 21 августа 1968 года и к отбытию Марченко А.Т. определено два года один месяц 28 дней лишения свободы, освобожден 29 июля 1971 года по отбытии меры наказания,

5. 31 марта 1975 года Калужским городским народным судом по ст. 198-2 УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на четыре года, освобожден 9 сентября 1978 года по отбытии меры наказания.

В преступлении предусмотренном ст. 70 ч. 2 УК РСФСР УСТАНОВИЛА

Подсудимый Марченко А.Т., будучи судим в 1961 году за совершение особо опасного государственного преступления — покушение на измену Родине и в последующем еще три раза за другие преступления, в связи с чем судимость в установленном законом порядке не погашена и не снята, своей преступной деятельности не прекратил.

В силу своего враждебного отношения к Советской власти и в целях ее подрыва и ослабления он в период с 1975 года и до его ареста 17 марта 1981 года, проживая в поселке Чунском Иркутской области и в городе Карабаново Владимирской области,

систематически изготовлял, хранил и распространял антисоветскую литературу и другие материалы, порочащие советский государственный и общественный строй и содержащие призывы к его подрыву и ослаблению.

Действуя в угоду антисоциалистическим силам и имея цель дискредитировать устои Советской власти, обмануть мировую общественность и создать у нее искаженное представление об СССР, Марченко А.Т. передавал сочиненные им пасквили на запад, где они широко использовались зарубежными антисоветскими организациями и пропагандистскими центрами в осуществлении акций идеологической диверсии против Советского Союза.

С отдельными своими произведениями враждебного содержания, изданными за рубежом, он знакомил советских граждан.

Преступление Марченко А.Т. совершено при следующих обстоятельствах.

В 1975 году, отбывая ссылку за совершенное преступление в поселке Чунском Иркутской области, Марченко А.Т. в целях подрыва и ослабления Советской власти написал и распространил антисоветское произведение под названием «От Тарусы до Чуны», в котором возводятся клеветнические измышления на Советский государственный и общественный строй, компрометируется социалистическая демократия, сущность Советского государства, порочится деятельность КПСС и правоохранительных органов.

Названное произведение издано отдельными сборниками Нью-Йоркским издательством «Хроника» в 1976 году и Страткона — в 1980 году, а также передано на Советский Союз зарубежной подрывной радиовещательной станцией «Радио Свобода» 15 апреля 1979 года (т. 3, л.д. 163–183; тт. 7, 8; т. 6, л.д. 331).

В начале 1976 года Марченко А.Т. ознакомил с изданной за рубежом книгой «От Тарусы до Чуны» жителей поселка Чунский Иркутской области Сидорова В.В. и Ханова В.В.

В августе 1975 —январе 1976 года Марченко А.Т. в поселке Чунский в тех же преступных целях в соавторстве с неустановленным единомышленником под псевдонимом «М. Тарусевич», изготовил и передал для опубликования за границу антисоветскую статью под названием «Третье дано». В этом произведении порочится Советский государственный и общественный строй, извращается внутренняя и внешняя политика КПСС и Советского правительства и содержатся призывы к буржуазным государственным и общественным деятелям, представителям международных организаций и

средствам массовой информации Запада активизировать враждебные акции против СССР с целью подрыва его основ и изменения внутри- и внешнеполитического курса Советского государства в направлении угодном антисоциалистическим силам. Эта статья опубликована в зарубежном антисоветском журнале «Континент» № 9 за 1976 год и передана на Советский Союз радиостанцией «Немецкая волна» 21 января 1977 года (т. 8, л.д. 81-122; т. 6, л.д. 302–309).

При написании указанной статьи Марченко А.Т. использовал хранимую им у себя дома во враждебных целях антисоветскую литературу — фотокопии книги Р. Конквеста «Большой террор», в которой возводится клевета на деятельность КПСС на различных этапах социалистического строительства в СССР, содержатся злобные выпады в адрес основателя Советского государства, грубо извращается марксистско-ленинское учение, советская система государственного управления (тт. 10, 11).

В июне 1976 года Марченко А.Т., продолжая отбывать ссылку, с целью дискредитации Советского государства и популяризации враждебной деятельности антисоветских элементов написал и распространил так называемый «Публичный ответ газете „Известия”», в котором порочит социалистическую демократию, советский государственный и общественный строй и высказывает намерение и в дальнейшем «поставлять» на запад антисоветские материалы. В июле 1976 года названная статья им была направлена в редакцию газеты «Известия», а также передана для ознакомления единомышленникам и опубликования за границу. Впоследствии она была напечатана в так называемых «материалах самиздата» радиостанции «Свобода» от 22 октября 1976 года и сборнике зарубежной антисоветской организации НТС «Вольное слово» за 1977 год (т. 4, л.д. 63–69, 105—11[?], 129–134; т. 5, л.д. 95-103; т. 6, л.д. 281–285).

В 1977–1978 годах Марченко А.Т., будучи в ссылке, а затем проживая в городе Карабаново Владимирской области, преследуя цель подрыва и ослабления Советской власти, изготовил и распространил антисоветское произведение под названием «Живи как все», в котором, представляя себя участником якобы существующей в СССР политической оппозиции, порочит Советское государство, возводит злостную клевету на советскую действительность, образ жизни трудящихся в СССР, социалистическую демократию и в целом Советскую власть. Это произведение опубликовано в 3-м выпуске зарубежного антисоветского сборника «Память» за 1980 год (т. 5, л.д. 104–144; т. 6, л.д. 227–245).

В марте 1980 года в городе Карабаново Марченко А.Т. в тех

же целях изготовил и распространил «Открытое письмо академику…», в котором он, пытаясь дискредитировать Советское государство, призывает Советских ученых к антиобщественным выступлениям в защиту выдворенного из Москвы за враждебную деятельность Сахарова, пропагандирует террор и другие формы экстремизма как метода борьбы с существующим в СССР строем. Содержание «Открытого письма…» передано на Советский Союз радиостанцией «Немецкая волна» 31 марта 1980 года и опубликовано французской буржуазной газетой «Монд» от 2 апреля 1980 года (т. 5, л.д. 208–212; т. 6, л.д. 246–247, 339).

В 1980 году Марченко А.Т. у себя на квартире в городе Карабаново подготовил в целях использования во враждебной пропаганде антисоветские материалы, текст которых начинается со слов: «Приговоры— демонстрация…»[4], в которых возводится злобная клевета на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, историю развития Советского государства, его экономическую и политическую основу, извращается сущность деятельности КПСС и Советского правительства на всех этапах развития социализма в СССР, обеляется гитлеровский нацистский режим и оправдывается вторжение фашистских войск на территорию Советского Союза, излагаются рекомендации о целесообразности и необходимости свержения существующего в СССР строя вооруженным путем с помощью изменников Родины и предателей (т. 5, л.д. 251–264).

В январе — феврале 1981 года в городе Карабаново Марченко А.Т. подготовил для распространения антисоветские материалы под названием «Войдут или нет… танки в Польшу»[5], в которых с враждебных позиций рассматриваются взаимоотношения СССР со странами социалистического содружества, возводится злостная клевета на КПСС и ее основателя, порочится Советский государственный и общественный строй (т. 5, л.д. 213–217).

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Марченко А.Т. пояснил, что в 1975 году он, отбывая ссылку, в поселке Чунском Иркутской области написал книгу под названием «От Тарусы до Чуны», в августе 1975 года — январе 1976 года в соавторстве с М. Тарусевич написал статью «Третье дано», в июне 1976 года написал «Публичный ответ газете „Известия”», в 1977 году написал произведение «Живи как все», в марте 1980 года в городе Карабанове написал «Открытое письмо академику…», в 1980 году написал «Приговоры— демонстрация…», в январе — феврале 1981 года написал материал «Войдут или нет… танки в Польшу?» Все свои произведения он писал для распространения их за рубежом в целях подрыва и ослабления Советской власти, и далее он пояснил, что государственный и общественный строй

СССР он ненавидит и сожалеет, что мало сделал против Советской власти.

Преступная деятельность Марченко А.Т. по изготовлению, хранению и распространению антисоветской литературы и иных материалов, порочащих Советский государственный и общественный строй и содержащих призывы к его подрыву и ослаблению, доказана материалами дела.

Так, изготовление и распространение Марченко А.Т. антисоветского сочинения под названием «От Тарусы до Чуны» подтверждается: вещественными доказательствами — книгой подтем же названием, изданной на русском языке в 1978 году Нью-Йоркским издательством «Хроника», книгой на английском языке аналогичного содержания под названием «От Тарусы до Сибири», опубликованной в США издательством Страткона в 1980 году и изъятой у Марченко А.Т. при обыске 17 марта 1981 года (т. 3, л.д. 163–183; т. 7, 8);

подборкой машинописных документов под названием «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики…» (сборник документов по делу Анатолия Марченко), изъятой при обыске у Марченко А.Т. 20 мая 1977 года, текст которой включен в изданную за рубежом книгу «От Тарусы до Чуны» (т. 5, л.д. 1-80); вещественным доказательством — «материалами к библиографии Марченко», изъятыми у него при обыске 15 февраля 1980 года, в которых в числе других сочинений, изготовленных им, указана также книга «От Тарусы до Чуны» (т. 5, л.д. 297–298); заключением эксперта о том, что рукописный текст «материалов к библиографии… Марченко» исполнен его женой Богораз-Брухман Л.И. (т. 4, л.д. 184–185); протоколами обысков от 20 мая 1977 года и 15 февраля 1980 года (т. 3, л.д. 20, 26); протоколами осмотра названных сочинений от 23 марта — 3 апреля 1981 года и 30 сентября 1977 года (т. 3, л.д. 84, 204–211);

выпиской из передач «Радио Свобода» от 15 апреля 1979 года (т. 6, л.д. 331); показаниями свидетелей Ханова В.В. и Сидорова В.В., которые пояснили о том, что Марченко А.Т. в начале 1976 года ознакомил их с изданной за рубежом книгой «От Тарусы до Чуны» (т. 2, л.д. 29–36, 47–57).

Виновность Марченко А.Т. в изготовлении и распространении антисоветской статьи под названием «Третье дано» доказана:

вещественным доказательством— журналом «Континент» № 9 за 1976 год с текстом статьи «Третье дано», изъятым у Марченко А.Т. при обыске 15 февраля 1980 года (т. 8, л.д. 81-122);

вещественным доказательством — фотокопией отдельных глав книги Конквеста «Большой террор», изъятой у Марченко А.Т.

при обыске 20 мая 1977 года и использованной им при изготовлении названной статьи (т.т. 10, 11);

вещественным доказательством — записной книжкой Марченко А.Т., изъятой у него при обыске 20 мая 1977 года и содержащей выдержки из этой антисоветской книги, исполненные, согласно заключению эксперта, лично Марченко А.Т. (т. 5, л.д. 207);

вещественным доказательством — черновыми рукописными записями, начинающимися словами: «Внешняя политика была…», изъятыми при обыске в квартире Марченко А.Т. 20 мая 1977 года и, согласно заключению графической экспертизы, исполненными им. Содержание указанного документа аналогично части текста статьи «Третье дано» (журнал «Континент» стр. 119) (т. 5, л.д. 206);

вещественным доказательством «материалами к библиографии…» изъятыми при обыске у Марченко А.Т. 15 февраля 1980 года, в которых в числе работ Марченко в п. 15 указана, как исполненная им совместно с М. Тарусевич, статья «Третье дано» (т. 5, л.д. 297–298);

заключением графической экспертизы от 20 мая 1981 года о том, что черновые рукописные записи на 1 листе и записи в блокноте исполнены Марченко А.Т. (т. 4, л.д. 184–185);

протоколами обысков у Марченко А.Т. от 20 мая 1977 года и 15 февраля 1980 года (т. 3, л.д. 18–22, 28–32);

протоколами осмотра названных документов от 23 марта — 3 апреля 1981 года и от 14–15 марта 1981 года (т. 3, л.д. 94, 107,194–195);

выпиской из передачи радиовещательной станции «Немецкая волна» от 21 января 1977 года с изложением содержания статьи Марченко и Тарусевич «Третье дано»

(т. 6, л.д. 302–309);

показаниями Марченко А.Т., допрошенного в качестве свидетеля по уголовному делу Орлова Ю.Ф. от 20 сентября 1977 года, в которых он признал себя соавтором статьи «Третье дано» (т. 4, л.д. 111,117–118).

Виновность Марченко А.Т. в изготовлении и распространении враждебного по содержанию так называемого «Публичного ответа газете „Известия”» доказана: вещественным доказательством — машинописным текстом на 6 листах под заголовком «Публичный ответ газете „Известия”» от 21 июня 1976 года за подписью Марченко А.Т., поступившим в редакцию названной газеты (т. 5, л.д. 95-103);

заключением экспертизы от 20 мая 1981 года о том, что машинописный текст статьи «Публичный ответ газете „Известия”»

отпечатан не менее, чем в 3 экземплярах на пишущей машинке «Олимпия», изъятой при обыске 21 октября 1980 года у Марченко А.Т., и им же исполнена подпись под указанным документом (т. 4, л.д. 184–185); вещественным доказательством — ксерокопией статьи «Публичный ответ газете „Известия”», опубликованной в сборнике зарубежной антисоветской организации НТС «Вольное слово» за 1977 год (т. 6, л.д. 281–285);

протоколом осмотра архивного уголовного дела по обвинению Орлова Ю.Ф. от 14 мая 1981 года и выпиской из протокола осмотра документов, изъятых при обыске на квартире Орлова Ю.Ф. от 4-22 марта 1977 года, из которых усматривается, что при обыске у Орлова 4 января 1977 года изъят машинописный документ на 6 листах, озаглавленный «Публичный ответ газете „Известия”», автором которого указан Марченко А.Т. (т. 4, л.д. 63, 67, 70, 76, 105–110);

вещественным доказательством — ксерокопией «Материалов самиздата» радио «Свобода», выпуск № 35/76 от 22 октября 1976 года, где опубликована статья Марченко «Публичный ответ газете „Известия”» (т. 4, л.д. 128–134);

протоколом обыска в доме Марченко А.Т. от 21 октября 1980 года, в ходе которого изъята пишущая машинка «Олимпия» (т. 3, л.д. 42);

протоколом осмотра названных документов и предметов от 23 марта — 3 апреля 1981 года (т. 3, л.д. 111–151).

Изготовление и распространение Марченко А.Т. антисоветского произведения под названием «Живи как все» доказано:

вещественным доказательством — машинописным текстом статьи под заголовком «Живи как все», автором которой указан Марченко А.Т., изъятой у него при обыске 15 февраля 1980 года (т. 5, л.д. 104–144);

вещественным доказательством — машинописным документом на 8 листах, изъятым у Марченко А.Т. при обыске 20 мая 1977 года, начинающимся словами «Шесть полных лет я провел…» и аналогичным тексту статьи «Живи как все» (т. 5, л.д. 145–152); заключением экспертизы от 20 мая 1981 года, согласно которому статья «Живи как все» и машинописный документ, начинающийся словами «Шесть полных лет…» отпечатаны на пишущей машинке «Олимпия» изъятой у Марченко А.Т. при обыске 21 октября 1980 года и рукописные правки в этом тексте исполнены лично им (т. 4, л.д. 184–185); вещественным доказательством — машинописными документами, начинающимися со слов «3. Александров… к началу лета шестьдесят седьмого…» и «Конечно, я не выждал срока…»,

являющимися черновыми заготовками, связанными единой темой с сочинением «Живи как все» (т. 5, л.д. 153–174,177);

протоколами обыска от 20 мая 1977 года, 15 февраля 1980 года и осмотра документов от 23 марта — 3 апреля 1981 года (т. 3, л.д. 18–21, 25–32, 70-110);

заключением экспертизы от 20 мая 1981 года, согласно которому рукописные правки в названных документах исполнены лично Марченко А.Т., а документ, начинающийся со слов: «З. Александров…», отпечатан на принадлежащей Марченко А.Т. пишущей машинке «Олимпия», изъятой у него при обыске 21 октября 1980 года (т. 4, л.д. 184–185); ксерокопией статьи Марченко А.Т. «Живи как все», опубликованной в зарубежном антисоветском сборнике «Память», выпуск № 3 за 1980 год (т. 6, л.д. 227–245).

Вина Марченко А.Т. в изготовлении и распространении им во враждебных целях «Открытого письма академику…» доказана:

вещественным доказательством — машинописным текстом «Открытого письма», изъятым при обыске в доме Марченко А.Т. 21 октября 1980 года (т. 5, л.д. 208–212); протоколом обыска от 21 октября 1980 года (т. 3, л.д. 38–43);

протоколом осмотра указанного документа от 23 марта — 3 апреля 1981 года (т. 3, л.д. 116–118);

заключением экспертизы от 20 мая 1981 года о том, что машинописный текст «Открытого письма академику…» отпечатан не менее чем в 4-х экземплярах на пишущей машинке «Олимпия», изъятой у Марченко А.Т. при обыске 21 октября 1980 года, а подпись и дата на 5-й странице указанного документа исполнены лично им (т. 4, л.д. 184–185);

ксерокопией статьи из французской буржуазной газеты «Монд» от 2 апреля 1980 года, изложившей содержание «Открытого письма академику…» (т. 6, л.д. 246–247); выпиской из передачи радиовещательной станции «Немецкая волна» от 31 марта 1980 года, транслировавшей содержание «Открытого письма…» (т. 6, л.д. 339). Подготовка Марченко А.Т. в целях использования во враждебной пропаганде антисоветских материалов, начинающихся словами: «Приговоры— демонстрация…», доказана: вещественным доказательством — изъятой у Марченко А.Т. при обыске ученической тетрадью с рукописным текстом, начинающимся со слов «Приговоры— демонстрация…» и заканчивающимся словами: «…только я занята тем» (т. 5, л.д. 251–256); протоколом обыска от 21 октября 1980 года (т. 3, л.д. 38–43); протоколом осмотра названной тетради от 23 марта —3 апреля 1980 года (т. 3, л.д. 124–127);

заключением экспертизы от 20 мая 1981 года, из которого

видно, что рукописный текст в ученической тетради, начинающийся со слов «Приговоры — демонстрация…», исполнен лично Марченко А.Т. (т. 4, л.д. 184–185).

Виновность Марченко А.Т. в изготовлении и подготовке для распространения антисоветских материалов под названием «Войдут или нет… танки в Польшу?» доказана: вещественным доказательством — машинописным текстом под вышеуказанным названием, изъятым при обыске у Марченко А.Т. 17 марта 1981 года (т. 6, л.д. 213–217); протоколом обыска от 17 марта 1981 года (т. 3, л.д. 2–6);

протоколом осмотра данного документа от 23 марта — 3 апреля 1981 года (т. 3, л.д. 160–161);

заключением экспертизы от 20 мая 1981 года о том, что текст под названием «Войдут или нет… танки в Польшу?» отпечатан на пишущей машинке «Эрика» № 4601914, изъятой у Марченко А.Т. 17 марта 1981 года, и что часть рукописных правок в машинописном тексте исполнена лично им (т. 4, л.д. 184–185).

Допрошенные в судебном заседании свидетели Сидоров В.В. и Демина С.И. пояснили, что Марченко А.Т., отбывая ссылку в поселке Чунском Иркутской области, в их присутствии порочил социалистическую демократию и образ жизни советского народа. Сидоров В.В. пояснил также, что Марченко А.Т. обрабатывал его в антисоветском духе и что Марченко А.Т. давал ему для ознакомления антисоветскую литературу.

Допрошенный в качестве свидетеля военнослужащий Смоленский И.А. охарактеризовал Марченко А.Т. крайне антисоветски настроенной личностью и пояснил, что Марченко А.Т. в 1977–1978 гг. обрабатывал его во враждебном духе, склонял к прослушиванию зарубежных радиопередач, порочил в его присутствии советский государственный и общественный строй. Свидетель Смоленский И.А. пояснял также, что Марченко А.Т. способствовал антиобщественным действиям военнослужащего Некипелова С.В., снабжал его антисоветской литературой.

Это подтверждается также протоколом объявления предостережения Некипелову С.В. от 31 мая 1978 года (т. 2, л.д. 115–116).

Свидетель Распутин Н.А. пояснил, что со слов Марченко А.Т. ему стало известно о получении им денежного вознаграждения за издаваемую на Западе антисоветскую литературу. Об этом показал и свидетель Смоленский И.А.

Показаниями свидетелей Орлова В.С., Федина С.А., Тимофеева Ю.И. установлено, что Марченко А.Т. длительное время не работал, в материальном отношении был обеспечен

выше своих реальных возможностей;

устроившись на работу, никакого участия в общественной жизни коллектива не принимал, к своим трудовым обязанностям относился формально.

О враждебном отношении Марченко А.Т. к существующему в СССР государственному и общественному строю, наличии в его действиях цели подрыва и ослабления Советской власти свидетельствуют:

факты систематического изготовления, размножения и распространения им антисоветских материалов на территории СССР и передачи их за границу для использования в проведении акций идеологической диверсии против Советского Союза.

Содержание изготовленной и распространенной им литературы, предназначенной для передачи на Запад, в которой он порочит деятельность КПСС и Советского правительства, извращает Советскую действительность, пытается дискредитировать советский государственный и общественный строй в целом, призывает к борьбе с ним и излагает рекомендации по его свержению.

Собственноручное изложение Марченко А.Т. своих целей и намерений вести борьбу с Советской властью, используя зарубежную помощь и поддержку, что отражено в его сочинении под названием «Живи как все» и так называемом «Публичном ответе газете…»; содержание «заявления» Марченко А.Т., полученного от него в ходе следствия по данному делу, в котором он выражает ненависть к КПСС, государственным органам, социалистической законности, существующей в СССР политической и экономической системе. Заключением судебно-психиатрической экспертизы от 4 июня 1981 года установлено, что Марченко А.Т. в период времени, относящийся к инкриминируемому ему правонарушению, признаков какого-либо расстройства душевной деятельности не обнаруживал, психическим заболеванием не страдает и его следует считать вменяемым (т. 4, л.д. 25[?]-261).

Таким образом, собранными по данному делу доказательствами, проверенными в судебном заседании, вещественными доказательствами, показаниями свидетелей, заключениями экспертиз, приобщенными к делу документами вина Марченко А.Т. в проведении антисоветской агитации и пропаганды в целях подрыва Советской власти доказана и преступление его, с учетом его прежней судимости за особо опасное государственное преступление по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР квалифицировано правильно. При назначении меры наказания Марченко А.Т. судебная коллегия учитывает обстоятельство

отягчающее его ответственность, а именно то, что он ранее судим неоднократно и вновь совершил особо опасное государственное преступление.

В соответствии с п. 1 ст. 24-1 УК РСФСР Марченко А.Т. может быть признан особо опасным рецидивистом, однако, учитывая, что он имеет заболевание — понижение остроты слуха, судебная коллегия считает возможным не признавать его особо опасным рецидивистом.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст. ст. 300–303 УПК РСФСР, судебная коллегия ПРИГОВОРИЛА

Марченко Анатолия Тихоновича признать виновным по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР и назначить ему по этой статье наказание в виде лишения свободы сроком на десять лет с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима с применением ссылки сроком на пять лет.

Меру пресечения Марченко А.Т. оставить содержание под стражей.

Отбытие срока наказания в соответствии со ст. 47 УК РСФСР исчислять с 17 марта 1981 года.

Вещественные доказательства по делу, две пишущие машинки «Олимпия»

№ 15-2039649 и «Эрика» № 4601914, как орудия преступления, в соответствии с п. 1 ст. 86 УПК РСФСР конфисковать в доход государства.

Все остальные вещественные доказательства в соответствии с п. 5 ст. 86 УПК РСФСР хранить при деле.

Судебные издержки по делу возложить на осужденного Марченко А.Т.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Верховный Суд РСФСР, через Владимирский областной суд, в течение семи суток с момента получения копии приговора осужденным, а для остальных участников процесса в тот же срок, с момента провозглашения приговора.

Председательствующий — Колосов народные заседатели: Зорин и Митин

копия верна

Заместитель Председателя Владимирского областного суда Н.Н. Колосов

Документы, относящиеся к конфискации текста последнего слова на процессе 1981 года

1.

С/ч в л/дело
Утверждаю
Начальник учреждения
ОД-1/Ст-2
полковник (подпись)
АКТ
22 сентября гор. Владимир

Мы, нижеподписавшиеся — нач. отряда Ободянский и инспектор оперативной части Суслов составили настоящий акт конфискации рукописей осужденного Марченко А.Т.

5 сентября 1981 г. у Марченко были изъяты рукописные материалы на проверку, в ходе которой обнаружено, что документ под названием «Последнее слово» на одиннадцати листах начинается словами «Хочу подчеркнуть…» и заканчивается словами «Мы заранее и точно знаем, что!», является антисоветским по содержанию и подлежит конфискации, а также уничтожению.

л-нт Ободянский к-н Суслов Поступило в с/часть 30/XI 81

2.

СПРАВКА

Последнее слово подсудимого Марченко А.Т., произнесенное им на судебном процессе 4 сентября 1981 года, содержит резкие клеветнические антисоветские измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй, извращающие внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского государства, социалистическую демократию.

Кроме того, Марченко дает краткий анализ своих сочинений «От Тарусы до Чуны», «Третье дано», «Публичный ответ газете „Известия”», «Живи как все», «Войдут или нет советские танки в Польшу» и др., которые судом признаны антисоветскими.

«Последнее слово» изобилует такими антисоветскими высказываниями, как «Советские правители, преследуя свою

конечную цель — мировое господство — пренебрегают нуждами народа», «Советские правители, ощетинившись внутри страны тюрьмами и концлагерями… уверовали в безнаказанность в то, что их некому будет судить» и т. д. В силу того, что «последнее слово» является антисоветским по содержанию и не представляет оперативной ценности, [оно] подлежит уничтожению.

Зам. начальника Учреждения ОД-1/ст-2 УИТУ Владоблисполкома капитан П.Ф. Хрипунов 28 сентября 1981 года

3.

х-830
9.10.81 г.
ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
Пермская область ст. Всесвятская
Начальнику учреждения ВС-389/35
01.10.81 г. № 4/456

Прошу объявить осужденному Марченко А.Т., что его жалоба проверена. Как установлено, на оправку Марченко выводился два раза в сутки.

Изъятые рукописные материалы Марченко под названием «Последнее слово», являющиеся антисоветскими по содержанию, обоснованно конфискованы и по акту от

22.09.81 г. уничтожены.

Остальные бумаги ему возвращены.

Пом. прокурора области
младший советник юстиции Г.Г. Буянов

Документы о досрочном этапировании 1981 года

1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
Владимирского областного суда
гор. Владимир

В соответствии со ст. 359 УПК РСФСР сообщает Вам, что осужденный 4 сентября 1981 г. Вашим судом Марченко Анатолий Тихонович, 1938 года отбывает срок наказания по адресу: 618810 Пермская область Чусовской район, ст. Всесвятская учреждение ВС-389/35.

зам. начальника учр. ВС-389/35
(Осин)
5 октября 1981 г.
№ 701

2.

Исх. 700
6.10.81 г.
В судебную коллегию по уголовным делам
Владимирского областного суда
гор. Владимир

Прошу выслать справку о вступлении приговора в законную силу на Марченко Анатолия Тихоновича, 1938 года рождения, осужденного 4 сентября 1981 года Вашим судом по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТК строгого режима со ссылкой на 5 лет.

Начальник учреждения ВС-389/35
(Осин)

3.

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
ТЕЛЕГРАММА
Отправл. 02.10.81 г. кв. 10043
Категория и отметки особого вида: СРОЧНО

Учреждение ВС-389/35
ст. Всесвятская Пермской
Начальнику
Просим срочно этапировать осужденного Марченко Анатолия Тихоновича 1938 г.р. в учреждение ОД-1/СТ-2 г. Владимира для ознакомления с протоколом судебного заседания.
Начальник учреждения ОД-1/СТ-2 УГОДИН Фамилия и адрес отправителя (не оплачивается и по связям не передается) Г. Владимир, учр. ОД-1/СТ-2

4.

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
<ТЕЛЕГРАММА>
ПРИЕМ: 8-го 20 час 41 мин.
ВЛАДИМИР НАЧАЛЬНИКУ УЧРЕЖДЕНИЯ
ОД-1/СТ2 УГОДИНУ
ВСЕСВЯТСКАЯ 340117 8 1512
БЕЗ НАРЯДА ЭТАПИРОВАТЬ НЕ МОЖЕМ ВЫСЫЛАЙТЕ ДОКУМЕНТЫ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВС-389/35 НР 698 ОСИН
От. 8.10.81

5.

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
ТЕЛЕГРАММА
Направлено 09.10.81 г. кв. № 10216
Категория и отметки особого вида: СРОЧНО
Куда, кому: Учреждение ВС-389/35 ст. Всесвятская Пермской области
Начальнику
Вторично просим срочно этапировать МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича 1938 г.р.
Учр. ОД-1/СТ-2 г. Владимира так как приговор на него не вступил в законную силу он числится за облсудом к Вам был направлен ошибочно. Поэтому никаких документов на его этапирование не надо.
п/п УГОДИН
Фамилия и адрес отправителя (не оплачивается и по связям не передается) 600020
г. Владимир ул. ФРУНЗЕ 67 учр. ОД-1/СТ-2

Начальник

6.

РСФСР
Министерство юстиции
ВЛАДИМИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
600004, г. Владимир, ул. Ill Интернационала, 58,
тел. 70–75 618810
Начальнику учреждения ВС-389/35
Пермская обл. Чусовской район ст. Всесвятская На № 700 от 06.10.1981 года

Сообщаю, Марченко А.Т., осужденный 4 сентября 1981 года, преждевременно, без соответствующего распоряжения областного суда направлен для отбытия меры наказания, так как адвокат т. Фрадкин Л.Д. обжаловал приговор, дело направлено в Верховный суд РСФСР для рассмотрения в кассационном порядке и Марченко должен значиться кассационным.

Заместитель Председателя областного суда
Н.Н. Колосов.

7.

5113
04 12 81
Начальнику учреждения ОД 1/ст. 2
полковнику тов. Угодину А.П.

Прошу объявить заключенному под стражу Марченко А.Т., что в связи с его жалобами от 26 октября 1981 г. (в Прокуратуру СССР и Прокуратуру области) и от 9 ноября 1981 года (в Прокуратуру области) проведена проверка.

Установлено, что изложенные в его жалобах нарушения, связанные с условиями его содержания и необоснованным этапированием его в исправительно-трудовую колонию, имели место. В связи с этим прокуратурой области были приняты соответствующие меры, а также предложено руководству учреждения о срочном направлении извещения жене Марченко с предложением о высылке ему денег в учреждение. Большинство нарушений, о которых сообщалось в жалобах Марченко, как это выяснено в беседе с ним в камере № 44, устранены.

Что же касается вопроса изъятия в камере у него записей, то жалоба в этой части признана необоснованной. Действительно, в

камере у Марченко были взяты для проверки записи в тетрадях, а также на отдельных листах под названием «Последнее слово», которые, как установлено проверкой, содержат клеветнические и антисоветские измышления. В связи с этим обоснованно были конфискованы.

Ст. пом. прокурора области
ст. советник юстиции П.И. Образцов
Направить по месту убытия 15/XII 81 г.

Документы о голодовке 15–31 марта 1982 года

1.

В л/дело.
15.03.82 г.
Нач-ку учр. ВС-389/35
от осужденного Марченко А.Т.
Заявление

15 марта с.г. объявляю голодовку протеста. Объяснения по этому вопросу даны в моем заявлении в прокуратуру Чусовского р-на от 15 марта с.г.

15 марта 82 г. осужд. Марченко

2.

л/д
Букину В.И.(?)
Заявление написано
в нарушение
§ 33 ПВР
Нач-ку ИТУ ВС-389/35
Пермской области
от осужденного Марченко А.Т.
Заявление

О причинах, побудивших меня прибегнуть к голодовке протеста, изложено мною в заявлении прокуратуре Чусовского р-на от 15 марта 1982 г.

А сегодня администрация ИТУ подкинула мне дополнительную причину для продолжения голодовки тем, что водворила в ШИЗО на 15 суток голодающего тоже с 15 марта с.г. осужденного Сереброва Ф.А.

Постановление Сереброву Ф.А. выписано «за нарушение режима содержания, которое выразилось в организации голодовки».

При этом администрация ссылается на инструкцию МВД СССР о голодовке от 22.07.81 г. Я не знаком с этой инструкцией МВД, но сейчас для меня это и не имеет значения, ибо я данным заявлением протестую против огульного навешивания на людей

ярлыка «организатор голодовки».

Со всей серьезностью заявляю, что голодовку я объявил по собственной инициативе и без агитации со стороны других лиц, в том числе и Сереброва Ф.А.

Голодовка моя спровоцирована многочисленными противозаконными действиями администрации ИТУ и теми, кто обязан следить за соблюдением законности и порядка в местах заключения.

Водворение в ШИЗО голодающего и заведомо тяжело больного человека — у Сереброва Ф.А. язва желудка и др. заболевания — это практика террора, направленная на физическое уничтожение политических заключенных в СССР по-сталински.

Данным заявлением я подтверждаю свое решение продолжать голодовку, протестуя этим самым против произвола над политическими заключенными в СССР.

17 марта 1982

осужд. Марченко

Одновременно копию этого заявления я направляю и в Москву прокурору РСФСР.

3.

СПРАВКА

С осужденным Марченко проведена беседа. Разъяснены требования режима содержания и правила подачи заявлений.

Зам. нач-ка по РОР

[п-н] Букин

17.03.82 г.

4.

В личное дело

Начальнику Учреждения ВС 389/35

майору Осину Н.М.

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что ос-й Марченко А.Т., отбывающий наказание в Шизо, отказался от приема пищи в обед и ужин.

20.03.1982 года

к-р по Шизо и ПКТ пр-к Михеев

5.

В л/дело
23.04.82
Начальнику ИТК-35
майору Осину Н.М.
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что осужденный Марченко, содержащийся в ШИЗО, отказался от приема пищи в обед и ужин 20/111-82 г.

20/111-82 г.
контролер пр-к Набиев

6.

Л/дело
23.04.82
Начальнику ИТК-35
майору Осину Н.М.
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что осужденный Марченко А.Т., отбывающий наказание в Шизо, отказался от приема пищи в обед и ужин.

23.03.1982 года
к-р по Шизо и ПКТ пр-к Михеев

7.

Начальнику ИТК-35
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о водворении осужденного в штрафной изолятор Осужденный Марченко Анатолий Тихонович 1938 г.р. допустил нарушение режима отбывания наказания совместно с другими осужденными организовал 15 марта 1982 года массовый отказ от приема пищи осужденными.

Руководствуясь ст. 53 Исправительно-трудового кодекса РСФСР и инструкцией от 22.07.81 г. п. 6.5

ПОСТАНОВИЛ

Осужденного Марченко А.Т. за нарушение режима отбывания наказания водворить в штрафной изолятор, карцер на 15 суток с выводом на работу.

Начальник ИТУ-35 майор Осин

[18] марта 1982 г.

Постановление мне объявлено 18/111-82 г. От подписи отказался. ДПНК Постановление объявил ДПНК к-н Сидяков.

Осужденный принят в штрафной изолятор в 18–00 час. 18 марта 1982 г.

При обыске у осужденного Марченко А.Т. обнаружены и изъяты: Запрещенных к хранению предметов не обнаружено.

Контролер пр-к Янавский

Осужденный Марченко А.Т. освобожден 18–00 час. 2 апреля.

Контролер пр-к Михеев

Изъятые вещи и предметы получил.

Подпись осужденного (подпись)

8.

СПРАВКА

Осужденный Марченко А.Т. 22.03.82 г. написал заявление Генеральному Прокурору СССР и копию этого заявления направил начальнику учреждения ВС 389.

Из копии заявления видно, что оно носит клеветнический характер и в котором имеются недопустимые выражения, т. е. написано в нарушение п. V § 31, п. VII § 33 Правил внутреннего распорядка ИТУ, поэтому копия заявления конфискована, акт от 29.03.82 г.

Начальник оперчасти к-н [Дебышев]

9.

С/ч

в л/дело

24/111 82

Начальнику Учреждения ВС 389/35

майору Осину Н.М.

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что осужденный Марченко, содержащийся в ШИЗО, отказался от приема пищи в завтрак, обед и ужин 23.03.82 г.

23.03.82 г.

контролер пр-к Набиев

10.

С/ч
в л/дело
26.03.82
Начальнику ИТК-35
майору Осину Н.М.
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что ос-й Марченко А.Т., отбывающий наказание в Шизо, отказался от приема пищи в обед и ужин. Пища ставилась в камеру.

26.03.82 г. к-р по Шизо пр-к Михеев

11.

С/ч
в л/дело
29.03.82
Начальнику ИТК-35
майору Осину Н.М.
от к-ра по ШИЗО и ПКТ
РАПОРТ
пр-ка [Кашина] С.В.

Довожу, что осужденный Марченко А.Т. не принимал пищу в завтрак, обед и ужин 27.03.82 г.

28.03.1982 года

12.

С/ч
в л/дело
29.03.82
Начальнику Учреждения ВС 389/35
майору Осину Н.М.
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что осужденный Марченко отказался от приема пищи в обед, ужин и завтрак 28–29.03.82.

29.03.82 г.
контролер по ШИЗО пр-к Набиев

13.

СПРАВКА

С осужденным Марченко А.Т., по поводу написания заявления на имя начальника учреждения ВС 389/ от 22.03.82 г. клеветнического содержания, проведена беседа. Марченко пояснил, что в заявлении он написал все правильно и по этому вопросу он никаких объяснений писать не будет.

Беседу проводил к-н [Дебышев]

29.03.82 г.

14.

С/ч
в л/дело
30/03 82
Начальнику учреждения
ВС 389/35
майору Осину Н.М.
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения, что осужденный Марченко, работая в ШИЗО во II смену, допустил поломку машины.

ДПНК л-т Огнев
30.03.82 г.

15.

С/ч
в л/дело
31 03 82
Начальнику ИТК 35
майору Осину Н.М.
РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о том, что осужденный Марченко А.Т. не принимал пищу в завтрак, обед и ужин 30.03.82 г.

31.03.82 г.
к-р по ШИЗО-ПКТ
пр-к Кашин

16.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о наложении на осужденного дисциплинарного взыскания Осужденный(ая) Марченко Анатолий Тихонович допустил(а)

нарушение режима отбывания наказания, выразившееся в том, что 22.03.82 г. написал на имя начальника учреждения ВС-389 письмо, в котором находилась копия заявления Генеральному прокурору СССР, носящее клеветнический характер, и имеются недопустимые выражения, т. е. в нарушение п. V § 31 и п. VII § 33 Правил внутреннего распорядка ИТУ.

Рассмотрев устное объяснение Марченко и руководствуясь ст. 53 Исправительно-трудового кодекса РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Осужденного(ую) Марченко А.Т. за нарушение режима отбывания наказания лишить очередного свидания.

Начальник ИТУ Осин

31 марта 82 г.

Постановление мне объявлено, от подписи отказался 31.03.82 г.

Постановление объявил начальник отряда (воспитатель) л — нт Сабуров Г.У.

17.

С/ч
в л/дело
01.04.82
Нач-ку ИТУ ВС-398/35
от осужденного Марченко А.Т.
Заявление

Объявленную мной голодовку протеста с 15.03.82 г. снимаю с 1 апреля 1982 г.

Все свои претензии, послужившие к объявлению голодовки, а также возникшие во время ее, оставляю в силе. И вместе с тем оставляю за собой право опротестовать произвол администрации ИТУ другими приемлемыми для меня и доступными мне способами.

31 марта 1982 г.
осужд. (подпись)

18.

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
г. Чусового
Пермской области

618230, г. Чусовой Пермской области,
ул. Фрунзе, 29
9 апреля 82 1296 иск.
вх-508
12.04.82 г.
Начальнику учреждения ВС-389/35
майору Осину И.М.
(для объявления Марченко А.Т.)

Прошу объявить осужденному Марченко А.Т., что его заявление от 15/111 1982 г. прокуратурой г. Чусового получено и оставлено без удовлетворения.

В соответствии с п. 2 § 33 Правил внутреннего распорядка в ИТУ «подавать жалобы и заявления от группы либо за других осужденных, а также по поводу обстоятельств, относящихся к иным лицам, не разрешается».

Прокурор г. Чусового советник юстиции [Болдырев] В.А.
С/ч
для объявления
12.04.82

19.

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
г. Чусового
Пермской области
618230, г. Чусовой Пермской области,
ул. Фрунзе, 29
№ 1374
вх-550
19.04.82 г.
Начальнику учреждения ВС-389/35
майору тов. Осину Н.М.
(для объявления Марченко А.Т.)

Прошу объявить осужденному Марченко А.Т., что его заявление от 17/111 1982 г. прокуратурой г. Чусового получено и оставлено без рассмотрения, т. к. в соответствии с п. 2 § 33 Правил внутреннего распорядка ИТУ осужденный подает жалобы и заявления по вопросам, касающимся лично его. Подавать жалобы и заявления за других осужденных, а также по поводу обстоятельств, относящихся к иным лицам, не разрешается.

Прокурор г. Чусового советник юстиции [Болдырев] В.А.
С/ч

для объявления
20.04.82

Обращение к Генеральному прокурору 16 ноября 1983 года

Генеральному прокурору СССР
Рекункову А.М.
от политзаключенного
Марченко А.Т.
(ВС-389/35, Пермская обл.)

Гражданин Генеральный прокурор СССР! Вот уже 4-й раз я сообщаю Вам о фактах произвола и об издевательствах должностных лиц ИТУ над политзаключенными. Мне известно, что с аналогичными заявлениями обращались в прокуратуру и другие политзаключенные нашего лагеря. В ответ на наши обращения к органам надзора и контроля — либо молчание (Ваше, например), либо формальные отписки, покрывающие и оправдывающие беззаконие и произвол; тем самым прокуратура — и Вы лично — становится соучастницей «нарушений социалистической законности» (так, кажется, Вы называете издевательство над людьми, жестокое обращение, унижение достоинства) на новом витке истории «развитого социализма».

Напомню факты.

4 мая с.г. политзаключенный З.С. Гогия обнаружил в миске с супом червя, сообщил двум своим товарищам — С.И. Хмаре и А.С. Уварову, и высказал старшему повару свое неудовольствие. За это (т. е. за то, что они будто бы порочили работу кухни) начальник лагеря майор Осин отправил всех троих в карцер на 15 суток, да к тому же изобрел повод для еще двух наказаний: лишил их ларька и свидания с родными.

Гогия, Хмара и Уваров обжаловали действия Осина; из прокуратуры пришли три ответа: «…факты о недоброкачественном приготовлении пищи проверкой не подтвердились», «…наказаны правильно».

Проверкой не подтвердились!

11 июля политзаключенный А.Х. Колпахбаев выудил из своей миски с ужином червя — и даже живого! Я сам видел. И предъявил этот не подтвердившийся проверкой факт, живого червяка,

дежурному офицеру капитану Сидякову. На другой день, 12 июля, политзаключенный И.С. Ковалев зачерпнул ложкой такой же факт; вместе с дежурным мл. лейт. Волковым он отправился на кухню — еще червяк обнаружился в кастрюле от ужина.

19 июля политзаключенный А.Ю. Шилков наткнулся на червя

в миске с завтраком.

Не довольно ли фактов для того, чтобы провести настоящую проверку состояния продуктов и кухни? И чтобы отменить несправедливые наказания первой тройки? Ничуть не бывало!

Для Шилкова и Колпахбаева их «бестактность» обошлась без последствий (они ожидали очередных свиданий и, наученные горьким опытом товарищей, не заявляли претензий). Ковалев написал Осину заявление — на другой же день был лишен ларька, а вскоре отправлен в карцер на 15 суток; 2 августа 15 суток истекли, но Ковалева из карцера не выпустили, добавив еще 12 суток;

14 августа — еще 15 суток, а затем 6 месяцев ПКТ. Конечно, в постановлениях записаны разные поводы наказания Ковалева (был бы человек, а повод наказать всегда найдется, хоть бы и фальшивый — поди проверь). Но первопричина нам всем известна — претензия о червях в пище.

Нас, советских заключенных, содержит не государство, и даже не налогоплательщики на свои кровные денежки. Пищу, одежду, обувь, даже колючую проволоку, даже охрану мы оплачиваем сами — т. е. у нас удерживают часть нашего лагерного заработка. За лагерную баланду — рубль в день. Хотя бы одно это дает нам право на доброкачественную пишу, не приправленную червями.

Еще одна тема моего Вам заявления — мотивировка наказаний и репрессий. Не считая смехотворных (вроде «вышел на работу без куртки», «читал после отбоя» и т. п.) и ложных, излюбленный мотив — «за невыполнение нормы выработки». Так обоснованы наказания Хмары, Гогии, Уварова, Ковалева и многих других заключенных. Выполняй норму, не считаясь со своими физическими возможностями (Хмара, больной-сердечник, был поставлен на тяжелые земляные работы), со своими навыками, уменьем, не считаясь с тем, в зоне ты или в карцере. За невыполнение нормы — лишение ларька, свидания с родными, карцер, ПКТ, тюрьма. Не просто принудительный труд — выжимание соков из заключенного. «Мы вас здесь морим голодом и холодом не за то, что вы — И.С. Ковалев, а за то, что вы не выполняете нормы», — так сказал в ПКТ Ковалеву лагерный врач (!) Пономарев. Конечно, прокуратура подтвердит: «наказаны правильно, администрация поступила законно».

В нашем лагере для наглядной агитации установлен стенд «Куда идет наша продукция». Мы видим: продукция завода со скромным названием «учреждение ВС-389/35» отправляется в соцстраны, экспортируется в Египет, Пакистан, Индию, Францию — конечно, без личного клейма «заключенный такой-то», а через

заводы Свердловска и других городов; ВС-389/35 всего лишь филиал этих крупных предприятий, выпускающих продукцию на экспорт. Мы знаем, в какие страны идет наша продукция; а вот знают ли ее получатели, откуда она прибыла к ним? Кто ее изготовил, получая за труд баланду с червями, а за «невыполнение нормы» — карцер?

Изложенные здесь факты дают мне основание утверждать, что лагерная система вместе с прокуратурой (а в политлагерях — еще и КГБ) — это универсальный пресс для выжимания «реальным социализмом» из своих заключенных такой прибавочной стоимости, которая обеспечивала бы советскому промышленному экспорту надежную конкурентоспособность на мировом рынке.

Прокуратура по праву занимает место в этом «трайденте»: всегда на стороне МВД — КГБ, всегда против заключенных — никак не на стороне Закона.

А. Марченко

16 ноября 1983 г.

Решение суда о переводе на тюремный режим 11 октября 1985 года

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
11 октября 1985 г.

Чусовской городской народный суд Пермской области в составе председательствующего н/с Симоновой Л.С. народных заседателей Войсят и Абдулиной при секретаре Демьяновой с участием прокурора Латыпова

рассмотрел в г. Чусовой, материал о переводе на тюремный режим Марченко Анатолия Тихоновича. Суд

УСТАНОВИЛ:

Марченко был осужден 4.09.81 г. Владимирским областным судом по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы со ссылкой на пять лет. Отбывая наказание в местах лишения свободы, Марченко зарекомендовал себя с крайне отрицательной стороны: систематически нарушает установленный режим, допускает отказы от работы, грубость с представителями администрации, высказывания антисоветского характера.

В содеянном преступлении Марченко не раскаивается. Администрация ИТК всесторонне воздействовала на Марченко. На меры воспитательного характера Марченко не реагирует. В отношении Марченко применялись меры наказания: водворение в штрафной изолятор, переводился в помещение камерного типа. Однако, Марченко своего поведения не изменил. Отрицательно влияет на других осужденных. Администрация ИТК-37 ходатайствует о переводе Марченко на тюремный режим. Суд считает ходатайство подлежащим удовлетворению.

Руководствуясь ст. 53 ТИК и 369 УПК РСФСР, Суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

Марченко Анатолия Тихоновича для дальнейшего отбытия наказания перевести на тюремный режим сроком на три года.

Нарсудья: подпись

Нарзаседатели: подписи

Копия верна.

Нарсудья

Секретарь

Заявления Марченко с декабря 1985 по май 1986 года

1.

Президиум Верховного Совета СССР
г. Москва
от политзаключенного Марченко А.Т.
(ТатАССР, Чистополь, УЭ-148/СТ-4)
Заявление

Ваши славные тюремщики — должностные лица МВД и КГБ — пользуясь мошенничеством, лишают меня законного права пользоваться тюремным ларьком. Существующая норма питания в тюрьме (даже вместе с ларьком в 2–3 р. в месяц) является не чем иным, как физической пыткой, пыткой постоянным голодом. Особенно подло, что эта пытка применяется для перевоспитания инакомыслящих политзаключенных. Смехотворно-символический ларек в 2–3 р. в месяц нисколько не смягчает этой пытки.

Но меня тюремщики УЭ-148/СТ-4 лишили и этого «ларька», применив мошенничество. Мне объявили, что деньги, поступившие мне из зоны, не являются заработанными, что является чистейшей ложью.

Лишать человека заработанных им денег — это тактика бандита с большой дороги. Но государственный бандитизм в отношении политзаключенных еще не украсил ни одного строя или режима. Не украсит он [и реального] социализма московского образца.

В знак протеста против такой дикой свирепости государства в лице его тюремщиков я объявляю с 17 декабря голодовку. Требую не ларька — пусть им подавятся те, от кого зависит положение политических заключенных в СССР, — законодатели и исполнители.

Я требую встречи с моим адвокатом, с которым давно [*нрзб*.] оформлен договор и с которым мне не дают свидания уже несколько месяцев, что лишает меня даже формальной правовой защиты от произвола властей.

17.12.85

2,

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник учреждения
УЭ-148-/ст-4
М.Н. Ахмадеев
19 декабря 1985 г.
АКТ
19.12.1985 г. Чистополь

Мы, нижеподписавшиеся, начальник спецчасти учреждения УЭ-148/ст-4 Зазнобин Ю.А., старший оперуполномоченный Денисов Н.П., и.о. начальник отряда Емельянов В.М. составили настоящий акт в том, что жалоба (заявление) в Президиум Верховного Совета СССР, поданная осужденным Марченко А.Т. 17.12.1985 г. согласно § 33 п. VII ПВР ИТУ, подлежит конфискации, как написанная в недопустимых выражениях.

Начальник спецчасти:
— Ст. оперуполномоченный: -
И.О. Начальник отряда: -
Осужденный ознакомлен

3.

Президиум Верховного Совета СССР
г. Москва
от политзаключенного Марченко А.Т.
(ТатАССР, г. Чистополь, УЭ 148/СТ-4)
Заявление

17 декабря с.г. я объявил голодовку протеста, направив об этом заявление начальнику тюрьмы, а копию в ПВС СССР.

Причиной моей голодовки является практика государственного бандитизма в СССР в отношении инакомыслящих политзаключенных. Лично у меня государство нагло и откровенно отняло заработанные мной в лагере деньги. Да, конечно, деньги формально остаются на моем лицевом счету, но пользоваться ими тюремщики мне не дают. Они, тюремщики, не признают мои деньги, поступившие в тюрьму на мое имя из лагеря, заработанными. На этом основании [мне] «законно» не разрешают пользоваться деньгами с лицевого счета для отоваривания в тюремном ларьке. Т. е. налицо именно факт мошенничества и подделки документов.

Это ли не откровенное издевательство: сначала при[нуж]дать политического заключенного посредством голода, холодного карцера, лишением свиданий с семьей и другими [менее] приемлемыми методами работать, а потом объявить

заработанные им деньги незаработанными.

17 же декабря у меня было объяснение по поводу этой голодовки с представителем тюрьмы, начальником отряда. В ответ на мое устное объяснение о причине голодовки я был предупрежден, что могу быть наказан.

По-видимому, от меня ожидали и ожидают в ответ [на] грабежи и издевательства телячьих восторгов и славословий в адрес КПСС и советского правительства. Но для этого нужно хотя бы на словах считаться советским человеком, что для меня звучит оскорбительно.

У меня есть основания считать всю эту дикость злонамеренной и целенаправленной провокацией должностных лиц МВД и КГБ, имеющих желание поиздеваться и тем самым вызвать меня на протест.

Данным заявлением я протестую против издевательств государства в лице МВД и КГБ над политзаключенными, в т. ч. постоянным голодом.

Требую также свидания с адвокатом, с которым мне не дают видеться тюремщики уже несколько месяцев.

18.12.85

политзакл. Марченко

4.

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник учреждения
УЭ-148-/ст-4 М.Н. Ахмадеев
19 декабря 1985 г.

АКТ

19.12.1985 г. Чистополь

Мы, нижеподписавшиеся, начальник спецчасти учреждения УЭ-148/ст-4 Зазнобин Ю.А., старший оперуполномоченный Денисов Н.П., и.о. начальника отряда Емельянов В.М., составили настоящий акт в том, что жалоба (заявление) в Президиум Верховного Совета СССР, поданная осужденным Марченко А.Т. 18.12.1985 г. согласно § 33 п. VII ПВР ИТУ, подлежит конфискации, как написанная в недопустимых выражениях.

Начальник спецчасти: -
Ст. оперуполномоченный: -
И.О. Начальник отряда: -
Осужденный ознакомлен

5.

РАСПИСКА

Мне, осужденному Марченко Анатолию Тихоновичу, разъяснен порядок направления жалоб и заявлений согласно § 33 ПВР ИТУ. Согласно п. 6 § 33 ПВР ИТУ жалобы и заявления, адресованные в государственные органы, общественные организации и на имя должностных лиц, содержащие вопросы, которые эти органы, общественные организации либо должностные лица в силу положения о них или их правомочий решить не компетентны, адресатам не направляются. Подавшему жалобу разъясняется об этом под расписку и рекомендуется адресовать жалобу и заявление соответствующему компетентному органу, организации либо должностному лицу. В случае, если заявитель считает неправильными действия администрации, он вправе обжаловать их прокурору, осуществляющему надзор за местами лишения свободы, приложив к такой жалобе заявление, которое администрацией не было направлено адресату.

В связи с указанными обстоятельствами жалоба, заявление поданное(я) мною

06.01.86 г. в адрес Президиума Верховного Совета СССР возвращена(о) мне обратно.

Осужденный (подпись, дата)

08.01.86 г.

Объявил: жалобу (заявление) осужденному Марченко А.Т.

возвратил начальник отряда

В.Ф. Чурбанов

6.

Президиум Верховного Совета СССР

г. Москва

от политзаключенного Марченко А.Т.

(учр. УЭ 148/СТ-4 Тат. АССР)

Заявление

Данным обращением в высший законодательный и надзорный орган страны я выражаю свой протест против позорной и преступной практики ведомств КГБ и МВД, которые при покровительстве прокуратуры в целях перевоспитания политзаключенных подвергают их обработке наркотиками, разрушающе действующими на здоровье человека, в т. ч. на его психику.

Лично я был подвергнут этой изуверской обработке уже несколько раз: 9 декабря 1983 года в ИТУ ВС-389/35 и в марте 1985 года — дважды — в ИТУ ВС-389/37 в Пермской области.

9 декабря 1983 г. меня с этой целью под надуманным предлогом водворили в ШИЗО — надуманность предлога подтверждается документально. При водворении в камеру-одиночку мне устроили «оказание сопротивления» и под этим предлогом заковали в наручники и избили до потери сознания. В бессознательном состоянии меня подвергли воздействию сильнодействующих наркотиков — галлюциногенных и психотропных препаратов.

Избитого, обработанного наркотиками, меня в бессознательном состоянии бросили на пол в камеру-одиночку, даже не сняв наручников.

В сознание меня приводили работники медчасти, которых вынуждены были вызвать ко мне дежурные надзиратели ШИЗО по настоятельному требованию других политзаключенных: С. Хмары, И. Ковалева, В. Сендерова и Р. Гудовского — они находились в то время в соседних со мной камерах и хорошо слышали все, что происходило в ШИЗО.

Прокуратуре СССР об этом хорошо известно, т. к. один из их прокуроров приезжал специально в ИТУ-ВС-389/35 для разбора этого случая. Он дважды — 31 мая и 1 июня — вызывал меня для разговора об этом. Но, как потом стало ясно, он приехал не для того из Москвы, чтобы объективно и непредвзято разобраться на месте, а постараться выгородить должностных лиц КГБ и МВД, непосредственно организовавших и исполнивших эту преступную акцию в отношении меня.

Эту цель порученца прокуратуры СССР очень красноречиво показывает тот факт, что он отказался допросить тех политзаключенных, которые в то время — 9 декабря — были в ШИЗО в соседних со мной камерах. Вернее сказать, он попытался соблюсти видимость своей объективности и с этой целью вызвал для разговора В. Сендерова. Показания В. Сендерова изобличали чинов КГБ и МВД в этом преступлении. Поэтому прокурор не решился вызывать остальных свидетелей.

Любопытно, на чем основывал этот прокурор свое заключение по данному делу, если он не допросил непосредственных свидетелей? Только на показаниях вольных работников медчасти ИТУ — жен должностных лиц КГБ и МВД. Так они ж нашли меня в камере в бессознательном состоянии на полу и в наручниках!

Вторично меня подвергли воздействию наркотиков в марте 1985 года уже в ИТУ ВС-389/37.

На этот раз проделали эту преступную акцию в два приема и не демонстративно, а более изощренно — без предварительного избиения до потери сознания. Наркотики мне вводили вместе с пищей, так что обнаружить я это мог лишь по их воздействию, по

собственному ощущению.

В камере-одиночке от такого воздействия уберечься практически невозможно, т. к. даже в случае моего отказа от пищи под любым предлогом меня стали бы кормить искусственно.

25 марта 1985 года я подал в 9 часов утра администрации заявление для отправки в ПВС СССР. В этом заявлении я выражал свой протест против воздействия на меня наркотиками, указывая на свою беспомощность оградить свою жизнь и здоровье от посягательств на них со стороны должностных лиц КГБ и МВД в условиях строгой изоляции, которую для этого и создали для меня. Но уже к 16 часам того же дня мне спецчасть сообщила о конфискации этого заявления с формулировкой «клеветническое». Но с момента подачи заявления до этого сообщения спецчасти ко мне в камеру никто не показывался даже! Как, на каком основании мое заявление по такому серьезному вопросу было с такой поспешностью признано администрацией ВС-389/37 «клеветническим»? По-моему, это лишь подтверждает правдивость моего заявления в ПВС СССР.

На другой день, т. е. 26 марта, я это же заявление в ПВС СССР закрытым письмом направил Генеральному Прокурору СССР и настаивал на его отправке в ПВС СССР, [пояснив], что администрация ВС-389/37 отказывается сделать это сама.

В мае месяце прокуратура Пермской области запросила у меня список свидетелей по эпизоду 9 декабря 1983 г. Я подал список свидетелей через администрацию ИТУ. 21 мая меня вызвал прокурор из областной прокуратуры и записал мои показания о воздействии на меня наркотиками. А еще через несколько дней после этого мне сообщили через спецчасть ИТУ, что в результате проверки прокуратурой факты, названные мной в заявлении от 26 марта, не подтвердились.

После этого я еще несколько раз обращался с заявлениями на имя Генерального прокурора СССР, пытаясь опротестовать безнаказанность тех должностных лиц КГБ и МВД, которые являются непосредственными организаторами и исполнителями преступных методов воздействия — наркотиками — на мою психику и на мое здоровье в целом. В ответ я получал одно и то же: «уже отвечено».

Да, организаторы воздействия на меня наркотиками в марте [1985 г.] основательно обезопасили себя от возможного разоблачения, и я не имею кроме них никаких других улик, кроме собственного [само]чувствия.

Но вот происшедшее 9 декабря 1983 года подтверждается и документально, и живыми свидетелями. Поэтому я и настаиваю

на привлечении к ответственности тех должностных лиц КГБ и МВД, которые были непосредственно причастны к этому случаю.

Повторное воздействие на меня наркотиками в марте 85 г. [бы]ло возможно лишь при покровительстве в этом чинам КГБ и МВД со стороны прокуратуры. По этой же причине мне приходится терпеть и от администрации УЭ-148/СТ-4 издевательства хотя и более мелкого свойства, которые от этого не перестают быть опасными и вредными для моего здоровья.

В результате применения ко мне наркотиков я потерял изрядную часть своего здоровья и практически стал инвалидом, что делает для меня непосильной и работу, предоставляемую администрацией УЭ-148/СТ-4. Невыполнение же мной т. н. нормы выработки влечет за собой для [меня] дополнительные наказания, в том числе ужесточает [пытку] голодом.

Данное заявление является протестом на покровительство Генеральным прокурором СССР и возглавляемым им ведомством тем должностным лицам КГБ и МВД, которые воздействуют на меня недозволенными методами воздействия — галлюциногенными и психотропными препаратами, разрушающими мою психику и мое здоровье в целом. И это дает мне законное право обратиться с заявлением в ПВС СССР.

13.01.86 г.

политзаключенный Марченко

7

«УТВЕРЖДАЮ»

Начальник учреждения УЭ-148/ст-4

М.Н. Ахмадеев

14 января 1986 г.

АКТ

14 января 1986 г. Чистополь

Мы, нижеподписавшиеся, начальник спецчасти учреждения УЭ-148/ст-4 Зазнобин Ю.А., старший оперуполномоченный Чашин В.В., начальник отряда Кокалин [?] С.А., составили настоящий акт в том, что жалоба (заявление) в ПВС СССР, поданная осужденным Марченко А.Т. 13 января 1986 г. согласно § 33 п. 7 ПВР ИТУ, подлежит конфискации, как написанная в недопустимых выражениях.

Начальник спецчасти:

Ст. оперуполномоченный:

И.О. Начальник отряда:

Осужденный ознакомлен,

от подписи отказался
14.01.86

8.

Администрации
учр. УЭ-148/СТ-4
от политзаключенного Марченко А.Т.
Заявление

4 марта с.г. я сдал администрации тюрьмы для отправки домой очередное письмо.

5 марта, т. е. на следующий же день, мне была показана квитанция за № 620 от почтового отделения Чистополя, удостоверявшая отправку этого моего заказного письма по назначению.

Но 26 марта я получил письмо от жены, в котором она сообщает, что очередного письма от меня она до сих пор не получила. Письмо жены от 17 марта, т. е. мое заказное письмо не дошло до Москвы за 12 дней. К тому же жена обещала в своем письме, что при получении моего «задержавшегося» письма она сразу же известит меня об этом телеграммой. Но и телеграммы тоже нет этой до сих пор. Это означает, что мое письмо не дошло и за 25 дней.

Эта точная информация дает мне право обоснованно считать, что мое очередное письмо домой просто скоммуниздили — другого названия для действия подобного рода, осуществленного совместно МВД, КГБ и Министерством связи СССР, просто нет в богатом и могучем русском языке.

Этим произволом указанных ведомств попрано мое законное право на переписку с семьей.

Но государство, попирающее мое законное право, утрачивает само свое моральное право ожидать от меня соблюдения моих обязанностей, в том числе и обязанности придерживаться только законных форм протеста.

Если меня хотят убедить, что мое указанное письмо не скоммуниздили, а оно «просто затерялось» по пути, то эта версия может выглядеть правдоподобной лишь при разрешении мне — в виде частичной компенсации — отправки в ближайшие же дни письма домой.

В противном случае я вправе буду считать эту акцию против меня издевательской и провокационной.

30.03.86 г.
политзакл. Марченко

Генеральному прокурору СССР
Рекункову от политзаключеннго тюрьмы
г. Чистополя
УЭ-148/СТ-4
Марченко Анатолия Тихоновича
Заявление

Гражданин Генеральный прокурор! Формально подконтрольные Вам ведомства МВД и КГБ преступными методами «перевоспитания», в том числе голодом, холодом, избиениями, наркотиками и др., сделали меня инвалидом. Мои неоднократные обращения к Вам за правовой защитой не предотвратили этого, а все мои заявления в ПВС СССР о Вашей бездеятельности конфискованы тюремной администрацией, которая продолжает меня добивать. Все это делает меня в глазах властей носителем «государственных секретов» и является настоящей причиной того, что меня вот уже 3 года лишают свиданий с семьей.

Подобная практика делает советское правительство злостным нарушителем международных соглашений о правах человека и преступным в глазах цивилизованного мира, для которого и внешняя политика любого правительства начинается в собственном доме.

Политзаключенный
Анатолий Марченко
30 мая 1986 г.

Документы о голодовке 4 августа — 27 ноября 1986 года

1.

Президиум Верховного Совета СССР
г. Москва
от политзаключенного Марченко А.Т.
(ТатАССР, г. Чистополь, УЭ-148/СТ-4)
Заявление

4-го ноября 1986 г. в Вене открывается Встреча представителей государств — участников хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Считая себя политическим заключенным, я с 4-го августа с.г. начинаю длительную голодовку протеста, которую в случае применения ко мне принудительно-искусственного кормления намерен продолжать не только до дня открытия Встречи в Вене, но и до ее завершения.

Своей голодовкой я протестую против судебных расправ, учиняемых советскими властями над инакомыслящими, против издевательств и пыток над ними в местах заключения — нередко заканчивающихся физической ликвидацией их с использованием в этих целях специалистов самой гуманной в мире профессии — врачей.

Подобное обращение советских властей с инакомыслящими противоречит духу и букве хельсинкского заключительного акта и других международных соглашений о правах человека, подписанных и ратифицированных советским правительством и дает мне [право] требовать освобождения всех политических заключенных в Советском Союзе.

Политзаключенный (подпись)
04.08.86 г.

P.S. 2-го апреля с.г. мной было написано заявление на имя Генерального прокурора СССР Рекункова А.М. В этом заявлении я обращал внимание Генерального прокурора СССР на факт преступного обращения советских властей с политзаключенным Морозовым Марком Ароновичем, на факт [использования этого с помутившимся разумом человека [чинами] КГБ в своих грязных целях против диссидентов.]

[Я] требовал от Генерального прокурора СССР соблюдения элементарных норм гуманизма и законности в отношении

Морозова М.А., ибо во всем цивилизованном мире давным-давно считается тягчайшим преступлением содержать в застенках человека с больным разумом.

Но Генеральный прокурор СССР спустил это мое заявление для разбирательства по существу по нисходящей [на самый] низ — в ведомство начальника Управления УЭ[?] ТатАССР. И получил я ответ от этого начальника: «Мы заявление рассмотрели. Нарушений законности со стороны администрации УЭ-148/СТ-4 по режиму содержания спецконтингента нет».

Как же разбиралось мое заявление, если ни я, ни [кто] другой из бывших сокамерников Морозова М.А. не был никем опрошен по существу моего заявления?

А вот сегодня, т. е. 5 августа, в беседе со мной по поводу моей голодовки начальник отряда подтвердил [слух], распространившийся утром 3 августа по тюрьме, что Морозов М.А. умер в камере № 19 на рассвете 3 августа — даже не в больнице МВД, а именно в камере.

Считаю смерть еще одного политзаключенного в советских застенках не чем иным, как умышленным (но тихим!) убийством, как выборочным истреблением советскими властями политзаключенных в целях их устранения и ликвидации политической оппозиции существующему в СССР государственному строю.

Смерть политзаключенного Морозова М.А. доказывает мою правоту в решении объявить и начать длительную голодовку протеста.

Требую прекращения истребления политических заключенных и их освобождения!

политзакл. (подпись)

05.08.86

2.

Генеральному прокурору СССР
Рекункову А.М. г. Москва
от политзаключенного Марченко А.Т.
(г. Чистополь, ТатАССР, УЭ-148/СТ-4)
//копия: администрации УЭ-148/СТ4//

Заявление

С 4 августа с.г. я нахожусь в голодовке с требованием прекращения издевательств над политзаключенными в СССР и их освобождения.

На сороковой день голодовки, 12 сентября, меня впервые

накормили искусственно и с тех пор применяют искусственное питание ежедневно один раз в день, кроме воскресенья.

В связи с фактом искусственного питания в той его форме, в которой этот гуманный сам по себе акт применяется лично ко мне администрацией УЭ-148/СТ-4, я вынужден обратиться с данным заявлением на Ваше имя, гр-н Генеральный прокурор СССР.

Я знаком с искусственным питанием по личному опыту в местах заключения еще с 50-х годов, когда голодающих зэков начинали кормить искусственно не на сороковой день голодовки, а на первой неделе.

Так что мне есть с чем сравнивать сегодняшнюю мою голодовку. И это сравнение дает мне основания заявить Вам, что искусственное питание для меня сейчас не что иное, как замаскированное под гуманный акт спасения жизни голодающего издевательство. И цель этих процедур одна: принудить меня такой коварной и недозволенной формой физического воздействия прекратить голодовку.

Вот фактическая сторона этого мерзкого метода. Питательная смесь приготавливается умышленно с крупными кусочками-комочками из пищевых продуктов, которые не проходят через шланг, а застревают в нем и, забивая его, не пропускают питательную смесь в желудок. И под видом прочистки шланга мне устраивают пытки, массажируя и дергая шланг, не вынимая его из моего желудка. Да через такой шланг при желании можно прогнать без помех не то что жидкую питательную смесь, а полтавские галушки или сибирские пельмени! Это и говорит о злонамеренности устраиваемой мне пытки под видом гуманного акта.

Как правило, всю эту процедуру проделывает один медработник. Он поэтому не в состоянии при заливке смеси размешивать ее, т. к. у него уже заняты обе руки: одной он держит шланг, а другой заливает в него из миски смесь. При таком способе он легко сливает жижу, а потом шланг забивается — даже и без кусочков-комочков пищи — отстоявшейся гущей смеси.

И начинается прочистка шланга с массажем и дерганием, не вынимая его из моего желудка. Но прочистить таким способом шланг не всегда удается, так что и часть питательной смеси при этом выбрасывается в помои.

Повторяю, что в данном случае под видом гуманного акта советские власти в лице медчасти тюрьмы подвергают меня физическим пыткам с целью принудить меня прекратить голодовку.

По многолетнему личному опыту я знаю Вашу манеру

реагировать на сигналы о произволе тюремщиков. Вы поручаете разбираться по существу тем же тюремщикам, например, начальнику Управления. «Факты проверкой не подтвердились» — это стандартный ответ в таких случаях. Он, конечно, очень удобен для внутреннего употребления. Но вряд ли он будет таковым, когда будет представлен советским представителям на международных форумах международными организациями. А этого в наши дни советским властям рано или поздно не избежать!

Так что, гр-н Генеральный прокурор СССР, прекращайте издевательства и пытки, не используйте гуманный акт — спасение жизни голодающего — в качестве физического воздействия на голодающего с целью принудить его прекратить голодовку.

Свободу всем политзаключенным в СССР!

03.10.86

политзакл. (подпись)

3.

Начальнику учр. УЭ-148/СТ-4

от политзаключенного

Марченко А.Т.

Заявление

Вот уже 4-й месяц продолжается моя голодовка, которую я специально приурочил к третьей Встрече представителей государств — участников Хельсинкского [совеща]ния по безопасности и сотрудничеству в Европе, начавшей свою работу в Вене 4-го ноября с.г.

Своей голодовкой я протестую против издевательств и пыток, которым подвергаются политзаключенные в СССР, и требую освобождения всех политических заключенных в СССР.

Мое заявление о голодовке лежит на столе Венской встречи, и в нем конкретно и точно указаны издевательства и пытки, которым подвергаются в СССР политические заключенные с целью их перевоспитания.

Вот этим же своим заявлением я хочу указать на [*нрзб.*] один вид пытки, которому подвергают лично меня в последнее время — на 4-м месяце голодовки!

Вид этой пытки и истязания — само искусственное питание в той его изуверской форме, в которой оно применяется в отношении лично меня. В цивилизованном мире считается, что искусственное питание является гуманным актом властей с целью

спасения жизни голодающего. У меня после 3-х месяцев голодовки есть основания считать, [что для] советских властей это не так и к гуманизму никакого отношения не имеет, что и считаю своим гражданским долгом [излож]ить письменно и тем самым зафиксировать эту позорную [особенность советской действительности в официальных документах.

Вот как проявляется изуверская сущность искусственного питания конкретно. Меня не кормили ровно 40 дней, принуждая доведением до последней степени истощения прекратить голодовку. Не вышло. И через 40 дней абсолютного голода, чтобы не дать мне умереть от голода перед самой Венской встречей, меня стали кормить искусственно. Но при этом власти в лице администрации тюрьмы не оставили своих попыток физическим воздействием принудить меня прекратить голодовку.

Проявилось же это в том, что мне со временем стали постепенно уменьшать количество питательной смеси и ухудшать ее содержание — качество, т. е. питательность. Дошло даже до того, что меня стали кормить уже один раз в три дня.

9 ноября — не кормив 7 и 8 ноября! — мне влили вообще [не] питательную смесь, а какую-то чуть замутненную водичку даже и без каких-либо признаков хотя бы заправки жиром. И как я убедился очень скоро после кормления, в эту «смесь» было добавлено слабительное средство. То есть после 2-х дней абсолютного голода и при крайнем истощении [мне на] 4-м месяце голодовки устроили на третий день еще и по[нос]. Это ли не изуверство?

[Все] это говорит о том, что советским властям очень хочется снять голодовку с Венской встречи. И тут — внутри страны и у себя — не до маскировки с «новым политическим мышлением», *[нрзб.* и грубая сила является главным средством. Подобная форма отношений между государством и личностью в СССР не дает морального права советскому руководству и заикаться о каком-то его «новом политическом мышлении» и в делах международных, т. к. внешняя политика любого правительства начинается в собственном доме.

Мышление советского руководства остается прежним: все средства хороши, т. е. иезуитским и в самых худших его проявлениях.

Данным заявлением я ничего не прошу, не требую. Я только высказываюсь против того, чтоб изуверство называлось гуманизмом. И хотя желание [донести] все это до мировой общественности обязывает меня выжить — тем не менее я намерен продолжать голодовку до завершения Венской встречи, требуя прекращения издевательств-пыток над

политзаключенными в СССР и их освобождения.

Свободу политическим заключенным в СССР.

10.11.86

политзэка (подпись)

4.

Начальнику УЭ-148/СТ-4

от политзаключенного Марченко А.Т.

(копия Генеральному прокурору)

Заявление

(в дополнение к заявлению от 10 ноября с.г.)

Как я уже писал в своем заявлении от 10 ноября, [я] продолжаю голодовку уже 4-й месяц, требуя прекращения судебных расправ советских властей над инакомыслящими, прекращения издевательств-пыток над политзаключенными в СССР и освобождения всех политзаключенных в СССР.

10 ноября меня в камере посетил тюремный врач. [Осмотрев мои опухшие ноги и выслушав мои жалобы на здоровье в целом, врач сообщил мне, что мои ноги пухнут от голода, от голода же и все остальные недомогания. Поэтому он предложил мне прекратить голодовку.

Что мои ноги опухли от голода, что я практически [обезножил и почти прикован к постели поэтому тоже от голода — я догадывался и сам. Но ведь ничего этого не происходило ни во время 40-дневного абсолютного голода, пока меня не кормили искусственно, ни в первые полтора месяца искусственного питания!

Мои ноги и лицо стали опухать, и я стал превращаться в лежачего только после того, как мне стали постепенно уменьшать количество питательной смеси, сокращая ее иногда в три раза против первого месяца, одновременно ухудшая и ее качество и питательность — от более или менее сносных в первое время до совершенно пустой и обезжиренной жидкости к началу ноября.

Хотелось бы знать, чем объясняются такие резкие перемены в количестве и качестве питательной смеси, ведущие к отрицательным последствиям для здоровья голодающего.

Существуют ли какие нормы питательной смеси или это целиком и полностью зависит от произвола тюремной администрации? Если есть узаконенные нормы, то почему их скрывают от голодающего?

Если же норму питания голодающему определяет произвольно тюремная администрация, то тюремный врач в этом

случае уже перестает быть врачом — он становится палачом на службе у тюремной администрации, всегда заинтересованной в срыве и прекращении голодовки протестующим заключенным.

Короче говоря, мое здоровье и жизнь в данное время [измеряются] количеством и качеством заливаемой в меня питательной смеси: можно влить 700 ккалорий, а можно 2000 или 3000. Это ли не рычаг физического воздействия на голодающего протестанта в руках тюремщиков?!

Итак, законно или нет мне сократили в три раза количество питательной смеси и превратили [ее] в пустую воду по сравнению с сентябрем?

Кому я обязан таким «переменам»: закону или произволу?

11.11.86

политзэка (подпись)

5.

Прокурору по надзору
[в местах лишения свободы]
ТатАССР
от политзаключенного Марченко А.Т.
(ТатАССР, г. Чистополь, УЭ-148/СТ-4)
(копия Генеральному прокурору СССР)
[штамп: г. Чистополь ТАССР почтовый ящик № УЭ-148/СТ-4]
[штамп: НИЖНЕКАМСКАЯ ПРОКУРАТУРА ПО НАДЗОРУ ЗА соблюдением законов в ИТУ ТАССР вх. № 718 4/XII1986]

Заявление

[Я] четвертый месяц продолжаю голодовку, требуя прекращения издевательств-пыток над политическими заключенными в СССР и их освобождения.

В данное время ВТЭКом я полностью освобожден от работы и признан нетрудоспособным. Это дает мне право пользоваться тюремным ларьком на деньги, которые мне пришлют из дому. Но администрация тюрьмы не позволяет мне ни в каком виде сообщить жене мою [просьбу] о присылке мне денег. Тем самым мне навязывается скотский [быт] в камере-одиночке: быть физически в беспомощном состоянии из-за длительной уже голодовки и быть лишенным возможности иметь при себе (покупать в ларьке) предметы первой необходимости ([*нрзб.* \носовые платки), канцелярские товары (бумагу!) и даже предметы личной гигиены — мыло, зубной порошок и пр.

[Это ли] не откровенное и демонстративное издевательство государства над политзаключенным? Или у прокурора будет

другое определение такого обращения советских властей с политзаключенным, например [образцом] социалистической законности или социалистическим [гума]низмом? И что тут вы скажете о правах человека в СССР?

Кроме этой просьбы к жене о присылке мне денег у меня есть и другие просьбы, с которыми администрация тюрьмы тоже не разрешает мне обратиться.

Короче говоря, вот мои просьбы домой, с которыми я уже трижды [пытался] обратиться к жене:

[и] заполучите медицинские справки-выписки из истории болезни из облбольницы Иркутска и райполиклиники Чуны с диагнозом невропатологов о болезни моих рук и такую же справку из больницы № 36 Москвы (операция радикальная на левом ухе после перенесенного гнойного менингита). Снимите со всех 3-х копии и, заверив у нотариуса, вышлите по одной сюда на начальника медчасти;

[при]шлите телеграфом 30 р. денег (теперь из-за блокады переписки буду на всякий случай просить уже 100 р.); бандеролью шлите только конфеты; шлите новые батарейки к слуховому аппарату; свидания, очередного в декабре я лишен за невыполнение нормы выработки, так что не вздумайте приезжать зря;

3 ноября конфисковали от тебя, Лар, письмо и от Злобиной и ю ноября одно твое письмо и все три из-за условностей в тексте;

получил от вас телеграмму от 22 окт. и открытку от Флоры Павловны от 22 окт., письмо № 21 и 23 получил тоже. Все.

Гражданин прокурор! Какие из этих моих просьб-сообщений [к] жене могут быть признаны запретными в нормальном государстве, даже если они и исходят от государственного преступника?

Повторяю, что я трижды обращался с этими записками к жене, [но три раза] у меня их конфисковывали из-за «условностей» в тексте.

Когда же я предложил цензору самому изложить мои просьбы в любом [виде] с последующей моей перепиской своей рукой для отправки, то [получил отказ] и от такого даже варианта. Поэтому и обращаюсь к Вам: сообщите моей жене эти просьбы. Сделать это можно любым способом: письменно (домашний адрес: 117261, Ленинский проспект, д. 85, кв. 3, Москва, Богораз Ларисе Иосифовне); устно, вызвав жену по повестке; по телефону (домашний телефон 134-68-98).

Меня устроит любой вариант. Или образумьте формально подконтрольные Вам ведомства МВД и КГБ. Или дайте мне «мудрый» совет, как мне пользоваться законным правом на

переписку с семьей!

19.11.86 политзакл. Марченко

6.

ПРОКУРАТУРА СССР
НИЖНЕКАМСКАЯ
ПРОКУРАТУРА
ПО НАДЗОРУ
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОНОВ
в ИТУ Тат. АССР
Пол. 9.12.86 г.
Начальнику учреждения УЭ-148/ст. 4
майору внутренней службы
АХМАДЕЕВУ М.Н.
«5» XII 1986 г. г. Чистополь
№ 1167
ДЛЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ОС. МАРЧЕНКО А.Т.

Направляя Вам заявление ос. Марченко А.Т. о неотправлении его писем родным, предлагаю лично разобраться в изложенном и принять безотлагательные меры по направлению сообщения родственникам о высылке денег.

Ознакомьте с этим письмом ос. Марченко под роспись.

Приложение: заявление на 2-х листах.

Прокурор,
советник юстиции Г.С. Акташев

Документы о смерти

1.

Исх. № 1092с
9.12.86 г.
Секретно экз. № 4
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПРОКУРАТУРЫ ТАССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ИТУ ТАССР
ст. советнику юстиции товарищу ГАЛИМОВУ Н[?].М. г. Казань
КОПИЯ: ПРОКУРОРУ НИЖНЕКАМСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ИТУ ТАССР
советнику юстиции тов. АКТАШЕВУ Г.С. г. Нижнекамск
НАЧАЛЬНИКУ УИТУ МВД ТАССР
полковнику внутренней службы товарищу ВЯРИ П.И. г. Казань
СПЕЦСООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ
Сообщаю Вам о том, что 8 декабря 1986 г. в 23 часа 50 мин. в больнице медсанчасти Чистопольского часового завода г. Чистополя скончался осужденный МАРЧЕНКО Анатолий Тихонович, 1938 года рождения.
Осужден 4 сентября 1981 г. Владимирским облсудом по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР на 10 лет л/св в ИТК строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет.
В учреждении УЭ-148/ст-4 содержался с 25.10.85 г.
Начальник тюрьмы № 4 УИТУ МВД ТАССР майор внутренней службы М.Н. Ахмадеев

2.

АКТ О ПОГРЕБЕНИИ
«11» декабря 1986 г.
г. Чистополь
Мы, нижеподписавшиеся: и.о. начальника учреждения УЭ-148/ст-4 В.Ф. Чурбанов, начальник спецчасти Зазнобин Ю.А., начальник оперчасти Денисов Н.П., в присутствии администратора Чистопольского кладбища № 2 Ощепкова Анатолия Филипповича 11 декабря 1986 г. в 12 ч. 16 мин. на кладбище № 2 г. Чистополя (справка на разрешение захоронения от 10.12.86 г., выданная отделом ЗАГС г. Чистополя), произвели

захоронение тела осужденного МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича, 23 января 1938 года рождения, уроженца г. Барабинска, Новосибирской области, осужденного 4.09.81 г. Владимирским облсудом по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы со ссылкой на 5 лет, скончавшегося в больнице ЧЧЗ 8 декабря 1986 г. в 23 часа 50 мин. Захоронение тела осужденного Марченко А.Т. произведено в могиле № 646.

При захоронении умершего присутствовали родственники осужденного.

О чем и составили настоящий акт.

ПОДПИСИ:

В.Ф. Чурбанов

Ю.А. Зазнобин

Н.П. Денисов

А.Ф. Ощепков

Публицистика

Главному редактору «Литературной газеты» А. Маковскому

Гражданин А. Чаковский, я прочел в «Литературной газете» № 13 Вашу статью «Ответ читателю» и в ней, между прочим, такие строки: «…вместо того, чтобы поить и кормить подобных людей за народный счет в тюрьме или в исправительно-трудовых колониях…».

Вы в своей статье становитесь в позу человека с гражданской совестью, как будто Вы искренне озабочены судьбой и престижем нашей страны. Для человека, занимающего столь гражданственную позицию, даже незнание, неосведомленность не могут служить оправданием — если Вы и не знали до сих пор, то могли, а значит, обязаны были знать, как именно поят и кормят в исправительно-трудовых колониях и за чей счет. Похоже, однако, что Вы этого и не пытаетесь представить себе, что Вас этот вопрос не интересует, а приведенные выше строки из Вашей статьи написаны Вами ради красоты стиля, для пущего обличения «преступников».

Не столько для Вас, сколько для Ваших читателей внесу уточнение к этим Вашим строчкам.

Заключенный в исправительно-трудовом лагере строгого режима (все политзаключенные содержатся именно на строгом режиме) получает в день 2400 калорий — норма ребенка семи — одиннадцати лет: утром порция (стакана два) жидкой постной баланды; в обед столько же щей из гнилой капусты и ложки две жидкой каши; вечером две ложки той же каши и кусочек вареной трески размером со спичечный коробок. На приготовление всех этих щей и каш вместе полагается в день 20 г жира (не сливочного масла, конечно). К этому выдается 700 г черного хлеба и 15 г сахара в день. Вот и все.

Это общий паек. Для «строптивых» существует так называемая строгая норма питания — штрафной паек: утром кружка кипятку, днем 400 г щей и две ложки жидкой каши, вечером тот же кусочек отварной трески (без каши). Штрафные щи и кашу готовят отдельно: в них не полагается ни грамма жира. Сахар тоже запрещен. Черного хлеба на весь день 450 г. Все вместе —1300 калорий (норма для ребенка одного — трех лет).

Вот так поят и кормят сегодня «подобных людей». А за чей счет — это разговор особый.

Заключенный в исправительно-трудовом лагере работает восемь часов в день, 48 часов в неделю. Это в исправительно-

трудовом лагере Дубравлага сделаны тот телевизор, который смотрит ваша семья, и та радиола, по которой до Вас донесся (случайно, конечно) «Голос Америки», Ваш мягкий диван и Ваш письменный стол. Но не думайте, что Ваша мебель достается легко тем, кто ее делает и кого «поят и кормят за народный счет». На «легком» мебельном производстве заключенные-грузчики (в том числе бывшие художники, писатели, научные и партийно-комсомольские работники) надрываются, вручную разгружая лес и камень; во вредных цехах, на полировке Вашего стола, быть может, Ваши бывшие коллеги навсегда теряют здоровье.

И за это — баланда, черный хлеб, недоедание изо дня в день на протяжении многих лет.

Это Вы имели в виду, когда писали, что народ «поит и кормит подобных людей»? Высок же тогда уровень Вашего гуманизма, писатель А. Чаковский!

Так ли поит и кормит народ — в том числе заключенные Дубравлага, Воркуты, Сибири и Казахстана — Вас и других писателей, «совесть народную»?

А может, высокий гражданский пафос Вашей статьи объясняется именно тем, что Вы получаете за нее немного больше, чем миску баланды и пайку черного хлеба?

Если Вам прикажут ответить на это мое письмо, Вы, вероятно, приведете примеры того, в каких условиях содержат заключенных в США или Китае. Вы могли бы не ограничивать себя этими двумя образцами, а сослаться на примеры Греции или Южной Родезии, почему бы не сослаться и на гитлеровские концлагеря? Скорее всего вы умолчите о сталинских концлагерях, хотя и призываете «обратить взоры в относительно недавнее прошлое».

Однако как же все-таки обстоит дело у нас и сегодня? Вот на что обратить бы прежде всего гражданский пафос такому высокопоставленному гражданину, как Вы!

Я бы хотел, чтобы это мое открытое письмо Вам дошло до моих сограждан не через «Голос Америки» или Би-би-си, а было бы опубликовано в Вашей газете. Только тогда можно было бы говорить о «совершенствовании социализма», и зарубежные идеологические враги не могли бы использовать приведенные здесь позорные факты в своих целях.

А. Марченко, грузчик,
бывший политзаключенный,
г. Александров Владимирской обл.,
ул. Новинская, 27.
27 марта 1968 г.

Письмо Анатолия Марченко, грузчика, бывшего политзаключенного, автора книги «Мои показания»

Председателю общества Красного Креста Митереву Г.А.; министру здравоохранения СССР Петровскому Б.В.; директору Института питания АМН СССР Покровскому А.А.; патриарху всея Руси Алексию; президенту Академии наук СССР Келдышу М.В.; президенту Академии медицинских наук СССР Тимакову В.Д.; директору Института государства и права Чиквадзе В.М.; ректору МГУ Петровскому И.Г.; первому секретарю правления Союза писателей СССР К. Федину; председателю правления Союза журналистов СССР Зимянину М.В.; писателям: К. Симонову, Р. Гамзатову, Р. Рождественскому, Е. Евтушенко (копия — в ООН, Комитет по защите прав человека, Международной конференции ООН по защите прав человека)

Пять месяцев назад я закончил книгу «Мои показания» — книгу о шести годах (с 1960 по 1966), проведенных во Владимирской тюрьме и в лагерях для политзаключенных.

Во вступлении к книге говорится: «Сегодняшние лагеря для политзаключенных так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже. Надо, чтобы об этом знали все.

И те, кто хочет знать правду, а вместо этого получает лживые благополучные газетные статьи, усыпляющие общественную совесть.

И те, кто не хочет ее знать, закрывает глаза и затыкает уши, чтобы потом когда-нибудь иметь возможность оправдаться и снова выйти чистенькими из грязи: „Боже мой, а мы и не знали…“ Если у них есть хоть сколько-нибудь гражданской совести и истинной любви к родине, они выступят в ее защиту, как это всегда делали настоящие сыны России.

Я хотел бы, чтобы это мое свидетельство о советских лагерях и тюрьмах для политзаключенных стало известно гуманистам и прогрессивным людям других стран — тем, кто выступает в защиту политзаключенных Греции и Португалии, Южно-Африканской Республики и Испании. Пусть они спросят у своих советских коллег по борьбе с антигуманизмом: „Что вы сделали для того, чтобы у вас, в вашей собственной стране, политзаключенных хотя бы не „воспитывали“ голодом?”»

Я сделал все, что мог, чтобы эта моя книга стала известна общественности. Однако до сих пор на нее нет никакого отклика (если не считать беседы со мной сотрудника КГБ о моей

«антиобщественной деятельности»). Положение в лагерях остается прежним. Поэтому я вынужден теперь обратиться к определенным лицам — тем, чье общественное положение делает их в первую очередь ответственными за состояние нашего общества, за уровень его гуманности и законности.

Вы должны знать следующее:

В лагерях и тюрьмах нашей страны содержатся тысячи политзаключенных. Большинство их осуждено закрытыми судами, по-настоящему открытых судов практически не было вообще (кроме процессов над военными преступниками). Во всех случаях нарушался основной принцип судопроизводства — гласность. Таким образом, общество не контролировало и не контролирует ни соблюдения законности, ни масштабов политических репрессий.

Положение политических заключенных во всем приравнено к положению уголовных, а кое в чем и значительно хуже: для политических заключенных наименьшая мера — лагерь строгого режима, для уголовных существует общий режим и еще более слабый; уголовные могут быть освобождены после 2/3 или 1/2 срока, политические отбывают свой срок полностью, «от звонка до звонка».

Таким образом, политические заключенные во всем приравнены к наитягчайшим уголовным преступникам и рецидивистам. Юридического и правового разделения не существует.

Политзаключенные — люди, как правило, занимавшиеся до ареста общественно полезным трудом: инженеры, рабочие, литераторы, художники, научные работники. В лагере к ним в качестве «меры перевоспитания» применяется принудительный труд. При этом лагерная администрация использует труд как наказание: слабых принуждают исполнять тяжелую физическую работу, людей интеллигентных профессий заставляют заниматься неквалифицированным физическим трудом. Невыполнение норм рассматривается как нарушение режима и является поводом для различных административных наказаний — от лишения свидания до карцера или камерного режима.

Наисильнейшая мера воздействия на заключенных — голод. Общие нормы питания таковы, что человек испытывает постоянную недостачу питания, постоянное недоедание. Суточная калорийность лагерного пайка — 2400 калорий (норма для ребенка семи — одиннадцати лет), и этим взрослый, работающий на физической работе мужчина должен довольствоваться изо дня в день на протяжении многих лет, иногда 15–25 лет! В основном эта калорийность покрывается за счет черного хлеба (700 г в

день). Свежих овощей, сливочного масла и многих других необходимых продуктов заключенные вообще никогда не видят — их запрещено продавать даже в лагерном ларьке (как и сахар).

Сразу же отмечу: лагерное питание, как и лагерную одежду, заключенные оплачивают сами из начисляемого им заработка (50 % которого сразу же отчисляется на содержание лагеря: бараков, оборудования, заборов, вышек и т. п.). В ларьке продукты (в том числе табак) можно купить только на пять рублей в месяц — из заработанных и оставшихся после вычетов денег. Но и этого права потратить 17 копеек в день заключенный может быть лишен — «за нарушение режима». Например, заключенного историка Ренделя (десять лет за участие в нелегальном марксистском кружке) лишили ларька на два месяца за то, что он отнес ужин больным товарищам в барак, заключенного писателя Синявского — за то, что он переговаривался со своим другом писателем Даниэлем, когда тот сидел в лагерной тюрьме.

За так называемые нарушения лагерного режима, в том числе за невыполнение нормы, заключенного могут перевести на строгую норму питания — 1300 калорий (норма ребенка одного — трех лет). На такой штрафной паек были, например, переведены писатель Даниэль и инженер Ронкин (семь лет за нелегальную марксистскую деятельность) в конце 1967 года.

Продуктовые посылки от родных заключенным на строгом режиме «не положены»; лишь в порядке поощрения за хорошее поведение (за раскаяние, за донос, за сотрудничество с администрацией) начальство может разрешить продуктовую посылку — и то не раньше, чем через полсрока, и не чаще, чем четыре раза в год, и не больше, чем пять килограммов!

Таким образом, в руках лагерной администрации имеется мощное средство физического воздействия на политзаключенных — целая система эскалации голода. Последствия применения этой системы — истощение, авитаминоз.

Некоторые заключенные из-за постоянного недоедания доходят до того, что убивают и едят ворон, а если повезет, то собак. Осенью 1967 года один заключенный ll-го отделения Дубравлага в больничной зоне нашел возможность достать картошку, объелся и умер (картошка была сырая).

Еще более жестокий голод царит во Владимирской тюрьме, в лагерях особого режима, где содержится также немало политзаключенных.

По сравнению с постоянным недоеданием другие «меры воздействия» кажутся более безобидными. Однако нельзя хотя бы не упомянуть о некоторых из них: лишениях свиданий с родными,

стрижке наголо, запрещении носить свою одежду (в том числе теплое белье зимой), препятствиях в творчестве, в отправлении религиозных обрядов.

Жалобы и заявления заключенных в Прокуратуру, в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК КПСС многоступенчатым путем непременно возвращаются в лагерное управление: высшие органы пересылают их в МООП, в ГУМЗ[6], а оттуда по инстанциям они так или иначе попадают в руки тех, на кого жаловались, — «для проверки». Естественно, что результат жалоб один: лагерная администрация отвечает, что «факты не подтвердились», «наказание вынесено правильно», а положение жалобщиков становится невыносимым — иногда их даже переводят в тюрьму или на камерное содержание за очередное «нарушение режима». Поэтому недовольным заключенным офицеры-воспитатели нередко говорят: «А вы жалуйтесь на нас, жалуйтесь, пишите, это ваше право». А некоторые, попростодушнее, увещевают: «Ну, зачем вы протестуете, сами же знаете, администрация всегда найдет повод вынести взыскание любому заключенному. Только себе хуже делаете, надо приспособиться…»

И действительно, «Положение о лагерях и тюрьмах», утвержденное Верховным Советом в 1961 году, дает лагерной администрации практически неограниченные возможности применять меры физического и морального воздействия. Запрещение продуктовых посылок, лишение ларька, голодная норма питания, лишение свиданий, карцер, наручники, камерное содержание — все это узаконено «Положением» и применяется по отношению к политзаключенным.

Лагерной администрации эти меры тем более по душе, что среди «воспитателей» немало работников сталинских концлагерей, привыкших к неограниченному произволу (впрочем, тоже соответствовавшему принятым тогда инструкциям).

Бесправное положение заключенных приводит к страшным и губительным формам протеста: к голодовкам, членовредительству, самоубийствам — заключенный среди бела дня идет на запретку, на проволоку, и там его пристреливает часовой «за попытку к бегству».

Я не знаю, существует ли сейчас, в 60-е годы, еще где-нибудь в мире, кроме нашей страны, такой статус для политзаключенных: узаконенное бесправие, плюс узаконенный принудительный труд. Я уверен в одном: эти условия возможны у нас лишь потому, что никто о них не знает, кроме их организаторов и исполнителей. Если бы о них знала общественность — как могли бы вы протестовать против

положения политзаключенных в других странах? Пока же только наши политзаключенные, читая эти протесты в газетах, могут оценить чудовищную двусмысленность ситуации, крайнюю противоречивость между пропагандой «на вынос» и практикой у себя дома.

Некоторые из вас несут прямую ответственность за существующее положение; ответственность других определяется их гражданской позицией. Но я обращаюсь к вам как к своим согражданам: все мы равно ответственны перед своей родиной, перед ее молодежью, перед ее будущим. Довольно и того, что поколение 30-40-х годов позволило совершать преступления именем народа; нельзя, недопустимо проявить снова такое преступное равнодушие, сделавшее тогда весь народ соучастником кровавых преступлений.

Я призываю вас:

Требуйте гласного расследования положения заключенных.

Требуйте широкого опубликования «Положения о лагерях и тюрьмах»; добивайтесь установления специальных правил по содержанию политзаключенных.

Требуйте опубликования норм питания заключенных.

Требуйте немедленного отстранения от «воспитательной» работы кадров сталинских концлагерей и лиц, которые в настоящее время проявили жестокость и бесчеловечность в отношении заключенных.

Требуйте гласного суда над ними.

Наш гражданский долг, долг нашей человеческой совести — остановить преступления против человечности. Ведь преступление начинается не с дымящихся труб крематориев и не с пароходов на Магадан, переполненных заключенными, — преступление начинается с гражданского равнодушия[7].

А. Марченко
г. Александров
Владимирской обл.,
ул. Новинская, 27
2 апреля 68 г.

Председателю Международного комитета Красного Креста г-ну С. Гонару

Направляю Вам копию письма, которое я отослал в апреле 1968 г. по указанным адресам. Я получил ответ лишь от Исполкома общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР — копию этого ответа также направляю Вам. Кроме того, я получил ответ от писателя К. Симонова, но это было личное письмо мне.

Ответ общества Красного Креста СССР, по-моему, не соответствует гуманным целям этой организации. Поэтому прошу Вас, г. Президент, направить в СССР представительную миссию МККК для обследования положения советских политических заключенных в мордовских лагерях (Мордовская АССР, ст. Потьма, Дубравлаг, лагерные отделения № 11, № 17, № ю; № 3 — больничная зона; г. Владимир, Владимирская тюрьма) и оказания им необходимой помощи (эта моя просьба — почти буквальное повторение обращения Исполкома СОКК и КП СССР по поводу положения политзаключенных Индонезии — прилагаю изложение обращения в газете «Известия» от 22 июня 68 г.

Прошу также МККК присоединиться к требованиям, изложенным в письме.

А. Марченко

4 июля 1968 г.

Обращение к прогрессивным общественным организациям и общественным деятелям Западной Европы

Я обращаюсь к вам накануне начала переговоров в Женеве. На этом совещании будет обсуждаться вопрос о разрядке напряженности в Европе, о путях достижения этого — в том числе о культурном обмене, обмене идеями и информацией, о свободном передвижении людей. Вам, может быть, эти проблемы кажутся не первостепенными, так как у вас они решены или решаются цивилизованными методами. На протяжении 56 лет истории нашего государства граждане платили и платят жизнью или свободой за попытку осуществить самые элементарные права, необходимые для духовной жизни человека. И вот сейчас впервые забрезжила надежда, что и мы можем приблизиться в этом отношении к цивилизованному миру. Эта наша надежда может осуществиться, если вы нам поможете.

Вначале я хотел адресовать свое обращение правительствам — участникам совещания. Но сообщения последних дней (интервью Брандта, заявление Киссинджера) заставили меня отказаться от первоначального варианта и обратиться к тем, кто не связан политической дипломатией и руководствуется совестью, нравственными принципами.

На первом туре переговоров представители западных стран выдвинули вопрос о культурном обмене как условии разрядки напряженности.

Наш представитель не мог прямо возражать против этой идеи. Ведь еще раньше Брежнев заявил: «…мы тоже стоим за это. Разумеется, если такое сотрудничество будет осуществляться при уважении суверенитета, законов и обычаев каждой страны». Мы, граждане СССР, слишком хорошо знаем, что означает такая оговорка на практике. В 1948 году наша страна подписала Декларацию прав человека — документ ООН, не менее важный, чем те соглашения, которые могут быть подписаны сейчас. А в это время концлагеря Сибири, Воркуты, Колымы перемалывали тысячи, миллионы жизней ни в чем не повинных людей, впоследствии реабилитированных, к сожалению, часто — посмертно. На смену Вышинскому на трибуну ООН вышел Громыко, а на смену реабилитированным или умершим заключенным 40-х-60-х годов пришли Синявский и Даниэль, Гинзбург и Галансков (может, его тоже когда-нибудь реабилитируют — посмертно), Амальрик и Дремлюга и другие

такие же — осужденные именно за обмен идеями и информацией. Таков, видимо, обычай нашей страны: национальная игра в палача и жертву. Неплохо бы, правда, спросить жертву, нравится ли ей такой обычай. При соблюдении этого обычая наше руководство вполне устроит культурный обмен с Западом. А ваше руководство — устроит?

Киссинджер заявил, что США не намерены торговые и деловые контакты с СССР ставить в зависимость от политики СССР в отношении инакомыслящих.

Брандт сказал, что его сочувствие на стороне преследуемых инакомыслящих, но что ради разрядки напряженности в Европе он пошел бы на развитие отношений и с Россией Сталина.

Мы благодарим Брандта за сочувствие.

Сочувствиями добрых политиков вымощена наша дорога — в лагеря, тюрьмы и психбольницы. Что касается благородной цели — разрядки напряженности, то мир уже видел пример умиротворения Европы — в Мюнхене. Настоящая разрядка напряженности возможна только в условиях действительно свободного культурного обмена, а не обмена, организованного тоталитарным государством, или сотрудничества с соблюдением «национальных особенностей». Об этом уже говорили Западу другие.

Некоторые западные политики заявляют, что они сторонники «тихой» дипломатии, что этим путем можно добиться больших результатов, чем путем откровенного давления. Это лично Брежнев шепнул им, что Сахаров и Солженицын останутся на свободе, Якиру и Красину скостят срок? Может, он им втихую пообещал генеральную амнистию политзаключенных? «Я русскому народу скорее дам свободу». Надолго ли действуют гарантии «тихой дипломатии»? Скорее всего до первого подписанного соглашения, до принятия законопроекта о льготной торговле. Как можно полагаться на тихую дипломатию, если мы многократно нарушали вполне гласные обещания?! С таким партнером, как СССР, можно полагаться только на те обещания, которые во всеуслышание оговорены как необходимые условия нужного СССР соглашения — да и то до тех пор, пока это соглашение ему нужно. А вот стакнется СССР снова с Китаем — и вы увидите, какова будет цена даже официальным договорам. Впрочем, этого не будет: два зверя в одной берлоге не уживутся. Так что и СССР, и Китай, пока не грянет война между ними, будут каждый стремиться перетянуть на свою сторону или хотя бы нейтрализовать Европу и Америку. И по этой причине примут (и, может, выполнят) некоторые ваши условия — если вы захотите поставить условия и проявите настойчивость.

Анатолий Марченко,
14 сентября 1973 г.
г. Таруса Калужской обл.,
ул. Луначарского, дом 39

Заявление для прессы об административном надзоре

25 мая мне объявили об установлении надо мной гласного надзора милиции. «Надзор» — это не контроль моего поведения: по многим признакам я замечаю, что моя жизнь негласно контролируется постоянно путем прослушивания, слежки, ограбления дома (причем грабители-любители украли не вещи и деньги, а мои бумаги, книги, фотографии). Нет, надзор милиции — это оскорбительные для меня ограничения моей свободы, и без того сверх меры ущемленной у советских граждан разнообразными инструкциями, указами, постановлениями и тому подобными актами начиная с паспортного режима.

Унизительность поднадзорного состояния я почувствовал в первый же день: как обычно, я вынес своего сына погулять перед сном, ребенок по привычке потянулся на улицу, а я не имел права шагнуть с ним за калитку, так как с восьми вечера обязан быть дома. Так мой сын, едва годовалый, познает права и обязанности гражданина своей родины. Через несколько дней ровно в восемь вечера милиционер-надзирающий вошел в мою квартиру проверить, сижу ли я дома, и удалился, оставив на вымытом полу следы своих грязных сапог. По правилам надзора милиция имеет право явиться в мой дом в любое время дня и ночи.

Домашний арест с восьми вечера до шести утра — далеко не единственное ограничение, предусмотренное надзором. И хотя остальные не менее унизительны (не посещать кино, ресторан, не выезжать за пределы района и т. п.), больше, чем сами ограничения, оскорбительны формальные обоснования этой акции. В постановлении говорится, что я веду антиобщественный, паразитический образ жизни. Я работаю с семнадцати лет. На прибавочную стоимость от моего труда государство строит космические корабли, натягивает колючую проволоку вокруг концлагерей, содержит министра иностранных дел, собак лагерной охраны и военных советников на Ближнем Востоке. Я был грузчиком, буровщиком, чернорабочим, лесорубом, шахтером, кочегаром. Потеряв здоровье в лагерях, я вынужден теперь искать себе более легкую работу. Последнее время я работал на сезонной работе. Между зимним и летним сезонами перерыв около двух месяцев — так вот этого достаточно, чтобы официально получить ярлык тунеядца и попасть под надзор. Кстати, это время я не отдыхал, а ремонтировал свое жилье — ведь мне никто не пришлет бригаду ремонтников, как присылают

секретарю райкома или прокурору; но тунеядец и паразит, оказывается, я, а не они.

Другое формальное обоснование надзора — что я «не исправился». Поскольку речь идет не о пьянстве, не о воровстве или насилии, а о моем образе мыслей, вряд ли применяющиеся ко мне меры (заключение в концлагерь, милицейский надзор) убедят меня в неизмеримых преимуществах самого гуманного, самого демократического в мире нашего общественного устройства. Значит, я обречен пожизненно испытывать на себе эти меры.

Однако суть дела не в формальных обоснованиях надзора, как и не в самих наложенных ограничениях. В течение нескольких месяцев — после моих открытых писем Генеральному секретарю ООН и прогрессивным деятелям Запада — я ощущаю пристальное внимание властей. В ноябре прошлого года у меня произвели обыск, причем забрали все мои черновые записи. В январе нынешнего года меня вызвали на допрос в КГБ и зачитали так называемое Предостережение, суть которого — угроза арестом. Вот теперь объявили надзор на год — быть может, в расчете, что за год я нарушу какие-нибудь правила (но я не исключаю провокации или подлога): три мельчайших нарушения (как было у Бориса Шилькрота) позволяют упечь поднадзорного в лагерь на два года, а там, как мы знаем, можно держать до бесконечности. Возможно, все эти акции — подготовка к аресту. Возможно и другое: все это — приемы запугивания, чтобы я либо научился помалкивать, как большинство советских граждан, либо уехал бы из своей страны. В декабре 73 года работник КГБ передал моей жене «совет»: пусть уезжает, иначе Марченко хуже будет. Я (вероятнее же, и члены моей семьи тоже) считаюсь у властей беспокойным элементом, от которого стремятся избавиться любым способом.

На фоне расправы с Григоренко, Плющом, Буковским, Светличным, Шухевичем, Амальриком и многими другими приключившаяся со мной неприятность — административный надзор — мне самому кажется несущественной, мелкой. Однако я понимаю, что проявляемое ко мне внимание — первое звено той цепочки, которая ведет либо в тюрьму, либо в изгнание. Я не прошу никого ни о помощи, ни о заступничестве — в этом нуждаюсь пока не я, а другие названные и не названные мною. Пусть мое сообщение будет еще одной частицей информации о стране, которая сегодня претендует на управление судьбами не одного человека, но всего мира.

15 июня 1974 года

г. Таруса Калужской обл.,

ул. Луначарского, д. 39
А.Т. Марченко

Заявление об отказе соблюдать правила административного надзора

Радиостанциям Западной Европы и Америки, ведущим передачи на русском языке

Четыре с половиной месяца назад я сделал публичное заявление о безосновательном установлении надо мной гласного милицейского надзора. С тех пор я выполнял унизительные правила и подчинялся затрудняющим жизнь ограничениям, не желая вступать в мелочную тяжбу по каждому пункту надзорного постановления. Я не заключенный, не ссыльный, закон страны называет меня «свободным гражданином». Но мне запрещено выходить из дома после восьми вечера — старики-родители моей жены вынуждены одни впотьмах добираться до своего жилья, так как я не имею права проводить их. Мне запрещено выезжать в соседний район — и жена должна ехать сама за углем и припасами на зиму. Отвезти больного ребенка к врачу — я и то должен просить разрешения у милиции. Я подчинялся. Я считал ниже своего достоинства протестовать против нелепых, но поначалу бесцельных надзорных ограничений.

Теперь эти ограничения приняли характер целенаправленного издевательства надо мной и моей семьей. Милиция запретила мне встретить мою 60-летнюю мать, приехавшую из Средней Азии, чтобы повидаться со мной. Спустя две недели милиция запретила мне отвезти домой жену с маленьким сыном, помочь им перевезти вещи. Мне известно, что все эти запреты милиция производит по указанию более высоких инстанций. Ни один из запретов не был никаким образом мотивирован.

Я не посчитался с запретами, проводил мать, отвез жену с ребенком — тем самым «злостно нарушил правила надзора». Трех таких нарушений достаточно для того, чтобы угодить в лагерь на два года. Таков закон. Правда, закон предусматривает, что надзорные ограничения не должны нарушать жизнь семьи. Но что толку говорить о законности, если милиция подделала постановление о надзоре над моим товарищем Гинзбургом, переправив в документе цифру «6» на «12» и увеличила ему таким образом срок надзора на полгода? Если и Гинзбургу, и мне изначально запрещено бывать в Москве, где живут наши семьи? Если *суд* рассматривает вопрос, достаточно ли тяжело болен ребенок Гинзбурга, чтобы отец мог его отвезти в Москву, несмотря на запрет милиции? И *врач* дает на этом суде

показания, что нет, не слишком тяжело, мог бы ребенок хворать скарлатиной и в Тарусе (а лечиться — возить младенца за 84 км, три часа на автобусе).

Милиция решает, видеться ли, где и как часто Гинзбургу и мне с нашими семьями. Милиция установит, а суд рассудит, кто и где будет лечить наших детей. Милиция запретит мне встретить и проводить мою старуху-мать. Я же обязан подчиняться и еще еженедельно подтверждать свою покорность собственноручной подписью в отделении милиции. Кому, в какой фантастике, в какой сатире удалось переплюнуть эту реальность?

Проблемы рабства, проблемы крепостничества — они давно позабыты в цивилизованном мире и слишком привычны и обыденны на моей родине. Где еще, в какой стране, кроме моей, осуществление естественных прав личности может образовать состав преступления? Где еще суд будет рассматривать и определять меру наказания за такой криминал?

Право оказать уважение старости, право позаботиться о своей семье, навестить своего ребенка — может, действительно эти права не стоят внимания и не стоят того риска, на который я решил пойти, осуществляя их?

Заявляю, что я отказываюсь признавать режим гласного милицейского надзора надо мной. Отказываюсь признавать законность чьего бы то ни было произвольного вмешательства в мою частную жизнь — будь то отеческая забота партии, милиции или государства.

Я заявляю, что добровольно ни на какой суд по этому поводу не пойду, что в случае ареста объявлю голодовку — это единственно доступная мне форма протеста против традиций крепостничества на моей родине.

Прошу всех лиц и организации, занимающиеся вопросами прав человека, принять к сведению это сообщение.

Прошу радиостанции Западной Европы и Америки, ведущие передачи на русском языке, передать его.

Анатолий Марченко
14 октября 1974 года
г. Таруса Калужской области,
ул. Луначарского, дом 39

Заявление об отказе от советского гражданства

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
от Марченко Анатолия Тихоновича,
проживающего в Тарусе Калужской обл.
по ул. Луначарского, д. 39
Заявление

Поскольку я фактически поставлен властями вне закона, впредь не считаю себя гражданином Советского Союза, отказываюсь от советского гражданства и прошу дать мне возможность эмигрировать в Соединенные Штаты Америки.

Положение эмигранта в США более устраивает меня, чем бесправное положение на родине.

Прошу выдать мне стандартные бумаги для оформления отказа от гражданства и для отъезда.

10 декабря 1974 г.
Марченко

Речь Анатолия Марченко на суде в Калуге 31 марта 1975 года

Марченко: В обвинительном заключении говорится о моей антиобщественной деятельности, в деле содержатся материалы, не имеющие никакого отношения к надзору. Среди материалов дела находятся тексты из радиопередач «Немецкой волны», Би-би-си, «Голоса Америки». Другие бумаги изъяты у меня во время обысков, произведенных тем же КГБ: мои черновики, которые «публицисты» из КГБ квалифицировали как могущие послужить материалом для написания антисоветских произведений. После обыска, еще в январе 74 года меня вызывали в КГБ и прочли так называемое предостережение, которое должно фигурировать в этом деле в качестве отягчающего обстоятельства…

Судья: Прошу придерживаться рамок обвинения.

Марченко: Я говорю по существу, все это есть в данном деле и в обвинении. Это все моя антиобщественная деятельность. Моя антиобщественная деятельность, о которой меня предупреждал КГБ, — это «Мои показания» и другие мои публикации на Западе о положении политзаключенных в нашей стране, которых здесь нагло именуют уголовниками. Среди политзаключенных мне пришлось провести не один год, я видел, как художников, писателей, ученых заставляют заниматься тяжелым неквалифицированным трудом…

Судья: Суд делает вам второе замечание. Не используйте свое положение для оскорбления советской власти.

Марченко: Я обращался не только к Западу, но также и к общественности нашей страны. Я обращался в Советский Красный Крест. Мне ответили: так было — так будет. Это ответили наши «общественные деятели». А моя деятельность — антиобщественная: я вступался за людей, пребывающих в нечеловеческих условиях, которые сами не имеют возможности за себя заступиться.

Далее, уже после 71 года, моя антиобщественная деятельность — это мои подписи под письмами в защиту В. Буковского и Л. Плюща, недавно арестованного Сергея Ковалева, мое письмо в защиту А. Амальрика. Вот что предъявлено мне в качестве антиобщественной деятельности — и ничего другого.

Остановлюсь собственно на надзоре. Обвинительное заключение утверждает, что надзор установлен по представительству исправительного учреждения: «На путь исправления не встал». Указ о надзоре гласит, что для

установления надзора надо, чтобы у заключенного были неоднократные нарушения режима. У меня не было в лагере нарушений, точнее, было только одно нарушение, и то к моменту освобождения оно было снято. За две недели до окончания срока начальник режима сообщил мне, что нарушений режима за мной не числится и надзор за мной не будет установлен. Однако через пару дней меня взяли из лагеря, изолировали, а в день освобождения привели в комнату, где были какие-то типы в штатском, и объявили об освобождении под надзор. Меня под конвоем привезли в Чуну и поставили под надзор. Я тогда писал в прокуратуру Иркутской области, но все заявления остались без ответа.

Когда через два года в Тарусе мне снова объявили о надзоре, тоже ссылались на нарушения в лагере. В деле характеристики из лагеря нет, и по окончании нынешнего следствия я заявил ходатайство: запросить характеристику из лагеря. Ходатайство отклонили. Этот надзор также установлен не тарусской милицией, а КГБ: после обыска в ноябре 73 года (ордер подписан генералом КГБ Волковым, обыск по делу № 24 — о «Хронике текущих событий»), после предостережения, объявленного в КГБ в Москве.

Устанавливая надзор, мне сказали, что, мол, я долго не работал. К этому времени я не работал месяц и двадцать три дня; я не уволился с работы, а был уволен в связи с окончанием отопительного сезона (я работал кочегаром). Тем не менее было сделано предупреждение о необходимости трудоустройства, но не до установления надзора, а через несколько дней; так что не надзор вследствие того, что я не работал, а наоборот.

На сей раз я сделал заявление о незаконности надзора и передал его на Запад: я не стал обжаловать у нас в прокуратуру, так как уже не надеялся на какую-либо реакцию советских органов.

Хотя я и считал надзор незаконным, но я пытался соблюдать его. Я не хотел вступать в конфликт с Уголовным кодексом, не хотел давать повод посадить меня: я думал о своей семье. Поэтому я подчинился надзору и не нарушал его правил. Ни следствие, ни суд не поинтересовались тем фактом, что до 11 октября я соблюдал условия надзора и прекратил его соблюдение, только окончательно удостоверившись в его издевательской форме. С конца лета на все мои просьбы, связанные с заботами о семье, я получал отказ. Я просил разрешить мне встретить на вокзале в Москве престарелую и к тому же неграмотную мать — отказали. Навестить в Москве больного ребенка — отказ. Проводить старуху-мать — отказ.

Когда мой сын заболел и было подозрение на скарлатину, я просил разрешить отвезти его в Москву, в то время в Тарусе не было педиатра. Мне в течение четырех дней начальник милиции Володин морочил голову: придите завтра, придите после обеда; а на четвертый день прямо сказал, что не получил ответа. Кто же, интересно, как не начальник милиции, должен дать ответ на такую просьбу? Ведь закон гласит, что надзор осуществляет милиция. Я зашел еще раз. Заместитель начальника Лунев сообщил мне об отказе. Вот тогда я заявил ему, что отказываюсь соблюдать надзор, и отвез жену с больным ребенком в Москву. После этого дикого случая я считал себя свободным от надзора. Я сделал заявление о том, что в своей стране я поставлен вне закона. Это заявление адресовано мировой общественности. Человеку в одиночестве трудно противостоять шайке бандитов, но еще труднее обороняться от гангстеров, именующих себя государством. Я не раскаиваюсь в своем поступке. Я люблю свободу, но если я живу в государстве, где забота о семье, о родителях, любовь и привязанность к ребенку — криминал, то я предпочитаю тюремную камеру. Где еще меня судили бы за такие поступки? Меня поставили перед выбором: отказаться от семьи или стать преступником.

Судья многократно перебивает Марченко.

Марченко: Так называемый дисциплинированный советский человек на моем месте, получив отказ, вернулся бы домой, скорей всего напился бы, поматерил советскую власть и подчинился бы запрету. Видимо, из меня хотят сделать такого советского человека (показывает при этом на свидетеля Трубицына), тряпку, с которой позволительно делать все что угодно. Но я уже отказался от такого сомнительного звания. 10 декабря я направил Подгорному заявление об отказе от советского гражданства.

Конечно, это решение… Это капитуляция перед всемогущим КГБ. Больше года назад мне передавали из КГБ, чтобы я уезжал из страны, а то мне будет хуже.

Судья снова перебивает. Во время своей речи Марченко несколько раз просит пить. Конвоир, подавая ему стакан, каждый раз убирает его на подоконник, так что, для того чтобы смочить пересыхающее горло, Марченко снова и снова вынужден просить воду у конвоя.

Марченко: И вот я решился эмигрировать в США. Мне заявили, что, если я буду настаивать на выезде в США, меня посадят, и чтобы я ехал через Израиль. Данный суд — просто реализация этой угрозы.

Я не стал бы останавливаться на эпизоде 7 ноября. После того как я заявил в октябре, что не намерен соблюдать надзор, я

не считался с его правилами. На этом эпизоде я останавливаюсь только для того, чтобы показать, как фабрикуется это дело милицией.

Так вот — 7 ноября я был дома. У нас были гости из Москвы, в частности родители жены и Наталья Кравченко. В начале девятого позвонил Кузиков. Я приоткрыл дверь на цепочке и спросил: «Кто?» Кузиков сказал: «Анатолий Тихонович, не бойтесь, это милиция». Я ответил: «Милиции здесь делать нечего». Я захлопнул дверь. Кузиков теперь показывает, что видел, как я уезжал из Тарусы. Как же это — он даже не подошел удостовериться! В октябре, когда я отвозил семью, он не поленился погнаться за автобусом на автомобиле даже до Серпухова. А на праздник, когда нашему брату вообще запрещается покидать место жительства, он почему-то удовлетворился виденным и якобы дал мне уехать.

Трубицын нагло лжет: я с ним не только не пускался никогда ни в какие объяснения, а ни разу не разговаривал и даже не здоровался. Почему следствие не спросило московских соседей моей жены? Ведь невозможно не заметить семью с ребенком в коммунальной квартире, где общая кухня, общий туалет, ванная, прихожая.

8-го у нас в гостях были наши тарусские друзья Оттены; но их также никто не удосужился опросить.

Когда меня штрафовали, я не слышал и не хотел слушать, за что. Позднее моя жена узнала. Тогда же, еще в декабре, она обращалась по этому эпизоду к прокурору. Но ни один из свидетелей вызван не был. Разве это суд? Это — расправа.

Марченко садится. Зал аплодирует его речи. Во время всей речи Марченко опирался на барьер, с видимым трудом удерживаясь на ногах.

Суд предоставляет Марченко последнее слово. Марченко несколько растерян. Еще в самом начале заседания он отказался от участия в судебном разбирательстве, оставив за собой лишь право на последнее слово, которое он считал уже произнесенным. Он говорит сидя: не может больше стоять.

Марченко: Я все уже сказал. Данный процесс является давно обещанной мне расправой со стороны КГБ. Однако я не жалею о том, что родился в этой стране, родился русским. Но, думая о судьбе моего двухлетнего сына, я обращаюсь ко всем людям во всем мире и прошу всех, кто может, помочь мне и моей жене с сыном выехать из СССР. Я продолжаю голодовку, настаивая на отъезде из страны.

Прошение о всеобщей политической амнистии

Прошение

В Президиум Верховного Совета СССР Просим всеобщей политической амнистии — то есть, амнистии для всех лиц, осужденных за идеологию, политические взгляды и деятельность, а также за религиозные убеждения и религиозную деятельность.

Просим применить эту амнистию и к лицам, лишенным гражданства по тем же мотивам.

Просим распространить эту амнистию также на лиц, осужденных за осуществление ими иных прав, предусмотренных Декларацией прав человека ООН.

В индивидуальном порядке просим амнистировать людей, осужденных за иные правонарушения, но чье судебное преследование вызвано идеологическими или политическими мотивами.

В первую очередь и незамедлительно просим амнистировать всех женщин-политзаключенных, а также осужденных за религиозные убеждения и деятельность.

Просим не ограничивать применение амнистии тем или иным сроком осуждения, необходимостью положительной характеристики или иными какими-либо условиями.

Одновременно с этим просим освободить из психиатрических больниц людей, насильственно помещенных туда в связи с их мировоззрением, политическими взглядами и деятельностью.

Первая в истории СССР всеобщая политическая амнистия явилась бы единственным весомым подтверждением серьезности намерений СССР осуществлять провозглашенные принципы разрядки напряженности.

Л. Богораз

Москва, В-261, Ленинский просп., 85, кв. 3

А. Марченко

Чуна, Иркутская обл., ул. Чапаева, 18

Прошение поддерживаем:

А. Сахаров, Л. Алексеева, Т. Великанова, М. Ланда, А. Лавут, Г. Подъяпольский, А. Гинзбург, Н. Буковская

16 августа 1975 г.

Обращение к гражданам СССР

Мы, подписавшие и направившие в Президиум Верховного Совета СССР прошение о всеобщей политической амнистии, предлагаем всем желающим присоединиться к нашей просьбе.

Лариса Богораз,

Анатолий Марченко

Прошение поддерживаем: Андрей Сахаров, Ирина Кристи, Инна Аксельрод, Александр Лавут, Людмила Алексеева, Мальва Ланда, Нина Буковская, Александр Липавский, Владимир Борисов, Татьяна Литвинова, Борис Вайль, Виктор Некипелов, Ксения Великанова, Юрий Орлов, Татьяна Великанова, Григорий Подъяпольский, Николай Вильямс, Вячеслав Родионов, Тамара Гальперина, Виталий Рубин, Александр Гинзбург, Галина Салова, Сергей Генкин, Леонард Терновский, Николай Иванов, Эдуард Финкелынтейн, Валерия Исакова, Александр Щаранский, Ирина Каплун,

Нина Лисовская, Нина Комарова

Обращение к соотечественникам за границами СССР Дорогие соотечественники! Призываем вас присоединиться к нашей просьбе о всеобщей политической амнистии в СССР и побудить международную общественность к активности в этом направлении.

Лариса Богораз,

Анатолий Марченко

16 августа 1975 г.

Обращение поддерживаем:

Т. Великанова, Л. Терновский, М. Ланда, Н. Лисовская, А. Гинзбург, Г. Подъяпольский, С. Генкин, В. Некипелов, В. Борисов, И. Каплун, Н. Комарова, Г. Салова, В. Исакова, К. Великанова, Н. Буковская, Л. Алексеева, И. Кристи, Ю. Орлов, В. Родионов, Н. Иванов, Э. Финкелынтейн, А. Липавский, Т. Гальперина, А. Щаранский, И. Аксельрод

«Tertium datur» — третье дано

Возможно, наша работа не содержит ничего нового, ничего такого, что не было уже сказано. В этом случае авторы оправдывают себя тем, что они практически лишены информации, кроме случайных ее обрывков. И надеются, что работа может быть интересна хотя бы как заявление одной из неофициальных внутрисоветских точек зрения на актуальную ситуацию.

Конечно, мы хотели бы, чтобы эта точка зрения стала известна нашим соотечественникам — не для обращения всех в свою веру, тем более не ради влияния на политику своей страны (мы достаточно пессимистически относимся к возможным поворотам политики советского правительства). Нам было бы интересно узнать мнение независимо мыслящих людей по затронутым здесь вопросам. Но и на этот счет мы лишены оптимизма: в СССР такая работа не может получить широкого распространения.

Поэтому мы адресуем ее в основном западному обществу (что, конечно, отразилось на содержании). Мы критикуем не столько внешнюю и внутреннюю политику советского правительства — критиковать ее бесполезно, можно лишь фиксировать имманентно присущие ей свойства, — сколько политику западных государств, активно стремящихся к сближению с Советским Союзом.

Главный аргумент этой политики — обеспечение безопасности, устранение угрозы войны. Мы, как и все нормальные люди, считаем эту цель благой и достойной усилий. Однако, по нашему мнению, избранный Западом путь не ведет к этой цели. Более того, нам кажется, что на этом пути, нисколько не уменьшающем военную опасность, Западу грозит постепенная утрата независимости, подчинение коммунистическому влиянию и, как следствие, ослабление перед лицом восточного блока, всегда готового воспользоваться слабостью «идеологического» противника.

Мы полагаем, что к реальному и длительному (а может быть, и «вечному») миру могло бы привести лишь изменение основных установок коммунистических правительств, действительное, а не формальное сближение Востока и Запада; но этого не произойдет без побуждений извне, а Запад упускает даже те небольшие возможности влияния на социалистический лагерь, какие предоставляются современной политической ситуацией.

Если западные сторонники разрядки напряженности

надеялись на сближение с Советским Союзом за счет переговоров, взаимных компромиссов и шагов друг другу навстречу, то даже короткое время после Совещания в Хельсинки должно было развеять эти надежды. Никаких принципиальных уступок, никакого сближения, кроме чисто формальных, подконтрольных визитов, политика компромиссов не дает. Если бы сложность взаимоотношений состояла лишь в разном толковании слов — эту сложность можно преодолеть. Но у коммунистического руководства слова вообще не наполнены реальным содержанием, а точнее — произвольно наполняются любым, исходя из требований момента. Например, у Ленина слово «демократия» обозначало разгон Учредительного собрания, введение цензуры печати, «красный террор» (в относительно еще небольших масштабах). «Демократия» у Сталина значила кровавую расправу с народом и с соратниками по партии. Сегодня советская демократия — это всеобщее обязательное подчинение правительственному диктату. Точно так же девальвированы слова «сотрудничество», «сосуществование» и т. п. Для того чтобы это понять и предвидеть последствия, не нужны испытательные сроки ни в два месяца, ни в два года. Невозможность *договориться* с коммунистическим правительством определяется самой сущностью *всегда правой, единственно верной* и поэтому *всегда диктаторской* системы.

Мы надеемся показать это, напомнив нашему читателю некоторые теоретические посылки ленинизма и их практическое применение в политике советского государства.

I

Период конфронтации ознаменовался созданием и противостоянием двух военных блоков: Варшавского и НАТО. Эра разрядки предполагает разоружение и роспуск этих блоков.

Но цели этих блоков совершенно различны. Блок НАТО — это добровольное объединение военных сил Запада против возможной агрессии с Востока. Задачи Варшавского блока иные: помимо нагнетания напряженности в Европе (в агрессию с Запада ведь никто не верит) он имеет чисто внутреннюю цель — удержать в повиновении Советскому Союзу страны, входящие в этот блок. За всю историю НАТО войска этой организации ни разу не применялись против какого-либо из ее членов за непослушание и неповиновение — пример Франции подтверждает это. Не висит угроза вторжения войск НАТО и в страну, где на выборах вдруг победили коммунисты.

Может ли кто-либо из членов Варшавского пакта позволить себе то, что сделала Франция? Или Турция?

Народы Восточной Европы сегодня подчиняются силе оружия или постоянной угрозе «оказания братской помощи», то есть вторжения (Германия — 1954 г., Венгрия —1956 г., Чехословакия —1968 г.).

На Западе на всех уровнях постоянно ведутся дискуссии по любому политическому вопросу, в том числе и о разоружении. То в парламенте депутаты ставят на голосование вопрос о сокращении военного бюджета, военного персонала, о выводе своих войск с чужих территорий; то организуются демонстрации с подобными требованиями; то газета, не спросясь, публикует секретные документы Пентагона. Действия правительства находятся под постоянным контролем общественности.

В СССР и его вассальных странах картина обратная: не государство контролируется обществом, а общество государством. Смешно даже подумать, что вопросы, касающиеся военной подготовки, могли бы обсуждаться на собраниях, в прессе или даже в Верховном Совете. Ну, скажем, вопрос о военном бюджете. Нам сообщают, что военный бюджет СССР на 1975 год составляет 17 миллиардов рублей. А в США — около 100 миллиардов долларов! И, утверждая этот бюджет, ни один наш депутат не воскликнул в панике: «Братцы, измена! Разоружаемся перед лицом мирового империализма!» Депутаты спокойны: сказано свыше, что военная мощь СССР эквивалентна военной мощи США. Каким образом — при почти шестикратной разнице бюджетов? Не нашего ума дело.

Из сказанного следует, что как существование НАТО и Варшавского пакта, так и их роспуск (или любые другие аспекты разоружения) для двух мировых систем — демократической и тоталитарной — имеют совершенно различное значение. Для Запада роспуск НАТО означает действительную ликвидацию этого военного союза с его особыми функциями. Для Восточной Европы роспуск Варшавского блока ровным счетом ничего не значит (кроме пропагандистского звона): контроль над зависимыми странами сохранится, тот же кулак, что и сегодня, будет маячить перед носом Западной Европы.

Миролюбивые декларации советских руководителей находят отклик у западного общества, хотя кое у кого и возникает сомнение в их искренности. Попытаемся оценить их с точки зрения теории и практики самих коммунистов.

Основатель советского государства В.И. Ленин так сформулировал отношение этого государства к вопросу о разоружении: «Политики, говорящие о разоружении и борьбе

масс за него, — либо политические глупцы, либо наивные люди». Ну, правильно: ведь массы — собственно, руководящая массами партия коммунистов — не могут же разоружаться, раз им предстоят бои с империализмом за победу коммунизма во всем мире. Именно такова была цель, на которую ориентировались большевики при Октябрьском перевороте. Однако очень скоро выяснилось, что «научное предвидение» (выражение самого Ленина) насчет незамедлительной мировой революции не оправдалось; и в работах Ленина появляются слова о мирном сосуществовании, о мире с капитализмом — их любят цитировать нынешние «верные ленинцы». Они при этом умалчивают, что принцип мирного сосуществования разумелся как временный, как один из видов тактики лавирования: «О необходимости готовить революционную войну — в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в соседних странах — говорила наша пресса всегда. Это бесспорно» (Т. 35. С. 343–344). А потом: «Пока мы слабее, мы должны лавировать, сталкивать и стравливать эти государства между собой. Но как только мы окрепнем и станем сильнее империализма, мы сразу же схватим его за шиворот»[8].

Говоря о мирном сосуществовании, Ленин всегда разъяснял: речь идет о передышке, необходимой Советской России для того, чтобы окрепнуть, чтобы «иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране» (Т. 35. С. 244).

Ленинский принцип мирного сосуществования ни в коем случае не отменяет цель коммунистов России — мировую революцию, революционную войну с партнером по мирному сосуществованию («Победить все империалистические державы, это, конечно, было бы самое приятное…»), а лишь отодвигает ее на время («…но мы довольно долго не в состоянии это сделать») (Т. 42. С. 105).

Нынешние советские лидеры, вероятно, знакомы с изложенными здесь принципами ленинской внешней политики не понаслышке. И вот они, с одной стороны, именуют себя верными ленинцами, до буквы следующими ленинизму, оспаривают это почетное звание у соседних коммунистов и друг у друга. С другой стороны, они пытаются уверить весь свет, все человечество, что ни о чем так не болеют душой, как о покое, о мире на вечные времена. Где-то здесь демагогия: либо советские лидеры упоминают имя Ленина всуе, либо насчет мира во всем мире высказываются ради пропаганды — как и учил их Ленин.

Те, кого называют сторонниками разрядки (если они не коммунисты), либо не знают и не хотят знать ленинского учения

о так называемом мирном сосуществовании, либо не принимают его всерьез. Иначе говоря, эти сторонники разрядки игнорируют партийную принадлежность, идеологию советского руководства. Сами же советские коммунисты пытаются сгладить противоречие между вечным учением и сегодняшней своей тактикой следующим образом: выражение «революционная война» заменяют выражением «идеологическая борьба», «борьба двух идеологий». Итак, с одной стороны, мы, верные заветам Ильича (первого), вели, ведем и будем вести непримиримую, бескомпромиссную войну, то бишь борьбу, с мировым империализмом; с другой стороны, в согласии с политикой Ильича (второго), война эта будет не атомной, а бескровной — то есть словесной, не насильственной, так надо понимать?

Скоро шестьдесят лет последовательно сменявшие друг друга вожди советского народа непрестанно ведут идеологическую борьбу внутри страны. Идеологическими противниками в разное время оказывались: классово чуждые «элементы» (дворяне и дети дворян, кулаки вместе с древними их предками и грудными детьми, священники, интеллигенты по мере их ненадобности и т. д.); члены других партий; коммунисты-оппозиционеры; просто коммунисты — члены их же партии; инженеры; биологи; военные; писатели; предшественники данного вождя; латыши; коминтерновцы; немцы Поволжья и вообще русские немцы; калмыки; евреи — почему-то преимущественно писатели и врачи; крымские татары; баптисты; иеговисты; буддисты; вообще верующие; националисты — украинские, литовские, армянские и другие; сионисты; христианские демократы; юные коммунары; просто так люди, с убеждениями и без оных. Словом, идеологический враг в нашей стране то и дело меняет лицо и свой количественный состав — от десятков миллионов до нескольких тысяч. Но никогда этот враг не дремлет: никогда не пустовали политические лагеря, никогда не бездействовали «идеологические» статьи Уголовного кодекса. Вот на этот аспект внутренней идеологической борьбы мы и хотим обратить внимание — на методы ее ведения. Значит так. Идеологический противник написал книжку. — Оппонент ему возразил: «Семь лет строгого режима». Рассказал анекдот. — «Десять лет без права переписки». Изучал работу Ленина «Государство и революция». — «Расстрелять».

Цель идеологической борьбы, проводимой партийно-советским руководством внутри страны, — достижение абсолютного единодушия, то есть абсолютного подчинения граждан правящей верхушке. Подчинения не только действий, но и сознания и воли; всех, до единого человека. Нет, это не борьба

за насаждение коммунистической идеологии — это борьба за прочность своего места у кормила, за власть (впрочем, может быть, в этом единственно и состоит коммунистическая идеология). Достичь этой цели можно только одним способом — насилием.

Ну а как обстоит дело с идеологической борьбой советских коммунистов против зарубежных оппонентов? Кто они, эти оппоненты, и каковы в этом случае методы дискуссий?

Самые опасные идеологические противники советских коммунистов, оказывается, не империалисты Запада, а коммунисты Востока. Даже в период самой острой конфронтации с Западом советская пресса не обрушивалась на него с такой яростью, не обливала его такой грязью, такой почти нецензурной бранью, как Китай, Албанию, Чехословакию 1968-го. Кем только не был Иосип Броз Тито за недолгую историю взаимоотношений СССР с Югославией! — И верным учеником и соратником, и бандитом и наймитом, и снова — героем, вождем братского народа…

В социалистическом лагере господствует тот же принцип сосуществования, что и внутри СССР: жесткое требование абсолютного единодушия под диктатом Старшего Брата. И те же методы установления единодушия: «кареты скорой братской помощи» — танки.

Могут возразить, что реальность не всегда соответствует представленной схеме: несмотря на диктаторские устремления КПСС, живет и здравствует независимая Югославия. Румыния и Албания не оккупированы подобно Чехословакии, да и с Китаем идет все же в основном словесная, то есть «идеологическая», война. Можно и еще дополнить: в Советском Союзе сегодня не все инакомыслящие сидят за решеткой — нескольких выкинули вон из страны, одного шельмуют в печати, только и всего.

Но дело в том, что Китай огромен и силен, даже и не уравнявшись еще в ядерном потенциале с СССР. Чаушеску в 1968 году заявил, что попросит военной помощи с Запада, если братские войска нарушат границу Румынии. Тито предупредил, что начнет партизанскую войну. Солженицын — всемирно известный писатель, Нобелевский лауреат, его втихаря не изведешь. Сахарова, создателя советской водородной бомбы, «законно» в психушку не упрячешь и т. д. То есть не право, не миролюбие, не гуманность, не этические принципы руководят внешней и внутренней политикой СССР. КПСС считается только с силой[9].

Сегодня эра «мирного сосуществования», эра идеологической борьбы (взамен холодной войны) угрожает уже не только

гражданам СССР, не только братским странам, но всему миру. Сторонники так называемой разрядки, садясь за стол переговоров с СССР, не задумываются о том, что имеют дело не с обычным партнером, и не верят, что диктат СССР сможет распространиться на независимые государства Запада.

Заметим, что, например, Чехословакия до 1948 года тоже могла считать себя почти независимой, но тесный союз с СССР довел ее до нынешнего состояния. Чехословакию, Венгрию, ГДР мы приводим к повиновению силой оружия. А Франции, Англии или ФРГ пока что это не грозит. Пока что СССР пытается — и иногда небезуспешно — навязать им свою волю другими способами. От внешней политики независимых государств до судеб отдельных их граждан — в этом широком диапазоне пытается Советский Союз добиться своего влияния (подробнее об этом будет сказано ниже), и нынешняя политика разрядки безусловно усиливает влияние СССР на страны мира. В нынешнем угаре разрядки демократические страны Запада наперебой заключают политические и экономические соглашения, соперничают друг с другом в экономическом и культурном сотрудничестве с Советским Союзом. Политика разрядки не объединяет, а разобщает западный мир, помогает Советскому Союзу добиваться — во имя разрядки — политических уступок и компромиссов со стороны Запада.

Киссинджер, наиболее полно и последовательно выражающий позицию западных сторонников разрядки, говорит: поскольку альтернатива разрядке — атомная война, выбора нет; что касается этических принципов и международных норм, мы от них не отказываемся, мы будем провозглашать их на всех международных форумах и протестовать против их нарушения (то есть оставим для словесности, а не для политических действий).

Формула «альтернатива разрядке — война» предполагает агрессивные настроения партнера, во всяком случае его готовность развязать войну по любому спорному поводу. Если так — когда и какого агрессора удержали от войны договоры и переговоры? Уж сколько нянчился весь мир с Гитлером, Чехословакию ему скормили; куда уж большая «разрядка» — СССР с Германией Польшу поделили на взаимовыгодных условиях, эшелоны с хлебом шли из России в Германию еще в июне 1941 года. Молотов фотографировался в обнимку с Риббентропом, чуть не накануне войны провозглашал: «Единая и сильная Германия — оплот мира и безопасности в Европе». Но Гитлер наплевал на все договоры и соглашения.

Можно, конечно, избежать войны, даже имея дело с агрессором: сдаться ему без боя, уступив свои позиции сразу или

постепенно, шаг за шагом. Политика разрядки в теперешнем ее виде ведет по этому пути.

Пока сохраняется агрессивная, стремящаяся к доминированию в мире идеология — не коммунизма, но коммунистов, пока СССР настаивает на своей идеологической непримиримости, так называемая разрядка и мирное сосуществование останутся лишь фразами в пропагандистском арсенале. «Идеология», которая держится насилием, вызывала и будет вызывать локальные военные конфликты типа войны во Вьетнаме — а на очереди еще Корея и, несмотря ни на какие соглашения в Хельсинки, пожалуй, и Германия. Невмешательство Запада (то есть США, конечно, о других и речи нет) обеспечивает победу коммунистической диктатуры в таких войнах. Ведь СССР не стесняется оказать «помощь»: финансовую, вооружением, военными консультантами и специалистами. Итог — расширение (или насильственное сохранение) сферы влияния СССР. Вмешательство же США (при любом исходе конфликта такого рода) ослабляет их позиции, если не в отношении сфер влияния, то вследствие расшатывания собственной политической системы: в самой стране неизбежно антивоенное движение, рост оппозиционных настроений. — Ничто подобное не грозит советской политической системе, где оппозиционные настроения подавляются чуть ли не до их возникновения.

Нет, альтернатива войне — не разрядка по-московски, а последовательное противостояние коммунистическому диктату во всех точках земного шара. Такая позиция не исключает переговоров о взаимной безопасности. И все же, нам кажется, реальное равновесие сил может быть достигнуто не соглашением (когда партнер, как провинциальный купец, норовит тебя надуть, обмерить и обвесить), а независимой оценкой ситуации. Политическое же равновесие может быть обеспечено лишь единением США и Западной Европы, общим их отпором «идеологическому» наступлению коммунистов и их союзников. Чем тратить напрасные усилия на достижение бумажных политических компромиссов со стороны СССР, надежнее было бы Западной Европе и США приложить те же усилия для достижения согласованности друг с другом.

Политика противостояния не принесла бы сегодня ее сторонникам лавров миротворцев (но как быстро вянут эти лавры!). Зато она оградила бы политических деятелей от позорной славы Чемберлена и Даладье — мюнхенских миротворцев. Такая политика сняла бы и с народов Запада ответственность за соучастие в преступлениях против мира и против людей.

Настоящая, а не фальшивая разрядка напряженности может быть достигнута лишь при условии сосуществования идеологий, при условии идеологического мира взамен войны. *Это единственная действительная альтернатива войне.*

II

К настоящему моменту наивысшей точкой уровня шума вокруг разрядки напряженности стало Совещание глав правительств в Хельсинки, Заключительный акт этого Совещания. В центре Заключительного акта — декларация о неприкосновенности границ государств, о неприменении силы или угрозы силой, о невмешательстве во внутренние дела друг друга.

Отныне «государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга. <…> Они будут воздерживаться от любых действий… против территориальной целостности… или единства любого государства-участника».

До разгрома фашистской Германии военное вмешательство в политическую карту Европы, насколько мы знаем, осуществляли лишь две страны: Германия и СССР. В результате такой политики Германия как территориальная целостность перестала существовать. Зато СССР завоевал кусок Финляндии; без боя, за счет сговора с Гитлером, отхватил от Польши Западную Украину и Западную Белоруссию, от Румынии — Бессарабию; «мирным путем», то есть путем свержения буржуазных правительств и ввода советских войск, заполучил прибалтийские страны — Литву, Латвию, Эстонию (а потом еще несколько лет отвоевывал эти территории у их народов). Ныне, загородившись полосой «братских стран», СССР не имеет непосредственных территориальных претензий к Европе.

Сегодняшние границы на европейском континенте окончательно проведены Второй мировой войной. Мы не беремся судить, насколько исторически оправданно и справедливо это было сделано, но нам не приходилось слышать, чтобы государства Европы посягали на территории друг друга, пытались бы изменить границы военным путем (Кипр — единственное исключение, но конфликт в конце концов решается мирно).

Если все границы в Европе сейчас стабильны, то разделение Германии было до сих пор намечено пунктиром. Тридцать лет — слишком небольшой исторический срок для того, чтобы произвольно проведенная поперек единой страны линия воспринималась бы ее гражданами как граница между двумя

государствами. Однако Декларация в Хельсинки никак не оговаривает ситуацию с Германией, и, значит, пунктир превращен в жирную черту, узаконившую существование двух Германий — то есть нарушение территориальной целостности и единства европейского государства. Два правительства — значит, две страны (да к тому же еще особый статус Берлина!) — к чему это может привести? Неужели Запад надеется, что в результате мирных переговоров, длись они хоть сто лет, Советский Союз согласится на объединение ФРГ и ГДР в действительно суверенное, не зависящее от СССР государство? Ну уж нет. Либо немцам придется привыкнуть к разделу, к «неприкосновенной границе»[10] и в конце концов образовать две нации, либо, что вероятнее, при удобной ситуации объединение произойдет так, как это желательно для СССР, то есть по вьетнамскому варианту (в лучшем случае — путем «мирной» капитуляции Запада в этом вопросе).

Положение с Германией чревато войной в Европе, и никакие Декларации 1975 года эту опасность ничуть не уменьшили.

Президент Форд перед поездкой в Хельсинки заверил американцев, что США не признают законности присоединения прибалтийских стран к СССР. Но при условии уважения имеющейся сегодня территориальной целостности СССР — в какой форме может реализоваться эта позиция США? В самих Литве, Латвии, Эстонии — кто пытался добиваться их независимости, тех уже косточки сгнили по Воркутам и Норильскам. А кто сегодня всего только заявляет свою позицию, идентичную позиции США и лично Форда, для тех находится место в пермских лагерях. Немало литовцев рассеяно — кто в Сибири и за полярным кругом, кто в эмиграции (то же и другие прибалты). Прибалтика постепенно заселяется русскими. Случись снова народное движение — снова повторилось бы кровавое избиение этих народов при таком же невмешательстве Запада (плюс его контакты с СССР во всех областях на основе взаимного уважения).

Вообще, что касается принципов равноправия народов, их права распоряжаться своей судьбой, невмешательства во внутренние дела стран-участниц, то не только подписание Декларации этих принципов совместно с Советским Союзом, но даже само их обсуждение с ним выглядит пародийно, превращает Совещание в Хельсинки в шутовскую комедию. Не семь столетий, а всего лишь семь лет прошло со дня оккупации Чехословакии. Живы родители и друзья Яна Палаха; в эмиграции, в тюрьме или, в лучшем случае, не у дел — бывшие сторонники Пражской весны. Не реабилитированы семеро московских демонстрантов,

выступивших в 1968 году в защиту того самого принципа, под которым сегодня поставили подписи Брежнев, Гусак и Форд. Понятно: невозможно сегодня вернуться к августу 1968 года, поставить на прежнее место Дубчека, возвратить Чехословакии хотя бы тот уровень «суверенности», какого она достигла к моменту вторжения. Но хотя бы (в качестве гарантии провозглашенного принципа) только добивались — ну, скажем, полной реабилитации политических и общественных деятелей Пражской весны, возвращения им в своей стране доброго имени, чести, работы, наконец… Скажут: самый текст Декларации, сама детализация принципа невмешательства *содержит в подтексте* осуждение вторжения 1968 года. Хорошо, пусть недавнее прошлое будет уроком, который «держат в уме». Ну, а если повторилась бы теперь, после Совещания, ситуация 1968 года — уважаемые дипломаты Запада, вы полагаете, вместо танков Брежнев послал бы в Прагу (Варшаву, Будапешт и т. д.) корпус туристов-пропагандистов? Вы *действительно* думаете, что вторжение не повторилось бы? Если так, то наивнее вас нет людей на всем земном шаре.

Если же Запад не столь непростительно наивен, чтобы надеяться на это, то тогда, значит, для Запада, как и для Москвы, вся эта шумиха вокруг Совещания, Декларации и вообще разрядки имеет чисто пропагандистское значение, провозглашенный же принцип невмешательства — это именно обещание Запада не вмешиваться и впредь в «спор славян между собой».

При этом Запад, вероятно, надеется, что ситуация 1968 года не повторится, то есть что ни одна восточноевропейская страна не взбунтуется даже в таких умеренных формах, как ЧССР. Тогда принципы Декларации не подвергнутся испытанию на прочность и мероприятия разрядки не будут дискредитированы в глазах общества, как дискредитирована деятельность Организации Объединенных Наций.

Мы не призываем Запад ни к повседневному, ни к эпизодическому вмешательству в дела Восточной Европы. С 1945 года она предоставлена своей судьбе. Вмешательство осуществляется постоянно, повседневно, во всех сферах жизни «суверенных» Чехословакии, Польши, Венгрии, ГДР, Болгарии. Оно осуществляется Советским Союзом через полностью зависимые правительства этих стран. Теперь же эта судьба может стать еще горше из-за того, что Запад рьяно участвует вместе с Москвой в переименовании понятий: «вассальный» называет «суверенным», «угнетение» — «свободой», «вмешательство» — «невмешательством».

Советский Союз, в соответствии со своей марксистско-ленинской идеологией, не просто переименовывает понятия, но трактует их диалектически. Согласно его диалектике, принцип невмешательства, как пьезокристалл, обладает в разных направлениях совершенно различными свойствами. Вот что считается не только вмешательством Запада во внутренние дела СССР, но и подрывной деятельностью: листовки в защиту политзаключенных; западные радиопередачи на русском языке[11]; «Вестник РСХД»; книга Конквеста «Большой террор»; книга Реддуэя «Подпольная Россия» — тем более; «Башня стражи» (журнал свидетелей Иеговы); даже Библию почтовая таможня СССР не пропускает в страну. Задача для первоклассников: что будет с иностранным туристом, привезшим в СССР для Рабиновича десять учебников иврита (мы уже не спрашиваем, что будет с самим Рабиновичем)? Чем подобное просветительство кончится для иностранного журналиста? Для дипломата? Ответ, как в школьном задачнике, однозначен: за подрывную деятельность вышлют из страны.

А вот принцип невмешательства в обратном направлении, с Востока на Запад. Начнем с широко известного исторического эпизода.

1918 год — первый год советской власти. 4 ноября на вокзале в Берлине разбился ящик советской диппочты — он был наполнен листовками на немецком языке, отпечатанными в Москве и предназначенными для передачи немецким коммунистам. Листовки призывали к революции в Германии. Советская Россия и Германия были в то время связаны Брестским договором, один из пунктов которого содержал взаимное обязательство сторон не вести враждебную пропаганду и не поддерживать антиправительственные силы внутри страны. Мы не знаем, как реагировала советская власть на ноту протеста Германии. Зато известно, что Ленин очень веселился: «Германское правительство будто раньше не знало, что наше посольство вносит революционную заразу…» (Т. 37. С. 173). По мере того как «научное предвидение» Ленина относительно близкой мировой революции отодвигалось на неопределенный срок, революционная деятельность СССР в чужих странах все менее афишировалась и одновременно все более превращалась в инспирацию беспорядков и заговоров, теряя характер помощи братьям по партии. В 1918 году — листовки в диппочте, в последующие годы — деятельность агентов Коминтерна.

Ныне проблема снабжения компартий революционной литературой, как и проблема засылки агентов из Москвы, для Запада неактуальна. Вполне легально западные компартии

печатают и распространяют свои газеты, самую разнообразную пропагандистскую и агитационную литературу (вот только нет уверенности, что финансовая основа этой пропаганды — исключительно членские взносы). Члены ЦК зарубежных компартий приезжают в СССР — на съезд ли, на отдых, для обмена опытом, для выработки единой тактики[12]. Это все никто — ни Запад, ни СССР — не считает вмешательством во внутренние дела ни в период «холодной войны», ни в эпоху разрядки. Весь мир, включая американскую общественность, кричал о вмешательстве США во вьетнамские дела. Правительство США под давлением собственной общественности должно было прекратить свою необъявленную войну (и в итоге Южный Вьетнам завоеван Северным с помощью советского оружия).

Палата представителей Конгресса США, вопреки пожеланиям президента, во вред военным интересам своей страны, продолжила эмбарго на поставки вооружения Турции, союзнице США по НАТО. Так расценила американская общественность роль Турции в кипрском конфликте, и таковы последствия общественного мнения в США. Но вооружение Северного Вьетнама против Южного Советский Союз не считает «вмешательством», и, кажется, никто во всем мире не обвинил СССР во вмешательстве во внутренние дела Ирака, хотя курдов там выслеживали советские станции слежения, расстреливали ракеты советского производства. Против этого выступил только А.Д. Сахаров, которого советская пресса именует «противником разрядки», «сторонником холодной войны». Надо помнить, что в Советском Союзе голос А.Д. Сахарова слышен на такое же расстояние, на какое был слышен человеческий голос до изобретения радио и книгопечатания: его аудитория сужена до размеров жилой комнаты…

Можно ли, имея перед глазами такое сопоставление, говорить о равных возможностях, о равенстве партнеров перед провозглашенными «Принципами взаимоотношений»?

Заключим второй раздел исторической параллелью (просим прощения у читателя за банальность сравнения, но обойти его невозможно). Вместо собственного пересказа событий приведем несколько больших отрывков из книги А.И. Полторака «Нюрнбергский эпилог» (М., 1965).

«Когда возник вопрос, направляло ли германское министерство иностранных дел деятельность чехословацких нацистов генлейновцев, он (Риббентроп) стал категорически отрицать это, осторожно посматривая на обвинителя <…>. Но обвинитель спокойно вынул какой-то документ и передал

Риббентропу. То была секретная директива германского посла в Праге, из которой с полной очевидностью явствует, что от имперского министра иностранных дел шли прямые директивы генлейновцам, как вести подрывную работу против пражского правительства… для дальнейшей совместной работы Конраду Генлейну было дано указание поддерживать по возможности тесный контакт с господином рейхсминистром» (С. 279–280).

«Вечером 14 марта Риббентроп пригласил в Берлин президента Чехословакии Гаху и министра иностранных дел Хвалковского. Лишь после полуночи (в 1 час 15 минут 15 марта) их провели в имперскую канцелярию. Там они были встречены Гитлером и Риббентропом. <…> Нацистские заправилы были безжалостны. Они буквально терроризировали президента и министра иностранных дел суверенного государства: бегали за ними вокруг стола, совали им ручки и угрожали, что если Гаха и Хвалковский не подпишут предложенный им текст, то Прага завтра же будет в развалинах.

В 4 часа 30 минут утра Гаха, поддерживаемый только впрыскиваниями, решился наконец поставить свою подпись под документом, гласившим: „Президент Чехословацкого государства вручает с полным доверием судьбу чешского народа и чешской страны в руки фюрера Германской империи”. <…> Советский обвинитель обратился к Риббентропу с завершающим вопросом:

— Согласны ли вы со мной, что этого документа вам удалось добиться при помощи самого недопустимого давления и под угрозой агрессии? <…>

Какой же еще больший дипломатический нажим можно было оказать на главу суверенного государства? <…>

— Например, война» (ответ Риббентропа)» (С. 281–283).

«Ни в чем другом нюрнбергские подсудимые не были так едины, как в том, что Гитлер не силой завоевал Чехословакию, а получил ее в дар от Лондона и Парижа» (С. 273).

«Смертный приговор независимости Австрии был приведен в исполнение при полной поддержке Лондона. <…> Даже когда в Лондон поступило сообщение о вступлении войск в Вену, английские лидеры продолжали беседы с немецким послом „в чрезвычайно дружеских тонах”. Настолько дружеских, что Риббентроп пригласил британского министра иностранных дел посетить Германию. И тот принял это приглашение» (С. 272–273).

«Пока германский генеральный штаб разрабатывал план нападения на ту или иную страну, министерство иностранных дел должно было убаюкивать общественное мнение широковещательными заявлениями об уважении Германией суверенитета и территориальной неприкосновенности этой

страны» (С. 283).

Мы не предлагаем читателю вместо «Гаха и Хвалковский» подставить «Дубчек и Свобода», заменить «пригласили» на «привезли» и т. п. Мы просто напоминаем, что сценарий с уважением суверенитета, территориальной неприкосновенностью, невмешательством во внутренние дела уже был поставлен и роли распределялись подобно нынешним.

III

Нынешняя «разрядка напряженности» характеризуется стремлением решить взаимосвязанные проблемы в комплексе. Кроме проблемы безопасности (в которой, каждая по-своему, заинтересованы обе стороны), в программу разрядки входят экономические и прочие контакты между двумя мировыми системами. Считается, что контакты: а) обеспечивают «мирное сосуществование»; б) взаимовыгодны; в) дают возможность людям и народам лучше понять друг друга.

Как бы отлично ни узнали некоторые рядовые советские граждане Запад — не от них зависит военная или экономическая политика, не от них зависит даже та информация о Западе, которая получит распространение в нашей стране. Речь идет даже не о туристах, а о журналистах, писателях — людях, которые должны были бы формировать общественное мнение. Сколько наших писателей ездили в Китай, как размалевывали сусальным золотом и народ, и его руководителей, и достижения! А потом, чуть не в один день, по команде «поворот все вдруг» стало все наоборот. Путешествовал писатель Виктор Некрасов по Америке и по Италии; его впечатления оказались несозвучными линии партии в тот момент — плохо это обернулось для Некрасова (так это еще в те времена, когда жив был «Новый мир», а теперь и до публикации несозвучных впечатлений дело не дойдет). А что увидят и узнают в СССР западные визитеры? — Парадный фасад. Посетила Фонда первомайский парад в Москве — эта театральная постановка перевернула ей душу, с тех пор Фонда считает себя знатоком прекрасной советской страны. Да не ей чета — Леон Фейхтвангер в 1937 году (!) умилялся энтузиазму счастливых московских граждан (сколько из них ночами ждали неурочного стука в дверь?). Со Сталиным беседовал, на одном из знаменитых процессов присутствовал — много он узнал и понял? А Орвеллу и Кестлеру и «железный занавес» не помешал узнать и понять сталинскую Россию. Чтобы понимать друг друга, надо *хотеть понимать*. А не *хотеть торговать*. Для понимания Советского

Союза больше всяких контактов Западу дало бы чтение советской публицистики и периодики — включая самиздатскую «Хронику», самиздатскую публицистику.

Насколько можно судить по скудной информации, на Западе есть и сторонники, и противники экономических и прочих связей с социалистическими странами. Возможно, что и внутри советского правительства имеются разногласия на этот счет. В целом в линии советского правительства ощущается двойственное отношение к контактам с Западом: как говорится, и хочется и колется. В экономике, в технике сотрудничество с Западом Советскому Союзу не просто желательно — необходимо. Это золотая мечта социалистической системы хозяйства с самого ее возникновения. Пусть этот, загнивающий на корню, эксплуататорский, стоящий одной ногой в могиле (куда мы его и столкнем со временем) капитализм поможет нам вытянуть нашу экономику — разрушенную империалистической и гражданской войной; подрываемую вредителями-инженерами, наемниками проклятого капитала; понесшую неисчислимый урон в войне с Гитлером; не преодолевшую вековой отсталости по вине царизма; сожженную засухой; затопленную проливными дождями и вообще непрерывно преследуемую судьбой… По странной случайности, вместе с СССР на краю экономической пропасти оказывается любая страна, присоединяющаяся к мировой системе социализма, — будь то экономически развитая, не обремененная злокачественным наследием царизма Чехословакия или климатически благополучная, не пострадавшая от Второй мировой войны Куба. Социализм непрерывно достигает невиданных успехов, выполняет пятилетку в четыре года, без потерь убирает небывалый урожай, там и сям затевает стройки века и при этом руководствуется самым передовым и единственно верным марксистско-ленинским учением. А в это время капитализм потрясают кризисы, съедает стихия неуправляемого рынка, настигают все более глубокие экономические спады, разлагают национально-освободительные движения, день ото дня крепнущие классовые бои, раздирает борьба партий, и нет у него компаса в развитии — и все он не рухнет, проклятый! Черт ему ворожит! Так вот пусть этот вымирающий капитализм дает нам машины, заводы, хлеб, вообще построит нам материально-техническую базу коммунизма. Мы расплатимся — золотом за хлеб (до революции — хлебом платили), нефтью (если нам построят нефтеперерабатывающие заводы), газом (если дадут трубы), лесом (было бы чем вывозить его), да мало ли у нас добра, земля наша велика и обильна. Итак, СССР крайне заинтересован в экономическом содействии Запада. Кроме

экономической необходимости тут, возможно, есть и военный расчет. Связав себя с СССР множеством связей, Запад, если и не будет ему союзником, то во всяком случае сохранит сочувственный нейтралитет в будущей войне Советского Союза с Китаем.

Возможности торгово-экономических отношений с СССР (и со всем соцлагерем) привлекают многих деятелей Запада: соцлагерь — громадный, далекий от насыщения рынок — может стать стимулом для оживления хозяйства, и непрактично пренебречь этим в период спада. Соображение, на наш взгляд, недальновидное, не учитывающее важных особенностей советской экономики: ее хаотичности и безалаберности, произвольного характера ценообразования и зарплаты — и поэтому повышенной конкурентоспособности, и т. д.

Но мы не беремся здесь обсуждать экономические выгоды или невыгоды сотрудничества с СССР для Запада. Нас интересуют другие аспекты контактов, и не только экономических.

Программа разрядки предусматривает контакты Востока и Запада в области науки, культуры, контакты между людьми, обмен идеями и информацией. Обещания обмениваться идеями и информацией буквально вырваны Западом у советского правительства — и к этим обещаниям сводятся почти все «уступки» со стороны социалистического лагеря.

Обмен идеями подразумевает, что мы должны допустить у себя свободное функционирование разнообразной немарксистской идеологии, согласиться на конкуренцию в этой области, но для того, чтобы в идеологической борьбе победила «самая передовая», «самая научная» коммунистическая идеология — победила хотя бы в собственных вотчинах, — необходимо, чтобы она была единственной. Лучше всего было бы, чтобы даже идеи естественных наук не пересекали границу, а только бы их практические результаты; ведь неизвестно, к какому нестандартному мышлению могут привести бредни этих физиков-механиков. Но говорят, что без развития науки не построишь бомбу и не полетишь в космос. Так вот поневоле пришлось снять запрет с теории относительности, кибернетики, генетики — этих «буржуазных лженаук», «мракобесных идеалистических теорий» (заодно пришлось выпустить из лагерей физиков и генетиков — тех, какие уцелели). Но уж если с наукой ничего не поделаешь и приходится согласиться, чтобы там у них было дважды два четыре, то в области идеологии дважды два должно быть ровно столько, сколько приказывает сегодняшнее начальство. Сама эта идея — «дважды два — сколько прикажет ЦК» — не экспортируется, зато можно экспортировать метод ее получения;

но этот экспорт достигается не гуманитарными контактами.

Еще более нежелателен для Советского Союза обмен информацией, «широкое распространение всех форм информации» («Заключительный акт»). Леонид Ильич Брежнев, во избежание недоразумений, высказал на Совещании в Хельсинки свое отношение к этому делу: «Не секрет, что средства информации могут служить целям мира и доверия, а могут разносить по свету отраву розни между странами и народами», — умолчав при этом, кто будет определять кондиционность информации и по каким критериям; и каковы будут последствия — для информации, не подошедшей под мерку, и для информаторов. Впрочем, последствия советские люди легко могут рассчитать: Валентин Мороз («Репортаж из заповедника имени Берия») — 6 лет тюрьмы плюс 3 года лагеря плюс 5 лет ссылки; Владимир Буковский (информация о психбольницах) — 7 лет заключения плюс 5 лет ссылки; Габриэль Суперфин (обвинялся в передаче «Дневников» Э. Кузнецова и в участии в «Хронике») — 5 лет заключения плюс 2 года ссылки и т. д. Это — информация с Востока на Запад. Рогатки на обратном направлении носят менее личностный характер: таможенные запреты, радиоглушилки, дипломатические представления и соглашения, опирающиеся на… разрядку. Не может же, на самом деле, советская власть допустить, чтобы ее подданные узнали о закупках зерна в Америке (пусть верят, что русский Иван весь мир кормит, — и верят!) — эта информация «разносит по свету отраву розни»… Так было — так будет, какие бы обещания ни давал на этот счет очередной наш вождь.

Еще легче, чем отбор и контроль идей и информации, осуществлять отбор и контроль людей. Ничего нет проще, чем отказать в выездной визе даже крупному советскому ученому (артисту, писателю) с сомнительной «идеологической» репутацией, — вместо него на международную конференцию поедет «искусствовед в штатском». С Запада к нам — милости просим «всех людей с открытым сердцем, с добрыми и чистыми намерениями, соблюдающих законы, традиции и обычаи дома, в котором они гостят» (выступление Тодора Живкова на Совещании в Хельсинки). Если вы не уважаете нашу традицию держать инакомыслящих в сумасшедшем доме, наш национальный обычай сажать в тюрьму критиков режима, наш закон о цензуре литературы, тогда, будь вы хоть Нобелевский лауреат, стремящийся на неофициальный научный симпозиум, хоть известный психиатр, движимый профессиональным долгом, — вы нежеланный визитер. Приезжайте к нам посетить Большой театр, осмотреть новый Ташкент, поразиться экзотике модернового

Академгородка в тайге, оставить свои избыточные доллары в магазине «Березка». Докладывайте на конференциях, выступайте на семинарах, проводите беседы — в предложенных вам официальных рамках; если вы вздумаете сунуться не туда, сказать не то — в лучшем случае вас (как сенатора Кеннеди на студенческом собрании в МГУ) объявят внезапно заболевшим.

Самое выдающееся и самое перспективное достижение советской политики контактов состоит во внедрении самоконтроля и самоцензуры в поведение западных деятелей культуры и науки, а тем более западных журналистов и политиков. Андрей Амальрик выразительно рассказал о советизации журналистов свободного Запада («Иностранные корреспонденты в Москве»). В большей или меньшей степени то же самое происходит почти с каждым, кто вступает в контакт с советской идеологической системой, — будь то человек, сообщество, государство. Стремление к контактам постепенно начинает диктовать вам линию поведения, причем не только в момент контакта, но заранее, авансом. Если вы хотите получить въездную визу — заранее побеспокойтесь о чистоте своей репутации. И юный аспирант *не публикует* у себя дома свою магистерскую диссертацию, косвенно касающуюся теневых сторон Советского Союза, — он рассчитывает учиться в Москве по соглашению об обмене в области образования. Известный писатель *воздерживается* от резких высказываний в связи с вторжением в Чехословакию ради возможности приезжать в СССР[13].

Финские издательства *не публикуют* «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына; эта книга *снимается с продажи* в помещении ООН. Президент США *отказывается принять гостя страны,* Нобелевского лауреата Солженицына, — как бы не обидеть советское правительство[14]. Чем не советское поведение, чем не советская психология? Ну, а если завтра СССР выскажет категорическое неудовольствие сенатором Джексоном, профсоюзным лидером Мини — не постигнет ли их, при развитии разрядки в том же направлении, участь Сахарова или Солженицына? Сегодня это предположение кажется чудовищной гиперболой. Но вспомним:

Несколько лет назад западные радиопередачи на русском языке («Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна») содержали обширную информацию о советских диссидентах, о произведениях самиздата, подробные материалы из «Хроники текущих событий». Вряд ли западный гражданин в состоянии понять, что значат — значили — западные радиопередачи на русском языке для глухонемой России. Главное, чем могла

держаться духовная оппозиция, — гласность — была отнята у нас Лениным в 1918 году. После этого правительству оказалось легко полстраны задушить, другую половину согнуть в дугу; кляп во рту жертвы даже надежнее, чем пистолет в руках насильника. Ситуация переменилась в 60-х годах, и, вероятно, без радио с Запада перемены не были бы такими значительными[15].

Не претендуя ни на непогрешимость оценки, ни на ее полноту, попытаемся определить роль западного радио на русском языке за последнее десятилетие.

1. Информация из СССР в СССР через радио с Запада помогла нашей стране осознать саму себя — вернее, начать осознавать; она создала (начала создавать) невидимое, неосязаемое, не введенное ни в какие рамки духовное единство тех, кого Запад называет инакомыслящими, а Татьяна Ходорович справедливо назвала просто мыслящими гражданами страны.

2. О поддержке инакомыслящих Западом мы тоже узнаем только по радио, а как еще? Только радиоволны материализуют для нас единство добромыслящих людей вне государственных границ (не это ли цель настоящей, не фальшивой «разрядки напряженности»? Не это ли путь к мирному развитию?).

3. Неискаженная, да хотя бы дополняющая советскую, информация о мире помогает нам понять и мир, и роль нашего государства в нем (увы, непривлекательную), и свою личную гражданскую ответственность.

Но, правду сказать, натренированный советский читатель (из категории мыслящих) даже из советских газет ухитряется извлечь информацию, более или менее соответствующую истине: там сопоставит, там уловит пропуск… Поэтому наиболее ценными для России функциями западного радио мы считаем первые две: «мы сами о себе» и «Запад о нас».

В последние года два у западного радио появилась возможность (очень мало используемая) давать интересную для нас информацию нового рода. На Западе сейчас немало советских эмигрантов, и еще едут; среди них — такие, кто продолжает жить интересами родины. В Европе издается журнал «Континент», в США — «Хроника»; эмигранты и выступают, и публикуют свои работы. Нам, их соотечественникам, интересна их духовная жизнь, ведь они — это мы. Итак, тема «мы сами о себе» дифференцируется: «мы здесь» и «мы там, на Западе». И появляется новая тема «мы о Западе» — очень важная; это способ для нас увидеть Запад пусть не собственными, но «своими» глазами, путь к его пониманию.

Включим же скорее приемники, настроимся на волну «Голоса Америки».

«Положение в Португалии» — послушаем; впрочем, в основном все понятно и по «Известиям» или «Правде».

«Американская печать о советских закупках зерна в Америке» — в нашей печати об этом ни звука; зато по «Голосу» изо дня в день, вот уже больше месяца; может, сегодня будет что-то новое? — Нет, все то же.

«Гроссмейстеру Спасскому советские власти запрещают жениться на француженке…» — что же предпринимает Спасский? Что он говорит в своем заявлении? Как реагируют его западные коллеги? «Голос Америки» сообщает об этом не больше, чем «Маяк».

«Киссинджер возвратился с Ближнего Востока…» — слышим об этом в пятый раз, итоги поездки уже известны.

«Советские власти потребовали, чтобы Андрей Амальрик покинул Москву». Что же те западные историки, которые так бурно вступились за него пять лет и два года назад? Или вымерли все за короткий срок? Совершают турне по маршруту Москва — Ташкент — Тбилиси, пока их коллегу вышвыривают пинком под зад из Москвы — от жены, из квартиры? Или же они вновь шлют петиции Брежневу и Подгорному, в Совет министров и в Академию наук СССР? — тогда у Амальрика есть шанс получить свою законную прописку. Но мы ничего не узнаем о реакции западных коллег Амальрика, так как «Голос» переходит к следующему сообщению:

«На приеме космонавтов и астронавтов Брежнев был в прекрасном настроении, много шутил…» — тьфу! Да хоть на руках он ходи, вот уж ни одна душа в СССР этим не затронута, разве что какой-нибудь брежневский Поскребышев.

«Банк такого-то штата заказал своим служащим однотипные галстуки…» — какого черта?! С досадой выключаем приемники. Вышел ли новый номер «Континента» и что в нем? Продолжается ли самиздатская «Хроника»? Не собрались ли наконец западные биологи вступиться за советского коллегу Сергея Ковалева? Но Брежнев расценил бы такую информацию как «отраву розни между странами и народами», и «Голос Америки» переменил свой тембр. В меньшей степени, но тоже в сторону бархатистости переменились голоса Би-би-си и «Немецкой волны».

Итак, Запад принял ограничение функций средств информации как осознанную необходимость. Оказывается, для того чтобы сделать радио советским, по нынешним временам излишне занимать войсками радиоцентры и водружать на них красный флаг.

Нам бы не хотелось, чтобы сказанное было понято как *требование,* как *претензия* к Западу: мол, помогите нам, решите

за нас *наши* проблемы. *Обязанность* эта на нас самих, гражданах своей страны. Но: 1) те, кто мотивирует политику разрядки в нынешнем ее виде заботой о смягчении нравов в СССР, должны лучше представлять себе нашу «либерализацию» и соразмерять плату за нее с ее истинной стоимостью; 2) даже чтобы отвергнуть «групповые интересы»[16], и то надо их знать и понимать; 3) нам представляется, что то, о чем мы ведем здесь речь, не только не ограничивается понятием «групповые интересы», но, напротив, выходит и за рамки интересов одного народа, одной страны. Разве объединение добромыслящих людей против зла и насилия где бы то ни было — разве это внутренняя проблема одной той страны, где насилие свило себе гнездо?

Если курс нынешней политики разрядки состоит во взаимных уступках и приемлемых для обеих сторон компромиссах — то в области контактов уступкой со стороны соцлагеря является вообще согласие на контакты, а со стороны Запада — то, что он участвует в них на советских условиях, адаптирует к ним свое поведение и, в конце концов, свою психологию. А это ведет к эрозии общественной нравственности и морали.

Один из аргументов в пользу такого компромисса со стороны Запада — все та же угроза ядерной войны. Однако не только мир, но даже соглашения по безопасности, надо думать, не оказались бы под угрозой из-за того, что Форд принял бы Солженицына, финны опубликовали бы «Архипелаг ГУЛАГ», а Би-би-си информировала бы слушателей о содержании очередного выпуска «Хроники». С другой стороны, «советизация» поведения и психологии Запада никак не гарантирует безопасности в Европе и в мире, а уровень этой «советизации» не будет для советских властей достаточным до тех пор, пока не произойдет полного уподобления сознания, то есть пока мораль и нравственность не окажутся в полном подчинении у практической политики. Но для этого, конечно, нужно видоизменить и политическую систему Запада, внедрить в нее диктатуру государства над личностью.

Еще один мотив в пользу расширения контактов между двумя системами — это надежда таким путем смягчить жестокость наших нравов, расчет на либерализацию нашего диктаторского режима или хотя бы на возможность спасительного влияния Запада на судьбы отдельных людей. Такие же надежды питает и часть советской интеллигенции, за десятилетия «железного занавеса» изголодавшейся по общению с мировой культурой. Сторонники этой позиции могут сослаться на то, что некоторая либерализация имеет место. Был «железный занавес» — и в лагерях погибали миллионы. А сейчас — Сахаров на свободе, его всего лишь облили грязью в газетах; Солженицына живым

выкинули к его западным заступникам[17]; кого раньше бы измололи в следственных застенках КГБ, как Белинкова, — тот без битья получает три года лагеря (и еще три — ссылки; например, Амальрик). «Самолетчикам» Кузнецову и Дымшицу отменили смертную казнь, Сильву Залмансон помиловали и отпустили из страны. То же и Кудирку. Стала возможна эмиграция из СССР — правда, по мотиву воссоединения семей, правда, лишь для некоторых категорий жителей СССР, но еще пять-шесть лет назад кто бы мог на такое надеяться?

В общем, помощи Запада нестандартные граждане СССР обязаны той ничтожной долей либерализации, какая явилась в нашей жизни. Но вот вопрос: какая позиция Запада тут сыграла роль — позиция компромиссов, уступок, дипломатической торговли, культурного сближения или позиция нравственной непримиримости, нравственной конфронтации в форме резких протестов, угроз бойкотом? Не дипломатические переговоры сократили лагерный срок Синявскому, а многолетнее не стихавшее возмущение всей культурной мировой общественности, в частности ряд отказов западных ученых и писателей сотрудничать с советской наукой и литературой. Демонстрации перед советскими посольствами, самые яростные формы протеста, прямое сопоставление советского режима с фашизмом — вот что заставило советские власти спешно, опережая установленные законом сроки, заменить Дымшицу и Кузнецову расстрел пятнадцатью годами заключения. Угроза бойкотирования Большого театра в Лондоне, пикеты актеров — вот что заставило советские власти выпустить из страны Панова с женой. Даже в тех случаях, когда протесты с Запада не приводят к желаемому результату (таких случаев, конечно, большинство), они все же часто играют охранительную роль: иным облегчают участь, иных наперед уберегают от ареста. Советские власти твердят: «Мы не потерпим вмешательства…», однако учитывают общественное мнение Запада, прекрасно понимая, что оно влияет и на политику правительств[18].

Безусловно, есть успехи и у «тихой дипломатии». Некоторые общеизвестны (в области эмиграции евреев, в отношении отмены выкупа за образование и т. п.), о многих мы, естественно, не знаем, а лишь можем догадываться. Ко всякой встрече Брежнева с президентом США, к другим дипломатическим встречам и важным переговорам некоторое число «отказников» получают выездные визы. (Правда, возможно, что «отказников» специально прикапливают к таким случаям.)

Широкое общественное осуждение и «тихая дипломатия» — к сожалению, эти два пути не дополняют, а взаимно гасят друг

друга. В атмосфере контактов, в угаре разрядки такие действия, как общественные протесты, демонстрации, бойкот, — теряют силу: с одной стороны, осуждение, а с другой — договоры о совместных научных программах, одни бойкотируют, а другие наперебой заключают соглашения с агентством по охране авторских прав… В самом западном обществе действия протеста теряют свою популярность, а для советского руководства они становятся — тьфу! растереть и забыть!

Президент Форд заверял американскую общественность, что подписание документа в Хельсинки не затрагивает нравственных принципов американского народа, не меняет его позиции, что по всем случаям нарушения прав человека Америка будет заявлять протесты на международных форумах. Но «тихая дипломатия» требует компромиссов, и Солженицына не приняли в Белом доме ради дружбы с Брежневым.

Не исключено, что твердая и последовательная позиция Запада в вопросах гуманистических (а именно — отказ обсуждать с советскими представителями проблемы прав человека, проблемы демократических свобод, *отказ от всяких культурных контактов на государственном уровне,* пока советское государство попирает права личности, пока оно остается страной насилия) в конечном счете могла бы оказаться и практически более перспективной.

О практических преимуществах одного или другого пути еще можно задумываться и спорить. Нравственный аспект этой проблемы очевиден. Нынешняя политика частичных уступок позволяет СССР спекулировать гуманистическими фразами и торговать нашими судьбами — судьбами своих граждан. Нельзя ставить в зависимость от сегодняшних политических условий принципы нравственности и достоинство ни народа, ни отдельного человека; они не должны быть объектом торговли — ни под каким благородным соусом. Та советская либеральная интеллигенция, которая ради контактов с западной культурой толкает ее носителей на путь нравственных компромиссов, тем самым понижает общий нравственный уровень человечества. Дорожа нравственностью, приходится быть готовым не приобретать, а жертвовать не только материальными, но и духовными ценностями — например, культурными контактами.

Если успех того или иного заступничества (соединение *некоторых* семей, разрешение на брак *некоторых* пар) достигается ценой предательства собственных принципов, а также ценой косвенного предательства множества других людей, нуждающихся в заступничестве и в помощи, то это, пожалуй, поражение, а не победа…

Сенатор Кеннеди выступает на собрании студентов МГУ. А ведь ему известно, что в этом университете, как и в каждом советском вузе, существует процентная норма по национальному признаку. Может быть, такие «контакты» не затрагивают принципов сенатора Кеннеди?

В СССР нередки случаи, когда у религиозных матерей отбирают детей лишь потому, что эти матери воспитывают детей в своей вере, противопоставляя таким образом домашнее воспитание государственному атеистическому. Не было об этом речи на конференциях, посвященных Международному году женщин! И о том, что советские политзаключенные-женщины исключены из «женской» амнистии 75 года, ни одна общественная деятельница Запада даже не заикнулась, приветствуя советских делегаток.

Международный Красный Крест, одна из задач которого — помощь политзаключенным во всем мире, числит своим коллективным членом Советский Красный Крест; но положение советских политзаключенных международной организацией не контролируется, не было и попытки посетить политлагерь в СССР! — Даже в гитлеровские концлагеря приезжали комиссии Красного Креста.

Да что говорить! Генеральный секретарь ООН *ни разу не ответил* на многочисленные обращения к нему советских граждан — иногда поистине трагические.

…Представим себе на секунду такой невероятный поворот истории: в 1945 году война окончилась не поражением фашистской Германии, а ее победой. Немецкие кинооператоры во всех сталинских лагерях — от Темника до Магадана — засняли на пленку полуживых зэков в рваных бушлатах, на суд истории представлены их свидетельства, фотографии сотен безымянных могильников… В самой же Германии (изнуренной войной и потому отложившей идею мирового господства до лучших времен), через тридцать лет, сослужив свою службу, не дымят крематории. Переоборудованные душегубки развозят туристов, в печах Майданека выпекают хлеб. (Почему же нет? Ведь совершаются увеселительные поездки и в Соловки, и в Норильск, и по дороге Тайшет — Лена; а немцы куда практичнее русских.)

Ну так вот что любопытно было бы узнать: вот при таком зигзаге истории президент Форд преклонил бы колени в Катыни и «забыл» бы о жертвах Освенцима? Сенатор Кеннеди пошучивал бы в берлинской студенческой аудитории (процентов на 80 «гитлерюгенд») перед детьми жертв и палачей Бухенвальда? Делегатки Всемирного женского конгресса обнимали бы немецких подруг, среди которых, может быть, наследница Эльзы

Кох? Двойник бывшего канцлера Брандта (сам-то он, вероятно, уже сгнил бы в концлагере) поехал бы в гости к преемнику Гитлера? Словом, каждого человека — писателя, ученого, врача, коммерсанта — хотелось бы спросить: забыл бы он о жертвах фашистского режима, отделенных от нынешнего дня лишь тридцатью годами и несколькими словами об ошибках и «нарушениях»? При сохранении на местах деятелей этого режима, его идеологии, его принципов в действии — забыл бы?

Конечно, да. И с досадой затыкал бы уши от голосов тех, кто помешался на этом Майданеке с Освенцимом и бубнит: «Осудить, осудить, осудить…» Надоело. — Однако зигзага, к счастью, не было. И президент Форд преклоняет свои колени в Майданеке (помнит!), а не в Магадане (забыл! да и памятника нет). И даже не перед Берлинской стеной.

Тогда остается задать последний вопрос: за что судили деятелей гитлеровской Германии в Нюрнберге — за преступления или за поражение? Вот так обстоит дело с нравственностью на пути компромиссов…

Медовый месяц Востока и Запада — первый месяц после Совещания в Хельсинки — показал Западу, что Восток отнюдь не намерен пунктуально выполнять основные принципы сотрудничества (а мы, на Востоке, это знали заранее). Разочарование Запада велико. Но не окончательно, ведь назначен испытательный срок в два года. Вот тогда Запад предъявит Москве длинный реестр нарушенных обещаний и весь мир убедится в вероломстве социалистического лагеря… Как бы не так! Запад даже представить себе не может, какая лавина обвинений обрушится на него через два года, в каком океане вздорных мелочей, беспредметных выяснений, пустозвонной фразеологии ему придется барахтаться: Запад клеветал, разжигал, предоставил убежище, отказал в помощи и т. д.; что подтверждается — показаниями А., разоблачениями Б., обвинениями В… Имело место вмешательство в дела СССР: советолог А. извращал, кремленолог Б. возвещал, «Нью-Йорк тайме» допустила выпад, «Монд» опубликовывала, «Ньюс-Уик» умолчала… И вообще на Западе силы «холодной войны» (временно, конечно) одержали верх над силами прогресса.

И снова завертится та же карусель — и будет вертеться до тех пор, пока мы либо сумеем одолеть Запад в войне, либо постепенно будем отрывать от него кусок за куском, либо — что тоже весьма вероятно — методами «разрядки» внесем в него экономический хаос, политическую неустойчивость, нравственное разложение — то есть, так или иначе, «схватим Запад за шиворот».

Заключение

Иностранцы, посещающие Советский Союз, — туристы, общественные деятели, политики — легко убеждаются в миролюбии советских граждан. Это впечатление не ложное: как бы глубоко вы ни заглянули в глаза русского, вы не увидите в них и тени агрессивности (разве что спьяну). Агрессивность не свойственна русскому национальному характеру.

Государство ведет активную антивоенную пропаганду: пресса, радио заполнены лозунгами о мире. Литература, хотя и героизирует ратный подвиг, в основном рассказывает о тяготах войны. Последняя война еще жива в памяти не только военного, но и следующего за ним поколения как время потерь, разрушения, голода, как причина многолетней нищеты и лишений.

Правовая норма предусматривает строгую кару за пропаганду войны как за тяжелое государственное преступление. И это, вероятно, единственная «политическая» статья Уголовного кодекса, которая бездействует, — некого карать.

«Хотят ли русские войны?» — Нет, не хотят, на самом деле не хотят. Мы, в общем, народ добродушный.

Но послушный.

«Мы готовы выполнить *любое* задание партии и правительства», — рапортуют космонавты после полета. Сегодня это задание — пожать руку и сказать по-английски «здрасьте» американскому коллеге; а завтра? Сегодня — обаять весь мир широкой русской улыбкой; а вчера?

Летом 1968 года газеты заполнились грозными окриками, адресованными чехам, угрозами применения силы (это не квалифицировалось как пропаганда войны). Нескольких недель такой «артподготовки» оказалось достаточно, чтобы в стране создалось всеобщее мнение (то есть, конечно, не без исключений, но, как правило, негласных): чехов надо наказать за непослушание. Публика не вникала в вопросы о причинах «непослушания», о формах его проявления. «С жиру бесятся» — а ведь «мы их освободили», «мы их всех кормим».

Если бы чехи оказали вооруженное сопротивление — была бы мгновенная вспышка ненависти и озверения, как это было в Венгрии в 1956 году. А так добродушный русский солдат добродушно убирал яблоки (как будто за тем и пришел в Прагу на танке), заигрывал с девушками и искренне недоумевал, почему чехи к нему недоброжелательны?

Так что пусть добродушие и миролюбие русских не слишком

обнадеживают гостя, постигающего Россию на туристских маршрутах в эпоху разрядки.

Имея такое население, да к тому же еще под нынешней диктаторской системой управления, советское правительство может позволить себе любую мирную пропаганду. Оно уверено, что лозунги о мире задержатся в сознании подданных только до выдвижения официальных лозунгов противоположного направления, не дольше. А если кто обладает памятью чуть большего объема — так «есть у нас, слава богу, наше КГБ» (слова поэта С. Михалкова).

Однако коротка память и у тех, кто нашему КГБ неподвластен.

Вот уже несколько десятилетий Советский Союз является не только членом Организации Объединенных Наций, но и членом ее Совета Безопасности, входит во все ее международные комиссии, решает проблемы войны и мира, а также проблемы соблюдения и защиты прав человека в государствах земного шара. СССР требует применения санкций к «агрессору» на Ближнем Востоке, призывает к бойкоту диктаторских режимов в ЮАР и Чили, организует массовые международные кампании протеста в случаях, которые трактует как нарушение прав человека (например, кампанию в защиту Анджелы Дэвис). Советский Союз подписывал Декларацию прав человека и другие международные соглашения, ратифицировал их — всему миру было в это время известно о советских концлагерях, о ссылке целых народов, о кровавом подавлении национально-освободительных движений. И ни разу ООН не потребовала санкций против СССР — скажем, за вторжение в Чехословакию — или бойкота советского режима как диктаторского, попирающего права человека в своей стране, нарушающего основные принципы Организации Объединенных Наций.

Естественно после этого, что ООН утратила всякий авторитет, что она бессильна в мире, а провозглашенные ею принципы девальвированы. Вот и возникают идеи новых международных мероприятий — идеи «разрядки напряженности», Совещания по безопасности в Европе, на очереди — в Азии. Но ведь они не учитывают печального опыта ООН — ну так с этими мероприятиями будет то же самое.

А когда Совещание по безопасности в Европе обнаружит такую же несостоятельность, как нынче ООН, — за какой новый стол переговоров с Советским Союзом засядут тогда западные президенты и премьеры? Какие очередные компромиссы и встречные планы будут предложены взамен все тех же, и даже сильно урезанных, обещаний: невмешательства (после очередного

вмешательства), суверенитета

(для стран, которые к тому времени его еще сохранят), уважения прав человека (с прежней оговоркой насчет национальных традиций)?

Слава богу, Запад ищет не войны, а мира. Как следствие этого западные политические деятели делают выбор — что угодно, «лишь бы не было войны».

Мы убеждены, что *tertium datur*. Кроме неоднократно испробованного и столько же раз скомпрометировавшего себя пути компромиссов и соглашений есть позиция нравственного противостояния насилию. Эта позиция пригодна и для отдельных людей, и для любых объединений, и для целых государств. И задача правительств и общественности этих государств состоит в том, чтобы нравственное противостояние не ограничивалось декларациями, а определяло бы политические действия и было бы надежно защищено от подавления силой оружия.

А. Марченко,

М. Тарусевич[19]

Август 1975 — январь 1976

Публичный ответ газете «Известия»

В статье «Колодец с гнилой водой» (Известия. 1976. 18 июня) перечислен ряд фамилий: Гинзбург, Марченко (это я), Штерн, Вайманов, Фельдман — видимо, авторы хотели сказать, что эти люди и есть «гнилая вода», то есть источники «заведомо лживой, тенденциозной информации». О чем эта информация, что в ней «лживо» — этого читатели «Известий» не узнают из статьи, да и вообще никогда не узнают. Известный метод не только советской прессы, но и советского суда — не анализировать, не доказывать, а навесить ярлык, приобретающий силу закона. Зато тем больше любознательности проявляют авторы к частной жизни людей, подлежащих дискредитации по политическим мотивам.

Итак, Александр Ильич Гинзбург. Во-первых, надо назвать его Аликом — это будет для советского читателя уже знак, известный по прессе символ нехорошего человека. Всякому сразу понятно, что Алики, Додики, Рудики — это все «великовозрастные лоботрясы», а добропорядочного работягу зовут Саней, величают Александром Иванычем. Так что же дурного числят «Известия» за А.И.Гинзбургом, кроме имени? А вот: служит у Сахарова секретарем и нянькой, «мнит себя интеллектуалом». Предпочитает «поношенную одежду иностранного происхождения» — причем из статьи следует, что Гинзбург предпочитает ее не советскому индпошиву, а зэковской робе. Нет того, чтобы в концлагере «соблюдать установленные правила и работать, получая соответствующую оплату»! — он поденно получает «деньжата», нянча внуков Сахарова. Как же не гад!

Заодно авторы статьи исподтишка куснули и Сахарова: ишь, барин, секретаря-няньку завел! Ведь дурак-читатель воображает, что академик Семенов за внуками сам горшки выносит, писатель Марков сам себе диктует на машинку речугу для писательского съезда, ведать не ведает простой советский человек, равный среди равных, о шоферах, сторожах, горничных, кухарках, секретарях и референтах, обслуживающих элиту, — но «деньжата» этой обслуге небось идут казенные.

Малопочтенной в рабочем государстве стала роль воспитателя детей за последние пятьдесят девять лет! Хотя писатель по-прежнему нанимает няньку, но что-то никто не вдохновился вслух обратиться к ней: «Голубка дряхлая моя!» И Савельича нынче запросто обзовут «великовозрастным лоботрясом», а то и засудят как тунеядца. Зато теперь в чести Видок Фиглярин, писатель от III отделения, он не стыдится своей должности.

Я не помню, какую одежду носит А.И. Гинзбург; а о себе сознаюсь: скороходовским самораскленвающимся ботинкам я предпочитаю обувь фирмы «Топман», бреюсь электробритвой «Филиппе», а не «Харьков», слушаю японский транзистор. Поскольку мне не видать загранкомандировок от Союза журналистов и не бегать по парижскому Пассажу в погоне за тряпками, мои друзья из-за границы присылают мне ширпотреб — даже и не поношенный, а новый[20].

Авторы статьи Кассис и Михайлов забыли перечислить мои предметы обихода с иностранным клеймом. Но они забыли также, что на БАМе работают автокраны японской фирмы «Кота», что бумага, на которой они пишут, произведена на иностранном оборудовании и что едим мы американско-канадский хлебушек. Чем это благороднее «поношенной одежды иностранного происхождения»?

Хорошо, пусть нам зазорно получать подарки от зарубежных друзей и родных. А Брежневу не зазорно? Никсон подарил этому русскому любителю быстрой езды два автомобиля, а третий преподнес ему канцлер ФРГ. (Интересно, за что лидер КПСС получает «вознаграждение» от лидеров свободного мира — за развал ли собственного сельского хозяйства или за поддержку экономики Запада промышленными контрактами и сельскохозяйственными закупками?)

А все же есть проблески совести и у советских журналистов: попрекать Гинзбурга или меня «русским хлебом» и «русским салом» — язык не повернулся.

Тезис о моей зловредности газета доказывает тем, что я окончил всего семь классов (положим, восемь, но не будем мелочиться), что на Западе меня выдают за писателя, а на родине пять раз сажали в тюрьму. Нет, я не подам на вас в суд за клевету, все истинная правда. Несмотря на недостаточное образование, я все же успел уловить, что в русских тюрьмах, ссылках, каторгах побывали Радищев, Пушкин, Лермонтов, Достоевский, сам основоположник соцреализма Горький (это и был единственный его университет) — да легче назвать тех, кто не был «в местах не столь отдаленных». Эта славная русская традиция в советское время расширилась (географически) и углубилась (методологически). Страшно выговорить: русская литература (а советского периода — тем более) создана чуть не сплошь уголовными преступниками. Так что, если разобраться по существу, ничего оскорбительного обо мне, как и о Гинзбурге, «Известия» не сообщили. Имеется скорее намерение унизить и опорочить, чем реализация этого намерения, и проявляется оно скорее в оскорбительном тоне статьи, чем в подборе фактов из

частной жизни.

Но вот что интересно: откуда оно взялось, чем вызвано — это стремление дискредитировать людей, поименованных в приведенном в начале списке? Первая моя «гнилая» информация — о современных советских концлагерях — опубликована на Западе в 1968 году, последняя — об этапе в ссылку — в январе 1976 года. И в промежутке тоже кое-что было. А мое имя в советской прессе впервые появилось лишь в июне с.г. Что же вы так неоперативны? Просто не было сигнала «Ату его!» — а теперь дали.

Беднягам Кассису и Михайлову, возможно, и самим не доверили знать, в какой связи состоят Гинзбург и Марченко с основными сюжетами их статьи — комиссией конгресса США, западными радиостанциями, НАТО, ЦРУ, западными безработными, американскими тюрьмами, советскими эмигрантами. Сказали им: «Надо!» — они и стараются, отрабатывают свои построчные гонорары (не поденные деньжата!) и заграничные поездки. Писали бы «от себя», так чего ж они, журналисты, умолчали бы о том, что Гинзбург и Марченко — члены общественной Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, образованной в СССР в мае сего года и обязавшейся собирать и распространять информацию о нарушениях в своей стране гуманитарных статей Заключительного акта. Правительство СССР заранее знает, что такие нарушения были, есть и будут, уверено в своем праве на это, соответствующем традициям и обычаям страны. («Что уж, я своих людишек и посечь не вольна?» — говаривала еще госпожа Простакова.) И поэтому никакого контроля ни от комиссии конгресса США, ни от какой-то самодеятельной отечественной Группы правительство СССР терпеть не может. Что там за Группа? Кто в ней? Гинзбург — нянька! Марченко — недоучка! Орлов — переучка (еще не сказано, но все впереди)… А все вместе (но ни в коем случае не Группа содействия, об этом ни гу-гу; так, откуда-то взявшийся перечень бывших и будущих уголовных преступников) — все вместе «колодец с гнилой водой».

Ну а из какого же незамутненного источника зачерпнули авторы свою правдивую информацию? Самолично наблюдали заграничные штаны Гинзбурга? Пересчитывали «наличные» в его карманах? Красным карандашом подчеркивали грамматические ошибки в моих черновиках? Брали интервью у «Алика» или его жены? — Ничего подобного. Кем служит Гинзбург у Сахарова, сколько классов окончил Марченко, что содержится в почтовых посылках из-за границы и все прочие детали наших биографий не хуже нас самих знают в КГБ — уж, верно, в наших досье подшиты

и копии денежных переводов, и подлинники изъятых на обыске черновиков. (А сколько миллионов досье хранится в КГБ и каким способом они наполняются, этого комиссии Верховного Совета не расследуют, это вам не Америка!)

Нет необходимости показать пальцем персонально на Кассиса и Михайлова: «Вот сотрудники КГБ!» Любой советский журналист выполнит любое задание этой организации, даже не числясь в списках сексотов. Зато прошу обратить внимание: ни газета, ни ее авторы ничуть не стесняются такого сотрудничества, не пытаются замаскировать источник своей осведомленности о частной жизни граждан. Еще бы, что может быть почетнее для прессы, чем связь с чекистами, у которых, как известно, всегда были «холодный ум, горячее сердце и чистые руки» — чистые руки особенно бросаются в глаза.

Чтобы в дальнейшем облегчить работу и КГБ, и газетчикам, сообщаю и подтверждаю: да, я буду и впредь «поставлять» информацию — и как член Группы содействия, и независимо от нее. У меня то преимущество перед корреспондентами советской прессы, что я не имею хозяев, кому боялся бы не потрафить, чьи руководящие указания обязался бы выполнять. Что касается качества информации, то вслед за В. Максимовым напомню известное изречение: «Я верю только тем свидетелям, которым рубят головы». Да и в России в старину достоверной считалась подлинная правда: сказанное под линьками, то есть под плетьми.

Можно было бы и не отвечать на статью Кассиса и Михайлова, мало ли разнообразных помоев выливалось со страниц «Известий» (как, впрочем, и любой советской газеты) за пятьдесят девять лет ее преданной службы этой власти. Я отвечаю не потому, что меня задели, а потому, что советская пресса привыкла к безответности своих оппонентов, у которых завязан рот. Но, слава богу, пока еще не создалась обещанная Лениным Всемирная советская социалистическая республика, и идеологическая цензура пока еще не охватила весь земной шар.

И еще я считаю нужным публично ответить «Известиям» потому, что такой возможности лишены многие другие люди, названные и подразумеваемые в статье и оскорбляемые вашей газетой безнаказанно, поскольку они находятся за колючей проволокой.

Марченко А.Т.
Иркутская обл., пос. Чунский,
ул. Чапаева, д. 18
21 июня 1976 г.

Правительствам стран — участниц Хельсинкских соглашений

До совещания в Белграде по проверке выполнения Хельсинкских соглашений осталось полгода. С августа 1976 года накопилось немало обвинений в несоблюдении соглашений, касающихся гуманитарных вопросов. Советская пресса систематически сообщает о нарушениях прав человека в странах Запада. Нам самим хорошо известны факты попрания прав человека и гражданских свобод в нашей стране; наша «группа Хельсинки» информирует о них мировую общественность и правительства стран — участниц Хельсинкских соглашений. Но советское правительство отрицает достоверность нашей информации, обвиняя нас в клевете. По нашему мнению, на совещании в Белграде недостаточно было бы лишь выступить с обвинениями и разоблачениями, как недостаточно и бездоказательное их опровержение. Необходима предварительная проверка каждого случая нарушения, в какой бы стране он ни произошел. Без этого совещание в Белграде может превратиться в пустую перебранку и обмен взаимными обвинениями.

Мы предлагаем заблаговременно создать международную комиссию по проверке нарушений Хельсинкских соглашений в гуманитарной области. В комиссию должны войти представители правительств стран-участниц, а также представители независимых общественных групп. Комиссии должны быть гарантированы все возможности проверять факты на местах и получать необходимую информацию.

Без конкретной проверки Хельсинкские соглашения могут стать для Советского Союза таким же формальным, ни к чему не обязывающим документом, как Декларация прав человека и другие соглашения ООН. СССР был не только равноправным членом ООН, но и членом Совета Безопасности в 40-60-е годы, когда тюрьмы и лагеря в СССР были буквально переполнены невинными жертвами, когда «политическим преступником» мог быть объявлен любой гражданин страны, даже ребенок, когда депортировались в Сибирь и Среднюю Азию целые народы, когда страну сотрясали одна за другой антисемитские погромные кампании («борьба с космополитами» и «дело врачей»). Решая на заседаниях в Совете Безопасности судьбы мира, правительство СССР в своей внутренней политике прибегало к таким методам, как прямое убийство, шантаж и заложничество. США, Великобритания, Франция и другие правовые государства

заседали тогда за одним столом с правительством-преступником и не сделали ни одной попытки проверить сигналы бедствия, доходившие до них из СССР.

Выполнение международных соглашений не есть внутреннее дело той или иной страны. Это дело нуждается в действенном международном контроле.

Доклад Международной контрольной комиссии в Белграде был бы объективным критерием выполнения Хельсинкских соглашений в гуманитарной области и обеспечил бы деловой, а не пропагандистский подход к важнейшей международной проблеме нашего времени — правам человека.

1 февраля 1977 г.

Член общественной Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Анатолий Марченко

Кинорежиссеру и актеру, народному артисту СССР, общественному деятелю С. Бондарчуку

Ваша статья в газете «Известия» от 20 марта с.г. направлена против диссидентов, которых вы называете «горсткой жалких отщепенцев, вставших на путь предательства Родины, чьи идеи в корне разошлись с теми целями, задачами и принципами, которыми активно живут все советские люди разных национальностей».

Много врать всегда опасно: можно в конце концов и проболтаться. Вы первый на страницах официальной прессы признали, что у диссидентов имеются идеи.

Но это — мелочь.

Свое выступление в «Известиях» вы объясняете волной антисоветизма, которая захлестнула в последнее время западный мир.

Меня побуждает ответить вам вовсе не волна антикапитализма, которая захлестывает население СССР со дня Октябрьского переворота.

В демократическом обществе автор статьи, критикующий отдельного человека, а тем более группу лиц, вынужден делать это обдуманно и объективно. Он не может рассчитывать на безнаказанность.

Полторы сотни лет назад «предатель» и «изменник» Лунин за оскорбление вызвал бы вас на дуэль. Любой из народовольцев-«отщепенцев» за подобное оскорбление влепил бы вам публично по физиономии. И передовое общество тех времен отвернулось бы от вас.

И во все времена клеветник не был защищен ни цензурой, ни политической полицией от свободного слова.

Чем же все-таки вас прогневали диссиденты? Какие у вас к ним претензии?

«Когда мы бываем за рубежом, нас буквально атакуют вопросами об отщепенцах, о лицах, покинувших Родину». Вон оно в чем, оказывается, дело!

В СССР бросают в концлагерь писателей А. Синявского и Ю. Даниэля за их творчество (до этого шельмовали и поносили за то же самое Б. Пастернака), КГБ врывается в квартиру писателя В. Некрасова и грабит его, ликвидируя архив, насильно вывозится из страны лауреат Нобелевской премии по литературе А. Солженицын, постоянно подвергается оскорблениям, угрозам и

шантажу лауреат Нобелевской премии мира А. Сахаров, по ложным обвинениям бросают в концлагеря и тюрьмы-психушки инакомыслящих, ликвидируют группы Хельсинки, и т. д., и пр., и пр.

А на Западе, видите ли, осмеливаются тревожить гражданскую совесть народного артиста своими каверзными и провокационными вопросами.

На Родине на подобную провокацию можно ответить публичным или тайным доносом. («Слава богу, у нас есть КГБ!» — С. Михалков. И как же в такие минуты не любить нашу советскую Родину!)

А тут приходится народному артисту вертеться и врать как сивому мерину: личность в СССР не подавлена, не угнетена — в психушках и концлагерях расцветает всеми красками радуги. И коммунизм в СССР строится не в принудительном порядке: хочешь — строй, не хочешь — не строй; никто никого не заставляет.

Ну, артист! Во дает!

А для какой личности в Уголовном кодексе ст. 70 (от 3 до ю лет), ст. 190-1, 2, 3 (до 3 лет)? А законодательство о семье и браке, обязывающее родителей воспитывать детей в коммунистическом духе (изо всех санкций жесточайшая здесь — могут отобрать детей!)?

Видно, Бондарчуку закон не писан!

«Отщепенцы, вставшие на путь предательства Родины…» А где факты?

Просто требуется посерьезнее и пострашнее обвинить, чтоб оглушить читателя. Большевики всегда пользовались клеветой в борьбе с оппозицией (настоящей или выдуманной). Это у них с пеленок; еще сам основоположник научного коммунизма на страницах своей газетенки называл Бакунина и Герцена, тоже диссидентов и тоже предателей, покинувших Родину, агентами самодержавия. Он тоже не утруждал себя подбором фактов.

И кто только не был у нас, каждый в свое время, предателем Родины или агентом другого государства! Тут и Ленин (до советской власти), и Бухарин — общий любимец и признанный вождь партии (уже при советской власти), и почти все легендарные герои Гражданской войны (даже сами признавались в этом!).

И человек номер два в сталинском правительстве — Берия — не избежал этой участи и был объявлен своими соперниками в борьбе за власть агентом британской разведки. Это самый яркий пример использования клеветы большевиками даже в споре между собой: таким образом все преступления КПСС времен

Сталина сваливались не просто на одного из членов руководства, а целиком на империалистов.

В самом начале статьи категорически заявлено: «Нам нечего прибегать к фигурам умолчания или словесному камуфляжу, к эзопову языку. <…> Нам нечего скрывать…»

Действительно, артист!

Нечего скрывать?

Так показали бы историю вашего коллеги А. Каплера. На его фильмах воспитано не одно поколение советских людей. И в то время как его фильмы идут в стране, он смотрит их в концлагере на Воркуте как «предатель и враг народа».

Или историю девушки — «Каховки». «Каховка, Каховка», — кричат рупора, а героиня — «предательница и враг народа» — отсиживает свой срок в концлагере.

Сенсационным был бы на советском экране и такой эпизод: женщина-литовка, вывезенная вместе с другими семьями после «добровольного присоединения» к СССР на Крайний Север, ежедневно ходит к штабелю трупов, где лежат ее муж и ребенок.

«За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь», — сказал А. Герцен.

У вас, народный артист и общественный деятель, «шевельнется ли крупица русского чувства» при таком напоминании? Чем рассусоливать про гражданское мужество авторов американского фильма «Корни», проявили бы собственное гражданское мужество, если оно у вас есть.

Если не можете сами показать такое, так почему не даете читать хотя бы то, что написано другими?

На эту тему наложен запрет для всех видов искусства.

Десятки миллионов наших соотечественников не знают могил своих близких — затеряны уж братские могилы. Власти так и не претворили в жизнь предложение Н. Хрущева о создании памятника жертвам так называемого культа личности — КПСС всеми силами стремится скрыть свои преступления хотя бы перед подрастающими поколениями.

«Зачем ворошить прошлое!» — слышим мы.

О жертвах войны нам напоминают ежедневно. О войне поставлено несметное число фильмов; в каждой библиотеке полно книг на эту тему. Писатели, артисты, режиссеры сделали себе на этом имя и карьеру. И тема эта не иссякает — закономерное явление, не вызывающее возражений. Это прошлое «ворошить» не только не запрещено, но и рекомендуется. Ведь двадцать миллионов жертв войны служат прикрытием и оправданием сегодняшних беззаконий и произвола властей.

«Нам нечего скрывать!»

А чего ж нам не сказали про обмен Владимира Буковского на Луиса Корвалана? Не объясняют, почему Россия — традиционный экспортер продовольствия — сегодня сама сидит на голодном пайке (может, правда, народные артисты этого не ощущают)?

Почему мы никогда не знаем полных речей государственных деятелей хотя бы ведущих стран мира, а питаемся недоброкачественными суррогатами в виде кратких переложений?

Почему даже выступления и заявления лидеров компартий других стран нам подсовывают выборочно?

О положении советских политзаключенных и говорить нечего — как будто их у нас и нет.

Обо всем этом знает весь мир, только не мы!

В одном с вами не поспоришь: нам действительно незачем прибегать к эзопову языку. В нашем обществе выработан особый язык, куда до него бедняге Эзопу!

Среди множества «предателей и изменников» советского периода, казненных или замученных пытками, есть и такие, которым посчастливилось хотя бы посмертно занять свое прежнее место в нашей новейшей истории. Реабилитировав их посмертно, послесталинское руководство КПСС стесняется упоминания о том, чем же закончилась их жизнь при строе, за который они боролись.

Вот году в 74-м вышла книга о маршале Тухачевском. Прочитав ее, вы узнаете обо всем, где и когда он родился, где служил, кого громил, чем награжден и когда вступил в партию. Одного только там нет: чем же закончилась жизнь маршала. Да и закончилась ли?

Можно подумать, что он все еще жив-здоров и продолжает свое дело служения партии и народу.

Биография П.П. Постышева в отрывном календаре на 1977 год заканчивается словами: «С 1934 г. он кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б)». Что, и до сих пор кандидат? Или теперь уж член Политбюро?

А вот еще один вариант: жизнеописание какого-нибудь видного партийного или государственного деятеля заканчивается словами «В 193-таком-то году его не стало».

Был деятель-человек, и вдруг его «не стало». Это вы не считаете «фигурой умолчания» и «словесным камуфляжем»?

Так говорится обо всех более или менее известных деятелях, погибших в сталинское время. О многих миллионах рядовых граждан, погибших таким же образом, вообще не говорится. Это язык особый, родившийся от брачного союза Главлита и КГБ.

И наоборот, о жертвах, понесенных КПСС от чужих рук, говорится подробно, точно, выразительно и ярко: зверски убит,

убит из-за угла, умер под пытками, зверски замучен и т. д.

Например, о смерти большевика-ленинца Баумана: зверски убит черносотенцами. И т. д.

Со школьных лет нам известны имена палачей и душителей свободы и инакомыслия в дореволюционной России.

Из истории советского периода лишь очень немногие палачи и виновники преступлений названы по имени. И совсем единицы понесли заслуженную кару. Да и то это было сделано в склоке, в борьбе за власть, то есть в узком кругу и без какого-либо участия народа, за закрытыми дверями.

Такие же соучастники преступлений, но победившие в склоке, именуются «верными ленинцами», о них снимают фильмы, живые, они пользуются всеми почестями по высшей шкале, заседают в президиумах, пишут мемуары — например, Микоян (но и Молотов тоже). Когда они умирают, то и хоронят их с подобающими почестями: кого на Новодевичьем кладбище, а кого и на Красной площади. Торжественно отмечаются их юбилеи. Их именами названы улицы городов, предприятия, совхозы и колхозы.

«Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства, и проснется оно когда-нибудь, и ударится он… об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою…»

Уже несколько поколений нашего народа именно тем и занимаются, что валяются в саже и в поклонничестве. Но нет, не слышно, чтоб кто-нибудь «ударился об полы руками»; так и умирают в почете и славе, при чинах и орденах, напутствуемые посмертной хвалой: «скончался заслуженный работник МВД СССР», «ветеран органов внутренних дел», «верный сын коммунистической партии и советского народа»…

«За шесть десятилетий советское искусство и литература создали такие непреходящие художественные ценности, которые стали достоянием всего культурного мира…»

Даже если поверить вашим словам, то, значит, наличие в русской культуре имен Толстого, Достоевского или Пушкина следует поставить в заслугу самодержавию.

Даже поверхностно знакомясь с культурной жизнью нашего народа за упомянутые вами десятилетия, без труда можно увидеть, что культура больше уничтожалась, чем развивалась. И если чем и обогатила мировую культуру, то как раз вопреки советской власти.

Кто и как измерит: сколько Толстых и Пушкиных погибли в зародыше где-нибудь в подвалах Лубянки, на Соловках или на

стройках пятилеток под конвоем?

«Фактически наши читатели и зрители имеют возможность знакомиться со всем лучшим, что появляется за рубежом в литературе или в кино…»

Чего стоит ваша оговорка «со всем лучшим»! А кто определяет, что является «лучшим», чему стоит появиться на полках наших книжных магазинов или на экранах?

Когда-то это определяли Сталин, Берия, Жданов, Суслов с помощью деятелей культуры вроде Шолохова, Симонова, Катаева и пр.

А кто сегодня? Брежнев с Сусловым, с помощью тех же Шолохова, Симонова, Катаева и тех же и новых прочих. А если у меня с ними разные вкусы?

Вам вот позволено не считаться с этим выбором, и вы посмотрели, что хотели: «В круге первом», «Генерал Паттон», «Зеленые береты»; вероятно, читаете тоже то, что запрещено рядовым советским гражданам, изымается у них при обысках и включается в обвинительное заключение как «состав преступления».

Таким, как мы, «не должно сметь свое суждение иметь», да? Несчастные граждане ФРГ! Им почти ничего не известно о современной советской литературе. Но ведь сегодня ни одно правительство Запада не запрещает своим гражданам выписывать литературу по своему усмотрению (а не «лучшую»!) из стран социализма вообще и из СССР в частности. И таможенники Запада не препятствуют провозу к ним коммунистической, антикапиталистической пропаганды.

Одно событие в особенности вывело вас из равновесия, всколыхнуло ваши гражданские чувства: прием Картером Буковского.

Послушайте, Бондарчук, ну что вам до того? Кажется, США не ЧССР или Польша, и Картер не подотчетен секретарю тамошнего райкома Гэсу Холлу. Да хоть целуйся Брежнев с Анджелой Дэвис во время ее визита в Москву — вряд ли это вызвало бы ревность американского президента и недовольство американских деятелей культуры.

Чего только стоит тон вашей статьи и статьи Катаева!

Ставь под ними любую дату: 1937, 1946, 1949, 1952, 1958 — и любую подпись, русскую или китайскую. Как сказал один поэт,

И въявь предо мной воскресли,
Околышами горя,
Дискуссии и репрессии,
Парады и лагеря,

Отравленные газеты,
Мерзавцев железный ряд
И лампы дневного света
Меж гипсовых колоннад.

Так, значит, кому-то гоже,
Идя на кого-то в бой,
Поднять усатую рожу
Иконою над собой![21]

Народный гнев во времена Усатого был более откровенным: кинорежиссеры и писатели, не прибегая к эзопову языку, прямо требовали крови, смерти, расстрела для уродов, ставших на путь предательства.

А чего же вы, народный артист, требуете для тех, чьи «идеи не совпадают»? Убивать из-за угла, загонять в газовые камеры?

Так бы и говорили.

Марченко
пос. Чунский Иркутской обл.,
ул. Чапаева, 18
25 марта 1977 г.

Письмо в газету

Речь пойдет о явлении, по советским меркам почти безобидном и безопасном, — об обысках, слежке, подслушивании. Эти действия властей не угрожают нашей жизни, но делают ее непереносимой.

За 9 лет — с 1968 года — мы пережили 10 обысков (не считая тюремных и лагерных шмонов, пришедшихся на этот же период):

3 обыска в августе 1968 г. в Москве,
обыск в 1970 г. в ссылке в Сибири,
обыск осенью 1973 г. в Тарусе,
обыск зимой 1975 г. в Тарусе,
обыск зимой 1976 г. в поезде,
обыск 20 мая 1977 г. в ссылке в Сибири,

и два негласных обыска — в 1971 г. в Сибири и в 1974 г. в Тарусе; впрочем, негласных обысков, возможно, было больше, лишь о двух нам достоверно известно.

Что у нас отнимали на обысках? — Личные письма; личные документы; записные книжки; фотографии друзей; пишущие машинки; перепечатанные на машинке документы — в том числе конвенции ООН (1970), воззвания международной организации «Амнистия» (1977), документы группы Хельсинки (1977); ксерокопированные вырезки из зарубежных газет и журналов («Таймс», «Монд», «Нью-Йорк таймс», «Русская мысль» и др.); книги и брошюры — Солженицына (1971,1973), Копелева (1976), Сахарова (1977), Р- Конквеста «Большой террор» (1977), Евангелие (1971); литературу самиздата — «Хронику текущих событий» (1970), открытые письма и заявления и т. п. И неизменно, постоянно, неизбежно — каждое собственное записанное слово: дневники, черновики, наброски, заметки, конспекты; рабочие варианты сочинений уже опубликованных (на Западе, конечно); черновики, забракованные самим автором; наброски только задуманных работ. Все, что не удалось надежно спрятать.

Сразу сознаемся: нам известно, что некоторые изъятые у нас материалы считаются «криминальными» — например, «Хроника текущих событий», романы Солженицына. Известно по догадке и по опыту: за их «хранение» кто-то был осужден (кстати, узнать об этом можно только из «Хроники»). Мы не считаем это ни справедливым, ни законным; но сейчас, повторяем, ведем речь о другом.

Отбирают все подряд. Перед началом обыска «по делу Гинзбурга» подполковник Дубянский предлагает:

— Выдайте все сами.

(Закон требует, чтобы было предложено сдать «криминал» добровольно, подполковник знает закон назубок.)

— Что «все»? По делу Гинзбурга — что?

— Вообще все, что может нас интересовать.

— Что именно?

— Ну, вы сами понимаете. Например, произведения Солженицына…

— У нас нет. (Действительно уже нет, раньше отобрали.) И вообще вы пришли с обыском по делу Гинзбурга…

— Сахарова… Марченко «От Тарусы до Чуны». Есть?

Руки лейтенантов и подполковников перещупывают все наше имущество: грязное белье и детскую постель, тома Пушкина на полке и использованную бумагу в сортире, картошку в подполе и игрушки ребенка. Восемь пар ног шесть часов толкутся в наших двух комнатах; железный книгоискатель протыкает землю и стены.

Подполковники листают раньше нас наши письма, уши их приложены к отводной трубке нашего телефона (дважды за это время у нас отключали телефон в наказание за разговоры с заграницей). Конечно, мы разделяем негодование американских граждан в связи с вмешательством ЦРУ в частную жизнь. Но, право же, смешно читать возмущенные корреспонденции какого-нибудь Боровика или Стуруа о «тотальной слежке», досье на неблагонадежных в США и т. п. Да на них самих, на Боровика и Стуруа, наверняка в КГБ лежит уже не по одному тому. И на нас — тоже.

Одному из негласных обысков сопутствовал взлом двери (1971) — сотрудники госбезопасности работали под домушников; но не тронули ни денег, ни вещей, а украли фотографию Петра Григоренко, роман Солженицына, Евангелие, пишущую машинку и, конечно, все рукописи А. Марченко.

Восемь обысков было «законных» — в нашем присутствии, по постановлению следователя, с санкции прокурора. Итак: в соответствии с законом по поводу недозволенной отлучки А. Марченко из Тарусы у него произвели обыск и изъяли — рукописи; в связи с участием Л. Богораз в демонстрации у нее на обыске изъяты личные письма; обыски и изъятие книг, фотографий, личного архива по причине знакомства с Н. Горбаневской, с А. Гинзбургом; по подозрению в причастности к таинственному тогда «делу № 24»; по подозрению в поездной краже. И так далее. Завтра нас обыщут и «законно» ограбят по подозрению в причастности к бухарестскому землетрясению или к засухе на целине. Следователь выпишет постановление,

прокурор санкционирует. В дальнейшем в связи с расширением соцдемократии будет требоваться подпись Председателя Президиума Верховного Совета? Подпишет, о чем там говорить! Расстрельные списки подписывали, подумаешь — обыск! Пока что остановка не за подписью, а за самим Председателем: куда-то запропастился; ну, нового поставят.

Все-таки на этом надо остановиться подробнее. 20 мая нас обыскали «с целью отыскания и изъятия документов и предметов, имеющих отношение к делу № 6 в отношении Гинзбурга А.И.» — по постановлению следователя, с соблюдением соответствующих статей Уголовного кодекса. Может быть, сам Александр Гинзбург показал, что передал нам «документы и предметы»? Или кто-нибудь из свидетелей? Ничего подобного нам не предъявили, да и не может быть таких показаний, так как этого не было. И никаких вещей, «имеющих отношение», у нас не обнаружили — но в протокол записано 52 номера изъятых — наших собственных — бумаг и книг. За ними-то и приходили. Просто обставленный всеми формальностями, узаконенный произвол. Так выглядит у нас неприкосновенность личности и неприкосновенность жилища.

Раз это все законно — то, значит, советский закон предусматривает нарушение естественных прав человека. Значит, речь идет не о случае, а о принципе нарушения этих прав.

Мы просим читателей представить себе ежедневный быт в кругу таких законов и «национальных традиций». Итак, письма от друзей вы храните в корзине для мусора (но и оттуда их извлечет добросовестный исследователь). Ваше книгохранилище оборудовано в бочке с навозом — когда его обнаружат, то фотографию этого «тайника» опубликуют в книге «Наймиты империализма». В записной книжке вы обозначаете знакомых кличками (иначе ведь и они попадут под недреманное око) — но КГБ чего-то там сложит, умножит, подытожит и узнает, кто есть «Доктор», а кто «Еж». Каждый исписанный вами листок вы должны распечатать в пяти экземплярах, закопать в землю, спрятать в печной трубе, опустить в колодец — авось хоть один экземпляр уцелеет. Но нет, извлекли все — и из земли, и из трубы, и из колодца, всю вашу работу за несколько лет жизни. Больше вы не увидите ее. Никогда. Ни разу вас не привлекли к ответственности за хранение «криминальных» материалов. И ни разу не вернули ни клочка изъятых бумаг.

Мы не подпольщики, а нас принуждают к конспирации. И уже не законопослушание и даже не моральные начала останавливают нас — мы готовы бы силой отстоять свои рукописи. Но это абсолютно безнадежно: невозможно помешать грабежу под

эгидой закона и власти. Кроме отчаяния, описанная ситуация вызывает у нас чувство бесконечного унижения.

Нашему сыну четыре года, за свою жизнь он пережил четыре обыска. В последний раз он нам сказал: «Я хотел вам напомнить, чтобы вы спрятали мои книжки». Книжки спрятать — не мы, а советский закон приучает к этому нашего ребенка: полгода назад такой вот «дядя Коля» хотел отнять его книгу — Евангелие в переложении для детей. Сын кричал на весь вагон: «Мама, не отдавай мою книжку!»; в поезде при обыске было много пассажиров, и книга уцелела.

Постараемся быть объективными. Столь настойчивым вниманием власти удостоивают далеко не каждого своего подданного — может, всего сто человек, может, тысячу, может, десять тысяч, кто знает. Но круг удостоенных расширяется вместе с кругом непокорных. Вот уже наши сибирские знакомые оказались в поле зрения КГБ: сначала их вербовали доносить на нас, теперь шантажом и угрозами пытаются заставить прекратить знакомство. Каждая их встреча с нами на счету — возможно, что и на слуху.

«У нас не возбраняется „мыслить иначе", чем большинство», — сказал недавно лидер Советского Союза. Да, пока не возбраняется — пока еще нет специального щупа для обыскивания мозгов и извлечения из них всякой незалитованной мысли. Но и сейчас пища для мозга советского человека — книга, информация — должна быть пастеризованной на предмет уничтожения бактерии сомнения и независимости. А результаты «дозволенных» размышлений, ума холодных наблюдений и сердца горестных замет пополнят пухлое досье в хранилищах КГБ, а скорее всего будут просто уничтожены.

25 мая 1977 г.

Иркутская область, поселок Чуна Лариса Богораз, Анатолий Марченко

Открытое письмо делегатам ежегодного съезда АФТ-КПП

Уважаемые участники съезда! Я узнал по зарубежному радио, что приглашен вами в качестве гостя. Благодарю вас за приглашение. Я не смог его реализовать, так как даже не получил его. Один из приглашенных вместе со мной — Владимир Борисов — имел приглашение, но не получил выездной визы. Ему сказали, что он «никого не представляет».

Недавно у вас в США побывали наши граждане, приглашенные американским Национальным комитетом профсоюзных действий за демократию. У них вначале были сложности с визой на въезд в США, но разрешение советских властей на выезд они получили беспрепятственно. Кого же они представляют? Металлургов, учителей, вообще широкие профсоюзные массы? Нет, они являются глазами, ушами и рупором нашей государственной власти.

Они сообщили нам о бедственном положении одной работницы-негритянки; о том, что американские учителя бьют детей, а некоторые выпускники американской школы не умеют читать; о том, что в американской шахте плохая техника безопасности и что американские рабочие дружелюбно относятся к СССР. Вот и все их впечатления от двухнедельной поездки по США.

Сколько зарабатывает эта бедная женщина, что она может купить на свой заработок? Учатся ли ее пятеро детей, на какие средства она их лечит? Где, как, в каких школах учила Америка своих ученых, год за годом забирающих почти все Нобелевские премии, — уж не малограмотны ли они? Каков же травматизм на американской шахте? Ничего конкретного, только общая мрачная картина.

Если бы Семенова была у вас не как представитель, она, возможно, поделилась бы с вашими учителями тем, что и в нашей школе низок общий образовательный уровень — я знаю немало малограмотных людей, недавно окончивших наши школы. А шахтер Гаценко, может быть, рассказал бы о систематической у нас практике, когда производственные травмы не регистрируются, чтобы не портить статистику и не лишать премии цех или бригаду. Но наши представители, судя по газетному отчету, не увидели ни одного положительного примера в жизни трудовой Америки, а вас обогатили информацией лишь о том, что мы ходим в ботинках и что наши женщины пользуются

косметикой.

Репортаж об их поездке публикуется под рубрикой «Летопись разрядки» — вероятно, имеется в виду, что теперь вы и мы, американские и советские трудящиеся, лучше знаем друг друга. Но то же самое об Америке мы читали и тридцать лет назад, в худшие годы «холодной войны».

Если бы я мог посетить Америку, я не только продемонстрировал бы свои ботинки, но и сообщил бы, что уплатил за них пятую часть зарплаты. Я рассказал бы, каково у нас содержание понятия «всеобщая занятость» и что, кроме косметики, заботит трудящихся. При этом я опирался бы на недавний собственный опыт работы на лесозаготовительном комбинате в сибирском поселке Чуна. Этот опыт достаточно характерен для нашей системы производства и не противоречит официальной статистике.

Я не смог приехать к вам не по вашей и не по своей вине. Хотелось бы, чтобы мое короткое выступление все же прозвучало на вашем съезде. Итак, о жизни рабочих в сибирском поселке Чуна. Я не берусь, конечно, охватить все стороны этой жизни, коснусь только трех вопросов.

Средний заработок наших рабочих приблизительно на уровне официального среднего заработка по стране, то есть рублей 160 в месяц. Как рабочему достаются эти деньги? В сушильном отделении сортировка и укладка досок производится только вручную. На этой работе заняты в основном женщины. С лесозавода поступают сырые доски длиной 5 м, толщина их от 19 до 60 мм. Нормы выработки на человека (будь то мужчина или женщина) — от 10 до 17 кубометров в смену, расценки — от 23 до 42 копеек за кубометр. Таким образом, за смену рабочий заработает не более 4 рублей, или не более 120 рублей в месяц. К ним добавляется «коэффициент за дальность» — 20 % от заработка; при перевыполнении плана (выработке более 400 кубов в месяц на человека) платят премиальные. Вот все это кое-как дотягивает рублей до 160 в месяц. Эта оплата не является гарантированной. Во-первых, из-за плохой организации труда выполнение плана совсем не зависит от самого рабочего. Во-вторых, премиальные начисляют лишь при выполнении месячного плана всем отделением или цехом, а не каждому рабочему. А отделение может не выполнить план по тысяче причин, тоже не зависящих от рабочего. Чтобы выполнить план и получить премиальные, в конце месяца приходится работать не установленные законом 7–8 часов, а две смены подряд, и даже в выходные дни. Эти часы не регистрируются и не оплачиваются как сверхурочные. Руководство профсоюза вместе с

администрацией организует эти незаконные дополнительные рабочие смены. Так происходит потому, что профсоюз охраняет не интересы рабочих, а интересы государства, и выполнение плана — главный показатель его работы.

Я не захотел выходить на дополнительные смены — и меня по решению профкома и завкома уволили с завода «за нарушение трудовой дисциплины».

Рабочие сушилки работают в любую погоду под открытым небом, то есть зимой при морозах ниже сорока градусов. За работу на морозе законом предусмотрена дополнительная оплата — так называемый морозный коэффициент. Но у нас их не платят — с ведома и согласия профсоюза.

Нередко вес досок превышает установленный для женщин или подростков предел тяжести. Подростков ставят работать в паре со взрослыми, то есть наравне с ними. Я отказался работать с подростком, и начальник цеха в наказание перевел меня на другую работу.

В поселке много приезжих, например с Украины; дорога туда и обратно занимает 12–14 дней. Оплаченный отпуск у большинства рабочих завода — 15 рабочих дней. Родственники годами не могут повидаться.

Весь завод, кроме сушилки, работает в две смены. На двухсменной работе оказываются и женщины, имеющие маленьких детей (а таких на заводе очень много). Все детские сады и ясли в Чуне — только дневные. Чтобы не оставлять детей одних, супруги устраиваются работать в разные смены; видятся они только по выходным. Еще хуже матерям-одиночкам: они вынуждены оставлять вечерами маленьких детей совсем без присмотра. Моя знакомая рассказывает, что ее дети (семи и десяти лет) не спят, пока она не вернется со второй смены, то есть до двух часов ночи.

Женщины идут на эти условия труда, так как семья не может прожить на один средний заработок (кстати, наша статистика умалчивает о прожиточном минимуме в стране).

Можно ли семье прожить на 160 рублей в месяц? На эти деньги можно купить: полтора приличных костюма; или одну треть черно-белого телевизора; или один билет на самолет от Чуны до Москвы и обратно; или два колеса к малолитражному автомобилю «Москвич»; или 3–5 детских шубок.

Килограмм мяса в магазине стоит 2 рубля; килограмм сушеных фруктов для компота — 1 р. 60 к.; молоко — 28 к. за литр; яйца — от 90 к. до 1 р. 30 к. десяток; сливочное масло — 3 р. 60 к. Но в магазинах чаще всего ничего этого нет. Если удается купить что-нибудь у частника, то надо переплачивать почти

вдвое: килограмм свинины — 4 р., молоко — 40 к. литр.

Исходя из этого вы сами можете определить, какую часть прожиточного минимума семьи составляет наш средний заработок. У нас нет безработицы, но средний заработок работающего человека, вероятно, меньше, чем у вас пособие по безработице.

Считается, что у нас самое дешевое в мире жилье: квартплата составляет восьмую-десятую часть среднего заработка. Мой знакомый платит за квартиру 17 р. в месяц. Он с женой, две работающие дочери и сын-старшеклассник живут в квартире из двух смежных комнат (16 и 12 кв. м) с крохотным — едва протиснуться — коридорчиком, такой же кухонькой и совмещенным санузлом. Их многоквартирный дом имеет удобства: центральное отопление, электроплиту на кухне, горячую и холодную воду и канализацию. Это максимум известных у нас удобств.

В таких домах живет приблизительно четверть чунского населения. Половина двухэтажных 16-квартирных домов не имеет никаких удобств: общие уборные в виде холодных дощатых будок во дворе, вода — в уличной колонке, печное отопление. Остальные жители поселка живут в собственных или казенных домиках тоже, конечно, без всяких удобств, часто и вода не в колонке, а в колодце с ручным воротом, за несколько сот метров от дома. У нас нет определения, какое жилище считается трущобой, непригодной для обитания. Раз люди там живут — значит, годится. Такое жилье обеспечено нам и в XXI веке: «В десятой пятилетке планируется ввести в эксплуатацию… более 60 % благоустроенного жилья с отоплением, водопроводом, канализацией». Это из доклада председателя Чунского райисполкома Г.М. Кривенко на восьмой сессии райсовета (Коммунистический путь. 1977. 28 августа).

Значит, остальные 40 % так и будут пользоваться дощатой уборной на 40-градусном морозе.

Неизвестно, какая часть нашего народа обеспечена хотя бы таким жильем. В Чуне семьи ждут квартир годами — а пока снимают у частников что придется: летнюю кухню во дворе, баню, комнату или угол в комнате вместе с хозяевами. И плата тут вовсе не символическая: за комнатушку в 6 кв. м платят 10 р.; а в Москве плата за квартиру из одной комнаты доходит до 50–60 рублей в месяц.

Все граждане у нас имеют равные права — в том числе и на жизненные блага. Но вот недавно из статьи первого секретаря Минского горкома КПСС Бартошевича я узнал, что среди равных есть самые равные, кому эти блага принадлежат в первую

очередь. На практике я это и так знаю. Каждый день я прохожу по улице Щорса. По одной стороне улицы — современные особняки с большими окнами, конечно, со всеми удобствами и с телефоном. В них живет районное и заводское начальство, и у них не по пять метров жилья на человека, как у моего знакомого шофера. Жители противоположной стороны улицы везут саночки с бидонами к ближней колонке, и каждый двор там украшен коллективным сортиром. Видно, канализационных и водопроводных труб на всех не хватило.

Если кто-нибудь из особенно равных захворает — лечение ему обеспечено тоже особенное. Будут и место в отдельной палате, и дефицитные лекарства, и питание не на полтинник в день, как для любого рядового больного.

Они разве только понаслышке знают, есть ли в магазинах мясо или молоко. Все нужное им доставляют на дом, и для них всегда все есть — от продуктов до книг.

Таким образом, принцип оплаты по труду превратился в принцип распределения по услугам государству, по месту в государственной иерархии. Иерархичность пронизывает все наше общество. При постоянной нехватке самого необходимого этот принцип доходит до смешного. В нашем поселке существует еще несколько систем снабжения, кроме снабжения начальства. Лесорубам продают полушубки, а остальным жителям сибирского поселка — только если останутся. Сегодня в магазин для работников БАМа привезли яйца; заводским рабочим выдают только тушенку — выдают прямо на заводе, чтобы не словчили получить посторонние. Пенсионеры не получат ни того, ни другого.

Полушубок можно заменить телогрейкой; но ребенку яйцо картошкой не заменишь.

В женском общежитии на БАМе «нет самого необходимого: кухонного стола, ковриков над кроватями, шкафа для белья. Спят девчата, укрывшись одеялами без пододеяльников. Их, оказывается, не только в этом, но и в других общежитиях нет, если не считать нескольких комплектов.

— Их мы выдаем лишь примерным жильцам. Тем, кто хорошо себя ведет, — пояснил начальник ЖКО А.Я. Остролуцкий».

Последний пример я взял из районной газеты «Коммунистический путь» от 7 мая 1977 г.

Итак, принцип иерархического распределения благ распространяется на все: от простыней до коттеджей с туалетной бумагой.

Такое положение трудящегося населения нашей огромной страны возможно лишь потому, что мы совершенно бесправны в

своем доме. В СССР администрация, профсоюз, органы власти и репрессивные органы — все это звенья одной цепи, прочно сковывающей наш народ. Все организации, включая церковь, подконтрольны небольшой группе правителей и подчинены ей. Пусть опыт наших шестидесяти лет послужит предостережением другим народам.

Я могу понять тех американцев, которые не удовлетворены политическим, социальным или даже экономическим положением в своей стране. Я сочувствую их стремлению к лучшей жизни. Но когда я читаю восторженные корреспонденции ваших соотечественников о моей стране — мне хочется обратиться к ним со словами из нашей современной песни: «Если это вам завидно, можете прийти и рядом сесть». Рядом с моей печкой, рядом — на кровати без простыни, рядом — в общественном сортире (желательно зимой).

Я приглашаю к себе в гости в Чуну господ Майка Дэвидова, Гэса Холла и кого угодно еще вместе с их семьями. Если они согласятся, я буду оформлять для них официальное приглашение. Я приглашаю также любого делегата вашего съезда, кто согласен посетить меня, и прошу вас сообщить мне его имя для оформления официального приглашения.

Прошу принять мое приветствие съезду и хочу пожелать вам всем успешной деятельности на благо американских трудящихся, во имя дальнейшего процветания Соединенных Штатов.

пос. Чуна Иркутской обл., ул. Чапаева, д. 18

Марченко А., 1 декабря 1977 г.

Выступление перед американскими издателями

Уважаемые господа, устроители этой встречи!

Благодарю вас за эту встречу, осуществленную по вашей инициативе и вашими усилиями[22]. Вместе с тем я хочу принести вам свои извинения за свою страну, за всех нас. Вместо того чтобы принять вас с русским гостеприимством, советские власти производят выбраковку гостей по экстерьеру и по уровню дрессировки, как на собачьей выставке; демонстрацию достижений в области духовной культуры они превращают в соревнования по выполнению команд: «сидеть!», «к ноге!». Плоды вашего труда уничтожают, вас, милостиво допущенных на книжную ярмарку, называют при этом пропагандистами фашистской идеологии. Это все делается не персонально от имени Брежнева или Стукалина — это делается от имени страны, то есть и от моего тоже. Поэтому мне стыдно и за страну, и за себя самого.

Я слышал по «Голосу Америки», что вы оскорблены таким приемом, что некоторые из тех, кто собирался приехать, отказались от поездки, а вы, здесь находящиеся, обсуждали, не уехать ли вам из страны, унижающей достоинство человека. Вы решили на этот раз перенести унижение — ради граждан страны, непричастных к официальному хамству; вы не захотели конфликт с властями рассматривать как конфликт с народом. Вы отделяете государственную власть от людей под ней. Среди моих друзей есть такие, кто солидарен с вами. Мы ведь сами отделяем себя от «них», то есть от официальных лиц. «Они», а не мы, сажали и сажают писателей в лагеря, изгоняют из страны; «они» разваливают экономику в угоду идеологии; это «они» не впустили в страну ваших коллег и применили идеологическую цензуру к вашим работам. Мы-то тут при чем?

Но я не могу и не хочу считать себя непричастным, не несущим ответственности. Сегодня еще ничего: издателей оскорбили и унизили, книги конфисковали — такую вину еще можно, как говорится, «переморгать». Ну а когда советские танки вошли в Прагу — это тоже «они», а мы не виноваты? А если меня погонят устанавливать советский социализм в Югославию или в ФРГ — тоже я буду ни при чем? «Как славно быть ни в чем не виноватым…»

Я думаю, что каждый советский человек несет свою долю ответственности за свою страну. И все мы — участники грубого

оскорбления, нанесенного американским издателям, и не стоило ради нас оставлять это без последствий. Я солидарен с теми вашими коллегами, которые на оскорбление ответили отказом приехать на ярмарку. Я пришел, чтобы сказать это вам, и прошу вас передать мое приветствие вашим коллегам, которых здесь нет.

Я хочу воспользоваться случаем и сказать еще несколько слов на ту же тему — о контактах.

Много лет нет железного занавеса, много лет группы и ассоциации американских граждан участвуют в различных контактах с советской стороной — в торговых, культурных, научных и др. Достаточно лет, чтобы «лучше знать друг друга». Ну и что же мы взаимно знаем? Американцы полагают, что собеседуют с коллегами — математиками, биологами, психиатрами, издательскими работниками, но забывают, что это все уполномоченные государства. Вот смотрите: на международный конгресс общественных и политических наук не был допущен доктор Лернер — кто из советских коллег поддержал требование западных ученых, чтобы его допустили? Никто. А вы говорите — «коллеги»!

Советский писатель приезжает к вам в гости как «такой-то, независимый, авангардист и т. д.», представитель русской культуры. А на самом деле он, как ни крути, представитель Союза советских писателей, довольно единодушно выбросившего из себя Солженицына, Владимова, Войновича, Лидию Чуковскую, Льва Копелева. И правдивые впечатления об Америке он сообщит в лучшем случае друзьям за домашним столом. А 260 миллионов от этого свободного обмена идей получат шиш! Для них сойдет и стряпня Стуруа или Андронова — с сильным душком, по рецептам «холодной войны».

Такого рода контакты, санкционированные и контролируемые советскими властями, неизбежно несут на себе отпечаток фальши, метят ею всех участников с обеих сторон. В этом вы сами могли недавно убедиться.

Может показаться, что здесь, в этом зале, собрались люди, обладающие разной степенью личной свободы. Одни — граждане свободного мира — могут, например, поехать, куда сами захотят.

Другим для дальних путешествий требуется получить от властей толчок в заданном направлении. Третьи расстояние в сто километров одолевают, петляя, как зайцы, преследуемые гончими псами. (Это я говорю о себе самом: едва я получил приглашение на этот прием, как мне на дом принесли другое приглашение — явиться в прокуратуру города Владимира как раз в день приема, то есть сегодня. Я не счел это совпадение случайным. У

прокуратуры сейчас ко мне нет никаких дел, кроме одного: помешать сегодня быть здесь. Как преступник, ночью я прокрался из дому, кружными путями проник в Москву, скрылся до вечера у друзей — «и вот я здесь, я с вами», как поется в песне Юлия Кима. Эта детская игра в сыщики-разбойники мне ни к чему, я сейчас не ограничен в праве на передвижение; но приходится считаться с реальностью и учитывать ее.) Приглашенный вами Иван Светличный не имеет и такой возможности попасть на эту встречу, так как он находится в ссылке. Но это различие в степени внешней свободы менее существенно, чем та внутренняя добровольная несвобода, которая, как прилипчивая болезнь, распространяется из нашей страны на весь мир. Вчера среди вас отделили «чистых» от «нечистых»; потом вам пришлось примириться с цензурированием ваших работ; завтра вам попытаются навязать самоцензуру: хотите контактов — не издавайте того-то и того-то.

Я просто напоминаю вам об опасности: компромиссы, может, и необходимы при общении, но только не в вопросах совести и достоинства.

Я хочу, чтобы меня поняли правильно. Конечно, я не против культурных контактов, мне они нужнее, чем советским властям. Им они нужны для престижа и для денег, а для меня они представляют самостоятельную ценность.

Сегодняшняя встреча, хотя и омрачена оскорбительными действиями наших властей, свидетельствует о значительном прогрессе в области контактов: лет двадцать пять назад американские издатели и не знали бы о существовании многих здесь присутствующих авторов; а тридцать лет назад не меньше половины из нас имели шанс встретиться километров на 500 севернее «Арагви» в менее комфортабельных условиях. Так что, как поет тот же Ким, «прогресс, ребята, движется куда-то понемногу, ну, и слава богу!».

Но вспомним, что этот прогресс не сам собой возник, не дарован нам из милости. Он достигнут ценой людских судеб и жизней — назову лишь некоторых: погибших в заключении Юрия Галанскова и Гелия Снигирева, умерших в изгнании Аркадия Белинкова, Анатолия Якобсона, Александра Галича. Во имя этого прогресса многие деятели русской культуры принесли высокую жертву — навечно разлучились с родиной.

Этот прогресс не был бы достигнут без сочувствия и содействия со стороны Запада — содействия, основанного не на компромиссах, а на бескомпромиссной нравственной позиции.

Мне кажется, что для того, чтобы дальнейшее развитие шло в том же направлении, к достижению настоящего взаимопонимания

и сотрудничества, — для этого надо опираться на опыт прошедших лет.

Анатолий Марченко

Письмо А.Д. Сахарову

Андрей Дмитрии!

Во-первых, прошу прощения, что таким вот образом обращаюсь к Вам. Мне всегда кажется, что любое обращение к Вам, любое упоминание Вашего имени кем бы то ни было и в связи с чем бы то ни было выглядит в глазах окружающих не чем другим, а только манией величия. Во всяком случае, я всегда ощущаю именно это чувство, когда мне приходится или хочется обратиться к Вам или назвать Вас по имени. Именно поэтому я к Вам и обращаюсь таким вот образом — Андрей Дмитрии! Всякие: дорогой, уважаемый, милый — все это не то, все это совсем другое.

Подобные высказывания о здравствующем человеке могут создать неправильное представление об авторе этого письма. Со стороны можно подумать, что автор создал себе живого идола, Божество и поклоняется им. В каком-то смысле это так и есть. Именно в каком-то.

Я не во всем согласен с Вами. Есть вопросы, по которым у меня совершенно противоположное мнение с Вашим. И я никогда не был Вашим безоговорочным сторонником, Вашим единомышленником во всем. Но не это главное. Для ясности назову пример: в 1967 году при знакомстве с Вашей работой, где Вы упоминали войну во Вьетнаме, я не был согласен с вами в том, что главную ответственность за трагедию вьетнамского народа несут США. И сегодня, спустя десять с лишним лет, я не во всем согласен с вами. Но это действительно не главное.

А главное в том, на мой взгляд, что Вы живете лет на сто, если не на тысячу, вперед своих современников. Под современниками я понимаю не только наших сегодняшних современников-соотече-ственников, но и вообще нынешнее человечество в целом.

Трагедия это или триумф? Для Вас и для человечества — сегодняшнего? Если человеку суждено выжить, если он окажется достоин своего предназначения быть высшим существом на нашей маленькой планете и он доживет до того времени, когда исчезнут не только войны, но и сами государства и их границы, когда на всякое насилие над личностью будут смотреть как на аномалию человеческого общежития, как мы, к примеру, смотрим сегодня осуждающе на религиозные войны древности, эти-то счастливые люди, имея в виду Вас, изумленно будут говорить: «И тогда были Люди…»

Если бы я был человеком верующим, я бы кончил это письмо

к Вам пожеланием: «Да поможет Вам Бог!»

Но я, как и большинство моих современников, неверующий.

Но я, как и большинство моих современников, и не атеист.

Да не коснется Вас озлобление и отчаяние!

Открытое письмо академику Капице П.Л

Уважаемый Петр Леонидович!

Обратиться к Вам с этим письмом заставили меня последние акции советских властей против академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Это преступление совершается открыто перед всем миром, и мир негодует. Только в нашем отечестве, которое должно было бы больнее всех и раньше всех испытать чувство позора за содеянное, не слышно возмущения и протеста. Я не сомневаюсь в том, что ни один человек, кто хоть как-то знаком с Андреем Дмитриевичем, не верит всему тому, что о нем распускают средства массовой информации. Так почему же все молчат! Неужели все объясняется обыкновенной человеческой трусостью? Неужели мы действительно достойны своего правительства?

Конечно, я понимаю, что Вы не указ этому правительству. Но я убежден также и в том, что активный протест такого известного и авторитетного ученого, как Вы, может оказать положительное влияние в «деле Сахарова».

Ваше личное знакомство с Андреем Дмитриевичем освобождает меня от необходимости говорить в этом письме о роли и значении его для нашего оживающего общества, а также о его безупречных нравственных качествах как человека и гражданина. Но хоть я и не любитель громких слов, заранее признаюсь, что когда речь будет идти об Андрее Дмитриевиче — мне не удержаться и от них. Пожалуйста, Петр Леонидович, не относите это к стилю письма автора, а полностью к степени его уважения к Андрею Дмитриевичу. Даже Герцен говорит о таких людях высоким слогом: «Появление людей, протестующих против общественной неволи и неволи совести, — не новость; они являлись обличителями и пророками во всех сколько-нибудь назревших цивилизациях, особенно когда они старели. Это высший предел, перехватывающая личность, явление исключительное и редкое, как гений, как красота, как необыкновенный голос».

Я считаю, что Андрей Дмитриевич Сахаров — явление великое и вышедшее за национальные рамки. Он перерос то предназначение, которое уготовано каждому человеку на Земле. Мне кажется, что его уже нельзя ни охаять, ни похвалить. Каким бы ни оказался жизненный финиш Андрея Дмитриевича — его уже никто не в состоянии вычеркнуть из истории, куда он вошел как великий сын своего народа. Это мое мнение об Андрее Дмитриевиче, это понимание его не давало мне откликнуться

сразу на происшедшее с ним в последнее время. У меня такое ощущение, что вступиться за него (как и выступить в поддержку «справедливого» решения правительства) — значит примазаться к великому человеку, быть причастным к истории.

Но почему молчите Вы — достойный и уважаемый ученый с мировым именем? Пусть даже Вас не оскорбляет вонючая клевета о самом Андрее Дмитриевиче — но неужели не оскорбительна Вам, Нобелевскому лауреату, интерпретация Нобелевской премии как подачки за антисоветскую деятельность?

Для человека, следящего за делом А.Д. Сахарова, естественен и такой вопрос: почему за советского академика вступаются виднейшие ученые Запада и в то же время ни единого протеста из среды советских академиков? Неужели вся западная ученая мысль состоит на службе у ЦРУ? Или она состоит из недоумков, не способных подняться хотя бы до уровня интеллекта «студентов МВТУ имени Баумана»?

Не нужно быть историком, чтобы уяснить, что советское государство никогда не смотрело на своих подданных как на полноценных разумных существ. Это относится в равной степени к дворнику и к ученому с мировым именем. Это государство всесильно и может себе позволить все по отношению к подданным. И нет ничего беспрецедентного или необычно-неожиданного в действиях властей против А.Д. Сахарова. Разве что на этот раз жертвой стал Нобелевский лауреат. Но это как раз и подтверждает сказанное мной выше. То есть что и Нобелевских лауреатов можно «перевоспитывать» или «ликвидировать».

Некоторое знакомство с Вашей биографией и научной судьбой избавляет меня от необходимости подробно остановиться здесь на вопросе нашего еще недавнего жуткого прошлого. Но коротко и кое о чем я все же скажу.

Почему многие из тех, чьи имена сегодня составляют гордость нашей науки, техники и культуры, были уничтожены тем самым государством, которому служили? Виновно не только само это государство насилия, но и его подданные, его жертвы. Каждый дрожал только за собственную шкуру. Лишь единицам хватало отваги вступиться за обреченных.

Позорно повторяться в том же духе.

И тем более непонятно мне: в те, повторяю, жуткие времена Вы спасли от лагеря и возможной смерти физика Ландау. Тогда вряд ли Вы были уверены в благополучном результате и для Ландау, и для себя самого. Но это Вас не остановило тогда. И рисковали Вы не чем-нибудь, а головой. И не только своей собственной, но и головами и судьбами близких. Положения хуже не придумаешь.

А сегодня… Я знаю людей, кто достойно прошел через Колыму, Воркуту и прочие подобные места в 30-40-50-х годах, но не сумел сохранить это достоинство на воле в уже почти либеральное наше время.

Из известных имен достаточно вспомнить В. Шаламова: не только достойно жил — и, к счастью, выжил — на Колыме, но и создал нерукотворный памятник ее жертвам — «Колымские рассказы». А в 70-е годы отрекся от них: «Проблематика „Колымских рассказов'* снята жизнью»! Предал себя, предал дело своей жизни, предал сотни, нет, тысячи мучеников… Чего ради? Не могу понять. Говорят, его поманили публикацией сборника его стихов.

Геолог Братцев — ныне членкор АН — в 30-е годы осваивал Воркуту в качестве вольнонаемного, но все его сотрудники были заключенные. Тогда он вел себя абсолютно порядочно, а по тем временам — отважно: передавал на волю письма, привозил коллегам-заключенным продукты. Зато теперь (несколько лет назад) на каких-то юбилейных торжествах, передававшихся по телевидению, произнес речь о том, как энтузиасты-комсомольцы покоряли воркутинскую тундру. Ведь мог не выступить, ничем не рисковал! Но тогда юбилей Воркуты (одно словосочетание чего стоит!) праздновался бы без Братцева — как можно!

Простите, Петр Леонидович, но мне придется сейчас поставить Ваше имя в ряд с Шаламовым и Братцевым; более того — с Блохиным.

Недавно по телевидению показывали фильм о Вас. Хороший фильм, благородный, культурный, Вы произносите в нем немало мудрых и остроумных фраз. И даже есть в нем намек — правда, понятный лишь осведомленному человеку — на тяжелый период в Вашей жизни, впрочем, слава богу, миновавший без следа (так трактует фильм). Казалось бы, радоваться надо, что телевидение прославляет и популяризирует такого человека, как Вы, а не Овчинникова или Федорова. Но мне было стыдно за Вас.

Фильм, посвященный Нобелевскому лауреату П.Л. Капице, демонстрировался как раз в те дни, когда Нобелевского лауреата А.Д. Сахарова схватили, вышвырнули из дома, из Москвы, из института П.Л.Капицы. Снимали-то Вас, я понимаю, не в это время, но ведь о передаче сообщили же?

Вы-то понимаете, Петр Леонидович, что это одна банда орудует: одни пытаются заткнуть кляпом рот А.Д. Сахарову, другие в это время украшают фасад наилучше выполненным портретом П.Л.Капицы. И тогда третий академик, Блохин, с апломбом заявляет: «Всему миру известно, что Советское государство не только провозглашает, но и обеспечивает самый

полный и реальный комплекс прав гражданина социалистического общества». Не верите? Посмотрите, в каком почете Петр Леонидович!

Я не знаю Ваших взаимоотношений с А.Д. Сахаровым. Знаю, что Вы в свое время отказались участвовать в создании термоядерного оружия, а А.Д. Сахаров стал если и не «отцом советской водородной бомбы», то одним из ведущих ее создателей. Вы за свой принцип тогда сильно пострадали, а А.Д. Сахаров сделал блестящую карьеру ученого. В этой оппозиции я на Вашей стороне, хотя, возможно, мотивы у меня не совпадают с Вашими. А.Д. Сахаров тогда не только не заступился за Вас, но, поди, и не заметил Вашего насильственного выпадения из науки.

Можно считать, что теперь Вы с А.Д. Сахаровым квиты.

Но подумайте, Петр Леонидович, ведь у Андрея Дмитриевича тогда впереди было еще много времени для того, чтобы стать сегодняшним Сахаровым. Вам же, к сожалению, времени на это уже не отпущено. Как раз пора подумать о душе.

Если бы сегодня власти обошлись с Вами несправедливо — неужели А.Д. Сахаров остался бы в стороне? Убежден, что Вы сами не сомневаетесь в ответе на этот вопрос.

Конечно, Вы можете себя успокоить: мол, в отличие от других академиков, я не подписал ничего против А.Д. Сахарова и не подпишу. Действительно, многие академики в деле Сахарова показали себя мерзавцами. Но не с ними же Вам равняться, Петр Леонидович: с хорошего человека и спрос больше. Пусть другие равняются по таким, как Вы. Ну так дайте же достойный подражания пример своим сотрудникам, начинающим ученым, студентам.

Вы посмотрите, что они пишут, «студенты МВТУ им. Баумана»: «Мы… просим еще раз показать, как лжет Запад, защищая клеветника и отщепенца». «Еще раз»! Им мало! «Говори, дорогой, говори» — только наоборот.

Ну, с этими-то все ясно, эти нашли себе образцы в Академии помимо Вас. Но судьба других молодых людей, в том числе и Ваших учеников, зависит от Вашей сегодняшней позиции. Ситуация толкает молодежь к экстремизму, мне уже приходится слышать от молодых людей, что у нас в стране ничего другого не остается, как только бомбы кидать: насилию и жестокости властей можно противопоставить только то же самое. Расправа с А.Д. Сахаровым и другими нравственными оппозиционерами режиму при невмешательстве таких уважаемых людей, как Вы, в конце концов приведет к терроризму, и тогда все повторится сначала. И новый Кибальчич сделает выбор между наукой и пиротехникой в пользу последней.

Я совершенно убежден, что Ваше, Петр Леонидович, активное вмешательство в «дело Сахарова» реально могло бы изменить ситуацию в этом деле, повлиять в лучшую сторону на судьбу Андрея Дмитриевича — и вместе с тем на судьбы общественного развития России.

Какова может быть форма активного вмешательства — не мне решать. Я не академик, не ученый, не лауреат. «Уголовник-рецидивист» — так аттестовало меня АПН (и не поспоришь: пять судимостей, шестая уже обещана). Это звание я не потеряю ни при каких обстоятельствах, что бы ни написал, как бы ни выступил. Единственное, что я сейчас имею, это «свобода, бля, свобода, бля, свобода», которую рискую сменять «на нары, бля» и т. д. Мой выбор — другим не указ.

Однако же было время — российские академики выходили из Академии, профессора покидали университет. Но то была другая Академия, другая интеллигенция. Неужели советская Академия прославится в истории только активным или пассивным соучастием в уничтожении лучших сынов своего народа?

Соучаствовали — когда в Саратовской тюрьме умирал от голода ученый, отдавший весь свой талант борьбе с голодом на Земле, — академик Н.И. Вавилов.

Соучаствовали — когда был вытолкнут из науки, выброшен из созданного им института академик П.Л. Капица.

Соучаствуют — когда подлая мразь затыкает рот (и заламывает руки) академику А.Д. Сахарову, голосом которого заговорила было онемевшая Россия.

Ну, так не прав ли мудрейший из мудрых Владимир Ильич: «Интеллигенция — это не мозг нации, а говно»!

К счастью, не прав; наша интеллигенция имела Прянишникова и Капицу, имеет Сахарова, Орлова, Ковалева — а может быть, и Капицу не пора числить в прошедшем времени, Петр Леонидович? Золото, как говорится, и в говне блестит.

Зная Вашу занятость, я не претендую на ответ, да и письмо не личное.

С уважением, А.Т. Марченко

г. Карабаново, Владимирской обл.,

Александровского р-на, ул. Ленина, д. 43

1 марта 1980 г.

Обращение во время суда над А. Лавутом

Идет суд над Александром Лавутом.

То, что происходит на этом суде, как и на многих таких же, не имеет ровно никакого значения. Что показывают свидетели, что говорит прокурор, какие ходатайства отклонены, сколько раз нарушен закон — все это пустопорожние мелочи, ни на что не оказывающие влияния и потому не стоящие внимания. Для суда несущественно и то, что говорит сам подсудимый: если бы в этом процессе что-то значила правовая защита, то наилучшей позицией защиты явилась бы жизненная, гражданская позиция Александра Лавута, известная всем заинтересованным сторонам задолго до суда и до ареста; но она-то как раз и является причиной ареста.

Так что имеет значение только финал процесса — предрешенный приговор: сколько дали? лагерь или ссылка? Да и то еще не решает судьбу, потому что, как известно, теперь возобновлена практика «добавок» — новых сроков по новым обвинениям в лагере и ссылке. Кажется, в эти же дни судят в якутской ссылке Александра Подрабинека — судят для того, чтобы добавить срок, дать вместо ссылки лагерь.

Цель этих двух судебных процессов, и всех недавно прошедших, и предстоящих, и внесудебной расправы над Андреем Сахаровым — заветная цель отечественных властей — состоит в том, чтобы прекратилась общественная активность, уничтожилось Движение нравственного сопротивления в нашей стране. Еще одного изъять, еще одного унять, а другого купить — и восстановится вожделенная монолитность советского общества, тогда им можно будет манипулировать без помех. Мечта, достойная Угрюм-Бурчеева, и такая же недостижимая, как угрюм-бурчеевская мечта остановить течение реки.

Движение нравственного сопротивления — это не организация, которую можно разгромить; Лавут и Подрабинек, как и все другие, в том числе и Сахаров, — не ее руководители, идейные вдохновители или исполнители, чью деятельность можно пресечь. Нравственное сопротивление — это совокупность разных форм существования нашего начинающего жить общества — открытых и подпольных, активных и пассивных, публичных и внутренних, коллективных и индивидуальных. Всех форм, кроме одной: марионеточной, которая, к сожалению, одна только и признается властями.

Александр Лавут не марионетка, и форму своего гражданского, общественного существования определит он сам,

сообразуясь со своими внешними обстоятельствами. Для нас — его близких, его друзей, сослуживцев, для всех, кто его знает, — он остается примером гражданской нравственности в силу своих внутренних качеств. Этому его влиянию на общество, перманентному вкладу в фонд Движения нравственного сопротивления не станут препятствием ни ссылка, ни лагерь.

Лариса Богораз,
Анатолий Марченко
25 декабря 1980 г.

Документы разных лет

АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ
при исполнительном комитете
Карагандинского областного Совета народных депутатов
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ
от 3 августа 1978 г. М-87 Архивная копия 13 марта 1958 г.

ПРИГОВОР

Именем Казахской Советской Социалистической Республики

Нарсуд 2-го участка г. Сарань, Карагандинская область В составе председательствующего Дорджиева и народных заседателей Любовой и Цукановой при секретаре Асташенковой с участием прокурора адвоката рассмотрев в открытом судебном заседании пос. Чурбай-Нура дело по обвинению ЧЕХ Виктора Матвеевича 1939 года рождения, украинец, беспартийный, образование 10 кл., гр-во СССР, ранее со слов не судим; МАРЧЕНКО Анатолий Тихонович 1938 года рождения, уроженец г. Барабинск Новосибирской области, по национальности русский, беспартийный, образование 8 классов, гражданство СССР, со слов ранее не судим, за исключением за мелкое хулиганство; ПУДРИК Юрий Анатольевич, 1935 года рождения, уроженец с. Исакова Калининского района, Московской обл., по национальности русский, беспартийный, обр. 6 классов, ранее со слов не судим; САВЧЕНКО Виктор Григорьевич, 1939 года рождения, с. Фасовское Новогородского района Черниговской области, национальность украинец, чл. ВЛКСМ, образование 10 классов, ранее со слов не судим.

Обвиняются по ст. 74 ч. 2 УК.

Суд ознакомившись с материалами дела, заслушав объяснении обвиняемых и свидетелей

УСТАНОВИЛ:

Обвиняемые Чех Виктор Матвеевич, Марченко Анатолий Тихонович, Пудрик Юрий Анатольевич и Савченко Виктор Григорьевич 17-го января 1958 года будучи в нетрезвом состоянии зашли в женское общежитие учинили драку и выражались нецензурными словами в общественном месте. Это подтверждается свидетельскими показаниями и показаниями самих подсудимых. Тем самым подсудимые нарушили спокойствие проживающих в общежитии № 10, разбили окно.

Приговор в отношении Савченко Виктора Григорьевича вносится заочно на основании ст. 265-а УПК, так как последний, нарушив свою подписку о не выезде из с. Топар и сбежал куда

неизвестно.

Суд руководствуясь статьями 319–320 УПК

ПРИГОВОРИЛ:

САВЧЕНКО Виктора Григорьевича, ЧЕХ Виктора Матвеевича, МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича и ПУДРИК Юрия Анатольевича на основании ст. 74 ч. II УК РСФСР к 2-м годам ЗИТЛ каждого без поражения в правах.

Отбытие меры наказания осужденными исчислять со дня взятия под стражу 21.01.1958 года. Меру пресечения Савченко Виктора Григорьевича при задержании избрать содержание под стражей. Отбытие меры наказания исчислять со дня взятия его под стражу.

Приговор может быть обжалован в Облсуд в течение 5-ти суток через Нарсуд 2-го участка г. Сарани.

Нарсудья: подпись

Нарзаседатели: подпись, подпись

Основание: ф. 450 оп. 7 т. 129 л. 137

Директор архива: А.В. Ефременко

И.О. Зав. справочного стола: М.Ф. Назарова

Архивная справка по тюремному делу 1958–1959 годов

Мн 2

Копия

ОБЗОРНАЯ СПРАВКА

Личное тюремное дело № 485713 заведено на заключенного МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича, 1938 г.р., уроженца города Барабинска, Новосибирской области, русского, гражданина СССР, беспартийного, образование 8 классов, осужденного 13 марта 1958 года народным судом 2 участка города Сарани, Карагандинской области, по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы.

Марченко А.Т. отбывал наказание в Сарептском и Карабасском отделениях Карагандинского ИТЛ. Как видно из материалов личного дела, Марченко систематически отказывался от работы, нарушал режим содержания, за что подвергался административным наказаниям. На Марченко А.Т. были наложены следующие взыскания:

6 июля 1958 г. — строгий выговор за отказ от работы;

7 июля 1958 г. — лишен права переписки на 1 месяц за отказ от работы;

28 июля 1958 г. — водворен в штрафной изолятор сроком на 5 суток с выводом на работу за отказ от работы;

8 октября 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 5 суток с выводом на работу за отказ от работы, разложенческую агитацию и угрозы бригадиру;

14 октября 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 7 суток без вывода на работу за избиение бригадира Богославского;

30 октября 1958 г. по постановлению, санкционированному прокурором, лишен 71 зачетного дня;

5 ноября 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 7 суток без вывода на работу за отказ от работы;

13 ноября 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 7 суток без вывода на работу за отказ от работы;

19 ноября 1958 г. Марченко А.Т. назначен по постановлению строгий режим содержания;

21 ноября 1958 года объявлен выговор за отказ от работы;

26 ноября 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 5 суток без вывода на работу за отказ от работы;

2 декабря 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 5 суток без вывода на работу за отказ от работы;

10 декабря 1958 г. водворен в штрафной изолятор на 7 суток без вывода на работу за отказ от работы;

29 декабря 1958 года объявлен строгий выговор за отказ от работы;

9 июня 1959 года водворен в штрафной изолятор на 5 суток с выводом на работу за отказ от работы;

30 сентября 1959 года водворен в штрафной изолятор на 5 суток с выводом на работу за нарушение режима;

7 октября 1959 г. за отказ от работы переведен на пониженное питание сроком на 15 суток; 6 ноября 1959 г. водворен в штрафной изолятор на 3 суток без вывода на работу за отказ от работы;

24 ноября 1959 г. водворен в штрафной изолятор на 5 суток без вывода на работу за отказ от работы.

Приказом № 66 от 13 августа 1959 г. взыскания от 8 октября и 5 ноября 1958 г. были сняты «За добросовестное отношение к труду и хорошее поведение в быту» в дальнейшем. Кроме того, в деле имеется выписка из приказа (номер не указан) от сентября 1958 года (без точной даты), из которой видно, что з/к Марченко была объявлена благодарность «За хорошую работу и примерное поведение».

16 декабря 1959 г. состоялось заседание Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по Карагандинской области. В выписке из протокола этой комиссии указано, что «учитывая первую судимость» Марченко А.Т. из-под стражи досрочно освободить, со снятием судимости.

18 декабря 1959 года Марченко А.Т. выдана справка КБ № 79228 об освобождении из лагеря.

В деле имеются фотокарточки Марченко А.Т. Изъятая при личном обыске фотокарточка Марченко А.Т. (в распахнутом бушлате и нижнем белье) тождественна фотокарточке, приклеенной к справке КБ № 79228 об освобождении из лагеря.

В деле имеется переписка заключенного Марченко с отделением милиции города Сарани о возвращении ему личных документов, изъятых при задержании 18 января 1958 года. Однако в милиции г. Сарани личных документов з/к Марченко не оказалось. Личное дело № 485713 на заключенного Марченко А.Т. хранится в Карагандинской ИТК.

Ст. следователь следотдела КГБ при СМ ТССР

капитан (Щукин)

17 декабря 1960 г., Ашхабад

Подлинник находится в архивном уголовном деле № 113675 по обвинению Марченко А.Т.

Копия верна:

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области
капитан М.А. Кривов

Приговор 1961 года

Копия

ПРИГОВОР

Именем Туркменской Советской Социалистической Республики Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда ТССР в составе председательствующего ПИРЛИЕВА Х. народных заседателей ГЕЛЬДЫЕВА А. и УМАНСКОЙ П. при секретаре КОРОЛЕВОЙ Т.И. с участием прокурора БАРАТОВА С.З. и адвоката ДУДНИКОВОЙ А.А. и АЛХАСЬЯНЦ С.

рассмотрев в закрытом судебном заседании в городе Ашхабаде 2–3 марта 1961 года Дело по обвинению 1. Марченко Анатолия Тихоновича, 1938 года рождения, уроженец г. Барабинска Новосибирской области, русский, беспартийный, холостой, образование 8 классов, гражданин СССР, судим 13 марта 1958 г. по ст. 74 ч. II УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, освобожден досрочно со снятием судимости 18 декабря 1959 года, в преступлении, предусмотренном ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления;

2. Будровского Анатолия Ивановича, 1942 года рождения, уроженец станции Могоча, Чернышевского района, Читинской области, русский, беспартийный, холостой, образование 6 классов, гражданин СССР, судим 14 октября 1958 года по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 8 годам лишения свободы, освобожден досрочно 25 января 1960 года с заменой неотбытой части наказания условным осуждением на 2 года, в преступлении, предусмотренном ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

Суд, выслушав показания подсудимых до последнего слова, прения сторон, а также проверив материалы дела, считает установленным, что Марченко Анатолий Тихонович, будучи враждебно настроенным к советскому строю, вынашивал изменнические намерения.

В сентябре 1960 года он для осуществления своих изменнических намерений уволился из экспедиции, производящей работы секретного характера на Дальнем Востоке, и выехал в Среднюю Азию.

В поезде он познакомился с подсудимым Будровским

Анатолием Ивановичем, который также ехал в Среднюю Азию и вместе с ним прибыл в Туркмению. Во время пребывания в Туркменской ССР подсудимый Марченко, прикрываясь поисками работы, изучил возможность побега в Иран и оказал в этом влияние на Будровского. Последний также принял решение вместе с Марченко совершить побег в Иран.

В конце октября 1960 г., находясь в г. Мары ТССР, подсудимый Марченко по приобретенной им карте-схеме железных дорог СССР избрал наиболее подходящий участок для перехода границы в районе станции Бахарден.

Прибыв вместе с Будровским по железной дороге в Бахарден, оттуда направился вместе с Будровским в сторону государственной границы СССР с Ираном. В пути следования к границе Марченко уничтожил свой паспорт, военный билет и трудовую книжку.

30 октября 1960 года после перехода контрольно-следовой полосы, полагая, что он находится на территории Ирана, заявил Будровскому, что целью его перехода в Иран является установление там связи с американской разведкой для проведения враждебной Советскому Союзу работы.

Как подтвердил на суде Будровский, подсудимый Марченко до этого также высказывал свое враждебное отношение, недовольство к советскому строю.

31 октября 1960 года примерно в 16 часов местного времени на территории Янги-Калинского сельсовета Геок-Тепинского района в 400 метрах от государственной границы с Ираном были задержаны подсудимые Марченко и Будровский.

Подсудимый Марченко вину свою в том, что пытался бежать за границу, признал, как на предварительном следствии, так и в судебном заседании, однако свои изменнические намерения и враждебное отношение отрицает, сославшись, что он пытался бежать в Иран только лишь из любопытства.

Показания Будровского в отношении его являются неправдоподобными.

Подсудимый Будровский Анатолий Иванович вину свою в попытке нелегального перехода государственной границы СССР с Ираном признал полностью и показал на суде, что инициатором этого преступления является подсудимый Марченко, он высказывал мнение о нарушении границы, с которым согласился Будровский, а в Среднюю Азию из Иркутска ехал с целью устроиться на работу.

Преступление подсудимого Марченко органами предварительного расследования по ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 1 Закона

об уголовной ответственности за государственные преступления квалифицировано правильно, также правильно квалифицировано по ст. 15 названных Основ и ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления преступление Будровского.

При определении меры наказания суд принимает во внимание, что Марченко с 17 лет был оторван от своих родителей, которые не проявляли о нем никакой заботы, а также отсутствие тяжких последствий преступления и его молодость. Суд считает возможным, применив ст. 37 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, определить Марченко наказание ниже низшего предела, предусмотренного ст. 1 вышеназванного Закона.

Учитывая чистосердечное признание своей вины и молодость Будровского, суд считает возможным определить ему минимальную меру наказания.

В силу изложенного и руководствуясь ст. ст. 138, 139, 140 УПК ТССР,

Суд приговорил:

1. Марченко Анатолия Тихоновича на основании ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления с применением ст. 37 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик подвергнуть к 6 (шести) годам лишения свободы, без конфискации имущества, за отсутствием такового.

2. Будровского Анатолия Ивановича на основании ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ст. 20 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления подвергнуть к 1 году лишения свободы, в соответствии со ст. 36 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик неотбытое наказание по приговору народного суда Новочихинского района Алтайского края от 14 октября 1953 года, замененное на 2 года условно комиссией Президиума Верховного Совета РСФСР, протокол № 27 от 25 января 1960 года, присоединить частично в виде 1 (одного) года лишения свободы, и окончательно к отбытию определить 2 (два) года лишения свободы. Срок отбытия наказания Марченко Анатолию Тихоновичу и Будровскому Анатолию Ивановичу исчислять со 2 (второго) ноября 1960 года. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Председательствующий: (подпись)

Народные заседатели:

1 (подпись)

2 (подпись)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

С осужденного Будровского А.И. в пользу Ашхабадской Юридической консультации за выступление по делу адвоката Алхасьянц С. взыскать 20 (двадцать) рублей.

Председательствующий: (подпись)

Народные заседатели:

1 (подпись)

2 (подпись)

Подлинник находится в архивном уголовном деле № 113675 по обвинению Марченко А.Т.

Копия верна:

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

Приговор 1968 года

Копия Дело
№ 1-953
ПРИГОВОР ИМЕНЕМ РСФСР

21 августа 1968 года Тимирязевский районный народный суд г. Москвы в составе:

председательствующего Романова,

народных заседателей Бороововой и Гопоновой,

с участием прокурора Жукова,

адвоката в лице Каминской,

при секретаре Юдиной,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению:

Марченко Анатолия Тихоновича, 23 января 1938 года рождения, уроженца г. Барабинска, Новосибирской области, состоящего в незарегистрированном браке, с образованием 8 классов, русского, б/п, 4/VN-1968 года работавшего грузчиком на фабрике «Люкс», прописанного в г. Александрове Владимирской области, по Новинской улице, дом № 27, ранее дважды судимого — в преступлении, предусмотренном ст. 198 УК РСФСР. Установил:

Подсудимый Марченко виновен в том, что он, будучи дважды подвергнутым к административным взысканиям, 14 февраля 1968 года 50 отделением милиции г. Москвы и 19 февраля 1968 года 83 отделением милиции за нарушения паспортных правил, продолжал злостно нарушать паспортные правила, проживая в г. Москве без прописки. Подсудимый в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и пояснил суду, что он действительно дважды подвергался административным мерам взыскания за нарушение паспортных правил: 14 февраля и 19 февраля 1968 года и вновь был задержан 29 июля 1968 года в г. Москве, но считает, что эти взыскания применялись к нему необоснованно.

Суд, исследовав материалы дела, выслушав подсудимого и свидетелей, считает предъявленное обвинение Марченко доказанным.

Так, свидетель Герасимова А.Д. подтвердила, что подсудимый был прописан в г. Александрове Владимирской области по адресу: Новинская ул., 27, с июля 1967 года. Она показала, что с 20 октября 1967 года до середины февраля 1968 года и с июня до дня его ареста —29 июля 1968 года по указанному адресу в г. Александрове не проживал. Со слов подсудимого Марченко ей

известно, что проживал он без прописки в Москве.

В судебном заседании свидетель Герасимов Ю.С. подтвердил свои показания, данные им на предварительном следствии.

В материалах дела имеются документы (л.д. 4-43), свидетельствующие о том, что 14 февраля и 19 февраля 1968 года на него были наложены административные взыскания за нарушение паспортных правил в г. Москве.

Из протокола задержания и др. документов (л.д. 50–67) усматривается, что Марченко и после этого продолжал проживать в г. Москве. Сам подсудимый не отрицает факта наложения на него дважды административных взысканий за нарушение паспортных правил и последующего его задержания в г. Москве 29 июля 1969 года за нарушение паспортных правил.

Суд находит, что административным взысканиям подсудимый Марченко подвергался в соответствии с существующими правилами о паспортном режиме.

Суд считает, что действия подсудимого правильно квалифицированы по ст. 198 УК РСФСР, поскольку он проживал в г. Москве без прописки за что ранее дважды подвергался административным взысканиям.

Переходя к определению меры наказания подсудимому Марченко, суд учитывает, что он дважды привлекался к уголовной ответственности, в том числе за злостное хулиганство, находился в местах лишения свободы и вновь совершил преступление.

Суд считает необходимым применить к нему меру наказания, связанную с лишением свободы. С учетом изложенного, суд избирает ему исправительно-трудовую колонию. Руководствуясь ст. ст. 303–315 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛ:

Марченко Анатолия Тихоновича признать виновным по ст. 198 УК РСФСР и подвергнуть его к лишению свободы сроком на один год с отбытием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима с зачетом предварительного заключения содержания под стражей с 29 июля 1968 года.

Меру пресечения оставить прежнюю — содержание под стражей.

Приговор может быть обжалован в Мосгорсуд в течение 7 суток со дня вручения копии приговора осужденному.

Печать

Председательствующий (подпись)

Народные заседатели: (подпись) (подпись)

Копия верна:

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

СПРАВКА

Подлинник документа находится в уголовном деле № 2118 по обвинению Марченко А.Т. по ст. 198 УК РСФСР.

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

Протокол осмотра уголовного дела 1969 года

ПРОТОКОЛ
ОСМОТРА АРХИВНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА № 2/260-69
ПО ОБВИНЕНИЮ МАРЧЕНКО А.Т. ПО СТ. 190-1 УК РСФСР
«8» апреля 1981 г.
г. Владимир

Старший следователь УКГБ СССР по Владимирской области капитан Кривов, руководствуясь требованиями ст. ст. 178 и 179 УПК РСФСР в присутствии понятых: Меркуловой Светланы Леонидовны, проживающей в г. Владимире, ул. Добросельская, дом 166«б», кв. 89, и Бересневой Натальи Петровны, проживающей в г. Владимире, ул. Комиссарова, дом 49, кв. 37, с целью обнаружения доказательств, имеющих значение для уголовного дела № 41 произвел осмотр архивного уголовного дела № 2/260-69 по обвинению Марченко А.Т.; о чем в соответствии со ст. ст. 141 и 182 УПК РСФСР составил настоящий протокол.

Перед началом осмотра понятым разъяснены предусмотренные ст. 135 УПК РСФСР их право присутствовать при всех действиях следователя и делать замечания, подлежащие занесению в протокол, а также обязанность — удовлетворить факт, содержание и результаты осмотра.

С.Л. Меркулова
Н.П. Береснева

Осмотром установлено:

Уголовное дело № 2/260-69 состоит из 1 тома на 239 листах.

Дело по обвинению Марченко Анатолия Тихоновича, 1938 года рождения, уроженца г. Барабинска, Новосибирской области, русского, гражданина СССР, б/п, с образованием 8 классов, холостого, судимого в 1958 году нарсудом г. Сарань Карагандинской области по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы (освобожденного досрочно со снятием судимости), в 1961 году Верховным Судом Туркменской ССР по ст. 1 Закона о государственных преступлениях и ст. 15 Основ уголовного законодательства к 6 годам лишения свободы, в 1968 году Тимирязевским райнарсудом г. Москвы по ст. 198 УК РСФСР к 1 году лишения свободы, отбывающего наказание по последней судимости в ИТК-19 Учреждения п/я Ш-320, возбуждено 27 мая 1969 года прокуратурой Пермской области по признакам преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР. Поводом к

возбуждению уголовного дела послужили поступившие из Учреждения Ш-320 материалы о систематическом распространении в устной форме осужденным Марченко А.Т. заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

(л.д. 1-24)

29 мая 1969 года Марченко А.Т. предъявлено обвинение в том, что он, отбывая наказание в исправительно-трудовой колонии № 13 Ныробского УЛИТУ, в период с декабря 1968 года по май 1969 года среди осужденных систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 190-1 УК РСФСР. В тот же день с санкции прокурора в отношении Марченко избрана мера пресечения — заключение под стражу.

(л.д. 87–88, 91–92)

Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Марченко виновным себя не признал и отказался отдачи показаний по существу предъявленного ему обвинения.

(л.д. 89–90)

Однако свидетели Бурцев, Николаев, Сапожников, Демин, Дворецкий, Рожайский и другие показали, что Марченко в их присутствии неоднократно высказывал клеветнические суждения, порочащие демократические основы Советского государства, внешнеполитическую деятельность КПСС и Советского правительства, советскую действительность.

(л.д. 31–48, 51–58)

Так, свидетель Бурцев О.А. на допросе 27 мая 1969 года показал: «…Мы в секции говорили о том, что правильно, что наши ввели войска в Чехословакию. Марченко сказал, что без давления с нашей стороны другие социалистические страны войска в Чехословакию бы не ввели. Марченко сказал, что танками сейчас там задавят свободу и применят репрессии против передовой интеллигенции».

(л.д. 31–33)

Свидетель Николаев А.Б. на допросе 27 мая 1969 года показал: «…Примерно в декабре 1968 года по поводу опубликования в нашей печати сообщения, что осуждены некоторые лица за написание и опубликование за границей в капиталистических странах клеветнических произведений на советскую действительность. Марченко заявил, что эти лица осуждены неправильно, что в нашей стране отсутствует свобода творчества, свобода выступлений, свобода печати…»

(л.д. 34–36)

Свидетель Янушка Г.А. на допросе 28 мая 1969 года показал: «…Марченко клеветнически утверждал, что наша страна будто бы окутана колючей проволокой и покрыта сетью лагерей, в которых содержатся миллионы заключенных. Он говорил, что коммунизм — это, своего рода, фашизм…»

(л.д. 42–43)

Названные свидетели подтвердили свои показания на очных ставках с обвиняемым Марченко и в процессе судебного разбирательства дела.

(л.д. 104–106, 109–118, 154–198)

С учетом дополнительно полученных доказательств о преступных действиях Марченко 31 мая 1969 года ему было предъявлено новое обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

(л.д. 87–88)

Допрошенный в качестве обвиняемого по вновь предъявленному обвинению Марченко виновным себя не признал и от дачи показаний по существу дела отказался.

(л.д. 89–91)

В процессе предварительного следствия по делу была проведена судебно-психиатрическая экспертиза. В постановлении о назначении экспертизы от 25 июня 1969 года указано, что «Марченко в прошлом болел менингитом и находился на излечении в медицинских учреждениях, признан негодным к строевой службе в Советской армии».

(л.д. 97–98)

В результате проведенной судебно-психиатрической экспертизы эксперты-психиатры дали заключение (акт № 353 от 3 июля 1969 г.) о том, что «Марченко А.Т. психическим заболеванием не страдает, а является психопатической личностью. В инкриминируемом деянии, как недушевно больного, Марченко следует считать вменяемым».

(л.д. 99-100)

К делу приобщены копии приговоров о судимости Марченко в прошлом, характеристики, выписки из трудовой книжки.

(л.д. 61–86)

Выездная сессия Пермского областного суда, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению Марченко А.Т., в своем приговоре от 22 августа 1969 года признала его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР, и определила ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на 2 года.

(л.д. 199–202)

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 30 октября 1969 года приговор

Пермского областного суда от 22 августа 1969 года в отношении Марченко оставлен без изменения, а кассационная жалоба осужденного и его адвоката — без удовлетворения.

(л.д. 229–231)

Осмотр проводился в служебном кабинете следователя при естественном и электрическом освещении с 9 часов до 18 часов, с перерывом на обед с 13 до 14 часов.

К протоколу осмотра прилагаются:

1. Копия приговора Пермского областного суда по уголовному делу в отношении Марченко А.Т. от 22 августа 1969 года.
2. Копия определения судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 30 сентября 1969 года.
3. Копия характеристики на Марченко А.Т.
4. Копии медицинских справок о состоянии здоровья Марченко А.Т.
5. Копия акта судебно-психиатрической экспертизы.

Протокол нам прочитан. Записано верно. Замечаний и дополнений по содержанию про токола не имеем.

Понятые: _____

_____

Осмотр произвел и протокол составил:

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

СПРАВКА

Архивное уголовное дело № 2/0260-69 по обвинению Марченко А.Т. хранится в Пермском областном суде.

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

Приговор 1969 года

Копия

Дело № 2-260

22 августа 1969 г.

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ РСФСР

Пермский областной суд в составе Председательствующего Хреновского и народных заседателей Ржевина, Бирюкова при секретаре Золотаревой с участием прокурора Байбородиной

рассмотрев в открытом судебном заседании в Культкомбинате Учреждения Ш-320 ИТК 19 пос. Ныроб 22 августа 1969 г. дело по обвинению Марченко Анатолия Тихоновича,

23 января 1938 года рождения, уроженец г. Барабинска, Новосибирской области, русский, образование 8 классов, холост, на иждивении никого не имеет, судим нарсудом 2-го участка г. Сарань, Карагандинской области 13 марта 1958 года по ст. 74 ч. II УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, освобожден 18 декабря 1959 года комиссией Президиума Верховного Совета СССР досрочно со снятием судимости, вторично судим 3 марта 1961 года судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Туркменской ССР по ст. 15 Основ уголовного законодательства СССР и ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления к 6 годам лишения свободы, освобожден из мест заключения 2 ноября 1966 года по отбытию наказания, осужден 21-го августа 1968 года Тимирязевским районным народным судом города Москвы по ст. 198 УК РСФСР к одному году лишения свободы, наказание отбывает в ИТК-19 Учреждения п/я Ш-320 по настоящему делу под стражей содержится с 31-го мая 1969 г. по ст. 190-1 УК РСФСР.

Проверив материалы дела в судебном заседании суд

УСТАНОВИЛ:

Подсудимый Марченко, отбывая наказание в исправительно-трудовой колонии 19 Учреждения Ш-320, начиная с декабря 1968 года по май 1969 года систематически в устной форме среди заключенных распространял заведомо клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

С января по апрель 1969 года в жилом бараке зоны и на производстве заключенный Марченко заявлял о том, что наше государство нарушает суверенитет других стран, что Советские войска введены в Чехословакию, чтобы танками задушить там свободу.

С декабря 1968 года по апрель 1969 года в жилой зоне

ИТК-19 и на производстве во время бесед с заключенными по поводу возможности изданий произведений писателями в Советском Союзе Марченко заявлял, что в СССР отсутствует демократия, нет свободы слова, печати и творчества, что писатели, написавшие правдивые произведения о нашей жизни, вынуждены свои произведения публиковать за границей, одновременно заявлял, что в капиталистических странах таких свобод больше, а в СССР существует «железный занавес».

В марте и апреле 1969 года в жилой зоне и на производстве, в разговорах с заключенными по поводу событий на советско-китайской границе, Марченко заявлял о том, что в этом повинен Советский Союз.

Будучи водворен в штрафной изолятор за отказы от работы, Марченко 14 мая 1969 года при объявлении ему, что он переводится на пониженную норму питания, надзирателю Лопаницину и дневальному Седову заявил, что «коммунисты ему всю кровь выпили», а 15 мая 1969 года при выводе заключенных на работу Марченко дневальному Седову и контролеру Собянину вновь сделал аналогичное заявление.

Подсудимый Марченко в судебном заседании виновным себя не признал, пояснил, что таких высказываний он не делал, свидетели его оговаривают, давая ложные показания, и что настоящее дело сфабриковано оперуполномоченным оперчасти колонии № 19 Антоновым.

На предварительном следствии Марченко вообще отдачи каких-либо пояснений отказался.

Виновность Марченко подтверждается свидетелями в судебном заседании и их показаниями на предварительном следствии.

Свидетели Сапожников, Ротайский, Бурцев, Андреев, Геворгян пояснили, что Марченко в разговорах на производстве заявлял, что в Советском Союзе нет свободы слова, печати и творчества.

Аналогичные пояснения эти свидетели давали на предварительном следствии (л.д. 54–56, 51–53, 47–48, 31–33, 57–58) на очных ставках с Марченко (л.д. 104–106,112-114). Свидетели Сапожников, Демин, Андреев, Николаев, Рыбалко, Дворецкий подтвердили, что Марченко высказывал клеветнические измышления в адрес Советского Союза по поводу событий в Чехословакии.

В своих пояснениях на предварительном следствии (л.д. 54–56, 37–38, 51–53, 34–36, 59–60, 44–46, 109–111, 112–114,117-120) эти свидетели так же уличали Марченко в клеветнических измышлениях.

О клеветнических измышлениях в адрес Советского Союза, высказываемых Марченко в связи с событиями на советской-китайской границе, подтвердили свидетели Сапожников, Андреев, Бурцев и ряд других свидетелей, которые аналогичные показания давали на предварительном следствии и на очных ставках с Марченко.

О злобных измышлениях в адрес коммунистов 14-15-го мая 1969 года в штрафном изоляторе, высказанных Марченко, подтвердили в судебном заседании контролеры Лопаницин и Собянин, на предварительном следствии Седов (л.д. 39–40).

В судебное заседание по этому пункту обвинения был вызван по ходатайству Марченко ряд свидетелей, которые в тот период содержались в штрафном изоляторе. Эти свидетели пояснили, что не слышали таких высказываний со стороны Марченко. Однако это не опровергает пояснений Лопаницина, Собянина, Седова, поскольку часть этих свидетелей рано были выведены на работу, часть из них занимались своими делами и вполне могли не обратить внимание на высказывания Марченко.

У суда нет оснований не доверять допрошенным в суде свидетелям. Тем более, что многие из них еще до возбуждения дела давали объяснения, в том числе и собственноручные, где также подтверждали факты, о которых пояснили в судебном заседании (л.д. 4-24), что и послужило поводом к возбуждению уголовного дела. Следствие же по делу проводил помощник прокурора Пермской области, и сомневаться в его объективности у суда нет никаких оснований.

Из акта судебно-психиатрической экспертизы (л.д. 99-100) установлено, что Марченко психическим заболеванием не страдает, не было у него и временного расстройства душевной деятельности, поэтому он должен быть признан вменяемым.

Суд считает, что преступные действия подсудимого правильно квалифицированы по ст. 190-1 УК РСФСР.

При определении наказания суд учитывает, что Марченко ранее уже судим, характеризуется отрицательно (л.д. 79, 67–69, 84–86), преступление совершил в местах заключения. В то же время, учитывая, что Марченко отбывает наказание за нарушение паспортного режима, исходя из степени опасности и характера совершенного им преступления, суд не считает возможным признать его особо опасным рецидивистом.

Руководствуясь ст. 301–303 УПК РСФСР, суд

ПРИГОВОРИЛ:

Марченко Анатолия Тихоновича признать виновным по ст. 190-1 УК РСФСР, по которой подвергнуть его к 2 (двум) годам лишения свободы. В силу ст. 41 УК РСФСР неотбытое наказание

на 31-е мая 1969 года по приговору от 21 августа 1968 года в виде одного месяца 28 дней присоединить, определив Марченко 2 (два) года 1 (один) месяц 28 (двадцать восемь) дней лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с исчислением наказания со дня избрания меры пресечения — с 31-го мая 1969 года.

Меру пресечения Марченко оставить содержание под стражей.

Приговор может быть обжалован в Верховный суд РСФСР через Пермский облсуд в течение семи суток со дня вручения копии приговора.

пп. Председательствующий — Хреновский

народные заседатели — Ржевин и Бирюков

Копия верна:

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

СПРАВКА

Подлинник документа находится в архивном уголовном деле № 2-60 по обвинению Марченко А.Т. по ст. 190-1 УК РСФСР.

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

Протокол объявления предостережения

г. Москва
7 января 1974 г.
Сотрудник органов госбезопасности майор Жирнов
Объявил гражданину:
Фамилия Марченко
Имя, отчество Анатолию Тихоновичу
Дата рождения (число, месяц, год) 1938 года
Место рождения — г. Барабинск, Новосибирской обл.
Национальность — русский Гражданство — СССР Партийность — беспартийный
Место жительства — г. Таруса, ул. Луначарского, д. 39
Место работы, должность — истопник комбината коммунальных предприятий г. Тарусы Калужской области
Документ, удостоверяющий личность, — паспорт XVIII-ЗК № 703260, выданный 19.VIII.71 г. Чунским РОВД Иркутской области

о том, что он вызван в органы госбезопасности в связи с тем, что на протяжении ряда лет изготовляет и распространяет клеветнические материалы. Ранее четыре раза привлекался к уголовной ответственности: за хулиганство, попытку изменить Родине, нарушение паспортного режима, высказывание заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Является автором и распространителем враждебных сочинений, в том числе «Мои показания», в которых клеветнически показана жизнь «политических» заключенных в исправительно-трудовых учреждениях. Эти сочинения были переданы за границу и использовались буржуазной пропагандой для нанесения ущерба интересам Советского Союза.

Марченко являлся активным участником антиобщественных проявлений, организованных в разное время ЯКИРОМ, ГРИГОРЕНКО, БОГОРАЗ-БРУХМАН, ГОРБАНЕВСКОЙ и другими.

После отбытия сроков наказания МАРЧЕНКО не встал на путь исправления, остается на прежних враждебных позициях, продолжает заниматься распространением клеветнических материалов.

В ноябре 1973 года в его квартире проводился обыск, в ходе которого изъяты клеветнические материалы, часть из которых изготовлена им лично.

Марченко ранее предупреждался о необходимости прекращения антиобщественного поведения, но должных выводов из этого не сделал.

Гражданину Марченко Анатолию Тихоновичу в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года объявлено официальное предостережение о недопустимости указанных выше действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, и разъяснено, что подобные поступки с его стороны в дальнейшем, если он не сделает надлежащих выводов, могут привести к преступлению и повлечь за собой уголовную ответственность. Ему сообщено, что о сделанном предостережении будет уведомлен прокурор Калужской области.

Гражданину Марченко Анатолию Тихоновичу разъяснено также, что в случае совершения им преступления, наносящего ущерб интересам государственной безопасности, настоящий протокол будет приобщен к уголовному делу.

Ознакомившись с настоящим протоколом, гр-н Марченко А.Т. от его подписи отказался, мотивируя свой отказ тем, что Указ от 25.XII.72 г. не опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР», и тем, что его действия, описанные в настоящем протоколе, не подпадают под данный Указ.

Сотрудник органов государственной безопасности
майор Жирнов 7 января 1974

Верно:
Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области
капитан М.А. Кривов

СПРАВКА

Подлинник документа находится в архивном уголовном деле № 1-241 по обвинению Марченко А.Т. по ст. 198-2 УК РСФСР.

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области
капитан М.А. Кривов

Протокол осмотра уголовного дела 1975 года

ПРОТОКОЛ
ОСМОТРА АРХИВНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА № 1-241
ПО ОБВИНЕНИЮ МАРЧЕНКО А.Т. ПО СТ. 198-2 УК РСФСР
«4» апреля 1981 г.
г. Владимир

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области капитан Кривов М.А., руководствуясь требованиями ст. ст. 178 и 179 УПК РСФСР, в присутствии понятых:

1. Евсеенкова Михаила Витальевича, проживающего в г. Владимире, ул. Гастелло, дом 17, кв. 54, и

2. Ильина Виктора Алексеевича, проживающего в г. Владимире, ул. Ill Интернационала, дом 70а, с целью обнаружения доказательств, имеющих значение для уголовного дела № 41, произвел осмотр архивного уголовного дела № 1-241 по обвинению Марченко А.Т., о чем в соответствии со ст. 141 и 182 УПК РСФСР составил настоящий протокол. Перед началом осмотра понятым разъяснены предусмотренные ст. 13[?] УПК РСФСР их право присутствовать при всех действиях следователя, делать замечания, подлежащие занесению в протокол, и обязанность удостоверить факт, содержание и результаты осмотра.

Понятые: Евсеенков М.В.
Ильин В.А.

Осмотром установлено:

Архивное уголовное дело № 1-241 по обвинению Марченко А.Т. по ст. 198-2 УК РСФСР, поступившее из народного суда Ленинского района г. Калуги, состоит из 1тома, в котором подшито 268 листов.

Дело возбуждено 7 января 1975 года Тарусским РОВД по признакам ст. 198-2 УК РСФСР. Поводом к возбуждению уголовного дела послужили материалы о злостном нарушении подозреваемым Марченко А.Т. правил административного надзора.

(л.д. 1, 5–8, 31, 55–62, 64, 66–70, 74, 78, 82, 83, 88, 91–92, 96, 98-102, 108–112, 115)

13 января 1975 года Марченко А.Т. предъявлено обвинение в том, что он, находясь под административным надзором с 24 мая 1974 года, злостно нарушал установленный в отношении его режим, за что дважды: 18 ноября и 4 декабря 1974 года

Тарусским городским народным судом подвергался штрафу соответственно на сумму 35 и 40 рублей. 9 декабря 1974 года вновь нарушил правила административного надзора, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 198-2 УК РСФСР.

В тот же день в отношении Марченко А.Т. избрана в качестве меры пресечения подписка о невыезде.

(л.д. 120,122,123)

Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Марченко по существу предъявленного ему обвинения виновным себя не признал, отдачи показаний и подписи протокола отказался.

(л.д. 121)

10 февраля 1975 года расследование по делу принято к производству прокуратурой Тарусского района Калужской области.

(л.д. 134)

С учетом того что Марченко в ходе следствия продолжал нарушать правила административного надзора, ему на основании постановления от 26 февраля 1975 года с санкции прокурора изменили прежнюю меру пресечения на заключение под стражу.

(л.д. 135–136)

27 февраля 1975 года Марченко А.Т. с учетом полученных в ходе следствия дополнительных данных о нарушении им правил административного надзора предъявлено новое обвинение по ст. 198-2 УК РСФСР.

(л.д. 153–154)

Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Марченко отказался отвечать на вопросы и давать показания по существу вновь предъявленного ему обвинения.

(л.д. 155)

Однако вина Марченко в совершении им преступления по ст. 198-2 УК РСФСР подтверждена показаниями свидетелей Старухиной Л.И., Кузикова М.Н., Фоменкова В.Я., Трубицына Н.[?]С., Архипова Б.[нрзб.], Чермянинова Д.В., допрошенных на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства дела, протоколами о нарушении административного надзора, постановлениями народного судьи о наложении административных взысканий.

(л.д. 55–70, 78, 88, 152, 165, 174–177, 178–180, 182, 224–234)

Так, свидетель Старухина Л.И. на допросе 7 марта 1975 года показала:

«Я работаю начальником Тарусского газового участка. С 28/VIII-1974 года по 11/XII-74 года в нашем участке в качестве слесаря работал Марченко Анатолий Тихонович… От работников милиции мне было известно, что Марченко не является на

регистрацию в милицию, не бывает иногда дома при проверках. Когда я стала у него спрашивать, почему он допускает эти нарушения, Марченко, не помню в какой форме, выразился, что не признает этого надзора… 11 декабря 1974 года Марченко принес мне заявление на увольнение с работы и одновременно принес мне показать две бумаги, текст которых был отпечатан на машинке. Одна бумага от имени Марченко адресована «Голосу Америки», в ней или в другой бумаге он сообщал о том, что ему не на что жить, так как с него из зарплаты удерживают штраф, что не имеет возможности видеться со своей семьей. В одной из бумаг Марченко выражал желание выехать в Америку»…

(л.д. 176–177)

Свидетель Кузиков М.Н. на допросе 27 февраля 1975 года показал: «В Тарусском РОВД в качестве инспектора уголовного розыска я работаю с 1973 года. В мае 1974 года Тарусским РОВД был установлен административный надзор над Марченко Анатолием Тихоновичем, который прибыл в район после освобождения из мест лишения свободы, был он несколько раз судим. За время проживания в районе Марченко нигде постоянно не работал, если устраивался куда, то на непродолжительное время и увольнялся. Марченко неоднократно вызывался в райотдел милиции в связи с таким поведением и ему делались предупреждения о том, чтобы он занимался общественно-полезным трудом. Когда над Марченко установили административный надзор, то он заявлял, что надзора он не признает, однако первое время никаких нарушений не допускал. Потом же стал без разрешения РОВД выезжать за пределы района, не находился дома при проверках в часы ограничений, в связи с этим на Марченко составлялись протоколы. На вызовы сотрудников отдела для дачи объяснений в связи с нарушениями Марченко не являлся и никаких объяснений не представлял…»

(л.д. 178–180)

К делу приобщены и другие документы, характеризующие личность виновного и подтверждающие его антиобщественную деятельность. В частности, заявление жителя г. Калуги Ламентова И.Д., выписки из передач зарубежных радиостанций, протокол объявления 7 ноября 1974 года официального предостережения на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года за совершение им действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, характеристики с места работы.

(л.д. 3–4, 9-12,14–15)

Так, Ламентов И.Л., которого Марченко ознакомил со своей книгой «Мои показания», в заявлении от 14.10.72 г.

охарактеризовал это произведение как клеветническое, пропагандирующее мелкобуржуазные идеи «…У А. Марченко, — пишет Ламентов, — через якобы достоверные частные случаи, через болтовню о демократии ставится под сомнение наш общественный строй и местами, не скрывая цинизма, оплевывается…»

(л.д. 3–4)

Согласно приобщенным к делу выпискам из передач зарубежных радиостанций «Голос Америки», «Агентство Франс-пресс» и «Би-би-си», названными радиостанциями 19 сентября 1973 года прокомментировано обращение Марченко к представителям капиталистических стран Запада, в котором он, заявляя о якобы существующих нарушениях прав человека в СССР, призывает к его экономическому и политическому бойкоту.

(л.д. 9-12)

В производственной характеристике, полученной на Марченко А.Т. из Тарусского комбината коммунальных предприятий, где он проработал кочегаром с октября 1973 года по март 1974 года, указано, что Марченко добросовестно относился к своим трудовым обязанностям, однако в общественной работе участия не принимал, даже не вступил в профсоюз.

(л.д. 156–157)

Калужский городской народный суд, рассмотрев 31 марта 1975 года в открытом судебном заседании дело по обвинению:

Марченко Анатолия Тихоновича, 23 января 1938 года рождения, уроженца г. Барабинска Новосибирской области, русского, б/п с образованием 8 классов, женатого, не работавшего, проживавшего в г. Тарусе, Калужской области, ул. Луначарского, 39, судимого в 1958 году по ч. II ст. 74 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, освобожденного 18 декабря 1959 года со снятием судимости, в 1961 по ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления к 6 годам лишения свободы, в 1968 году по ст. 198 УК РСФСР к 1 году лишения свободы, в 1969 году по ст. 190-1 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, в совершении им преступления, предусмотренного ст. 198-2 УК РСФСР приговорил признать Марченко А.Т. виновным по данной статье и определил ему меру наказания с применением ст. 43 УК РСФСР —4 года ссылки.

(л.д. 238–142)

Приговор Калужского городского народного суда от 31 марта 1975 года по уголовному делу в отношении Марченко А.Т. в кассационную инстанцию не обжалован.

Осмотр производился в служебном кабинете следователя при

естественном и электрическом освещении с 9 до 18 часов, с перерывом на обед с 13 до 14 часов.

К протоколу осмотра прилагаются:

1. Копия приговора Калужского городского народного суда по уголовному делу в отношении Марченко А.Т. от 31 марта 1975 года.

2. Копия выписки из передачи радиостанции «Би-би-си» от 19.9.73 г.

3. Копия протокола объявления предостережения от 7 января 1974 года.

4. Выписка из протокола допроса свидетеля Старухиной Л.Н.

5. Выписка из протокола судебного заседания от 31 марта 1975 года.

Протокол нами прочитан. Записано верно. Заключений и дополнений по содержанию протокола не имеем.

Понятые ___

_____

Осмотр произвел и протокол составил:

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

СПРАВКА

Архивное уголовное дело № 1-241 по обвинению Марченко А.Т. хранится в Ленинском районном народном суде г. Калуги.

Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

Приговор 1975 года

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Калужский городской народный суд

В составе председательствующего: ЛЕВТЕЕВА С.Т.

народных заседателей: БЛИНОВА А.С. и ЗАИКИНА А.И.

при секретаре: ОВЧИННИКОВОЙ А.П.

с участием адвоката: ГРИБКОВА

рассмотрев в открытом судебном заседании в городе Калуге 31 марта 1975 года

Дело по обвинению МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича, 23 января 1938 года рождения, уроженца г. Барабинск Новосибирской области, русского, б/п, образование 8 классов, женатого, имеет одного ребенка, не работавшего, проживавшего в г. Тарусе, ул. Луначарского, д. 39, судимого в 1958 г. по ст. 74 ч. II УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, освобожден 18 декабря 1959 года со снятием судимости, в 1961 году по ст. I Закона об уголовной ответственности за государственные преступления к 6 годам лишения свободы, наказание отбыл, в 1968 году по ст. 198 УК РСФСР к 1 году лишения свободы, в 1969 году по ст. 190-1 УК РСФСР, наказание отбыл 29 июля 1971 года, обвиняемого по ст. 198-2 УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия

УСТАНОВЛЕНО:

Подсудимый Марченко, отбывая наказание в местах лишения свободы, на путь исправления не встал, в связи с чем над ним устанавливался административный надзор. Прибыв в 1972 году на постоянное местожительство вТарусский район Калужской области, Марченко вел антиобщественный образ жизни: продолжительное время нигде не работал и, несмотря на неоднократные предупреждения Тарусского районного отдела внутренних дел, от трудоустройства уклонялся.

В связи с этим Постановлением Тарусского районного отдела внутренних дел от 23 мая 1974 года над Марченко был установлен административный надзор, согласно которому в числе других ограничений Марченко запрещалось уходить из дома после 20 часов вечера, а также четыре раза в месяц по понедельникам являться в Тарусский РОВД для регистрации в 18 часов.

Марченко злостно нарушал правила административного надзора и в период с 11 октября 1974 года по 4 ноября 1974 года

допустил 9 нарушений: 11,14, 23, 27, 24 октября и 1 ноября 1974 года не находился дома после 20 часов вечера, 14, 28 октября и 4 ноября 1974 г. не являлся на регистрацию вТарусский РОВД.

Марченко злостно продолжал нарушать правила административного надзора, несмотря на то что был привлечен к административной ответственности за это.

При проверке, 7 ноября 1974 года после 20 часов вечера Марченко не находился дома, за что Постановлением народного судьи Тарусского района от 18 ноября 1974 года был подвергнут штрафу на 35 рублей.

25 ноября 1974 года подсудимый Марченко не являлся на регистрацию вТарусский РОВД, за что постановлением народного судьи Тарусского района 4/XII-74 г. был подвергнут штрафу на 40 рублей.

9 декабря 1974 года Марченко вновь не явился на регистрацию.

Таким образом, Марченко, с целью уклонения от надзора, были злостно нарушены правила административного надзора, несмотря на то что он уже дважды в течение года подвергался административным взысканиям.

Указанные действия являются преступлением, предусмотренным ст. 198-2 УК РСФСР. Подсудимый Марченко виновным себя не признал, отрицая факт нарушения надзора 7 ноября 1974 года, пояснив, что после 20 часов этого дня он находился дома.

Вину его суд находит установленной в судебном заседании следующими доказательствами: свидетели Кузиков и Фоменков в суде пояснили, что 7 ноября 1974 года они явились в 20 часов 45 минут к дому Марченко для проверки соблюдения правил надзора. Квартиру Марченко они посетили в связи также с тем, что Кузиков видел Марченко в 17 часов этого дня садящимся на автобус в г. Серпухов.

Однако дверь в квартиру Марченко не открыл им.

Свидетель Трубицын пояснил, что 7 и 9 ноября 1974 года он видел Марченко после 20 часов в г. Москве и разговаривал с ним.

Факты нарушения правил надзора 25 ноября и 9 декабря 1974 года не отрицаются и самим Марченко и подтверждаются показаниями свидетеля Архипова и материалами о явке на регистрацию лиц, находящихся под административным надзором Тарусского РОВД.

Вина Марченко подтверждена также показаниями свидетелей Старухиной, Чермянинова, протоколами о нарушениях административного надзора, постановлениями народного судьи от 18 ноября 1974 года и 4 декабря 1974 года о наложении

административных взысканий.

При определении наказания подсудимому Марченко суд с учетом его личности и семейного положения считает возможным применить ст. 43 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. ст. 301–303 УПК РСФСР суд

ПРИГОВОРИЛ:

МАРЧЕНКО Анатолия Тихоновича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 198-2 УК РСФСР и подвергнуть по этой статье с применением ст. 43 УК РСФСР ссылке сроком на четыре года.

Меру пресечения до вступления в законную силу оставить содержание под стражей, после доставления к месту ссылки меру пресечения отменить и из-под стражи освободить.

Зачесть в срок отбытия наказания время нахождения под стражей с 26 февраля 1975 года до прибытия к месту ссылки, исходя из расчета 3 дня ссылки за один день лишения свободы.

Срок отбытия исчислять со дня прибытия к месту ссылки. Приговор может быть обжалован в Калужский областной суд через народный суд, вынесший приговор в течение 7 суток, осужденным с момента вручения приговора, остальным участникам процесса с момента провозглашения.

Председательствующий: ЛЕВТЕЕВ

народные заседатели: БЛИНОВ и ЗАИКИН

Копия верна

Справка: Приговор вступил в законную силу с 8 апреля 1975 года.

Председатель Ленинского райнарсуда г. Калуги: /С. ЛЕВТЕЕВ/

Копия верна: Ст. следователь УКГБ СССР по Владимирской области

капитан М.А. Кривов

Примечания

Мы здесь живем

Составлено из четырех текстов, написанных Л.И. Богораз и А.Т. Марченко по отдельности и в соавторстве и изъятых на обысках 1980–1981 годов. «Сортирная сюита» А.Т. Марченко написана не позже февраля 1980 года (изъята на обыске 15 февраля 1980 года) (Дело Марченко. Т. 9. Л. 266–278); второй текст под тем же названием написан не позже октября 1980 года (изъят на обыске 21 октября 1980 года) (Дело Марченко. Т. 9. Л. 255–265); вариант под заглавием «Я здесь живу» авторства Л.И. Богораз и А.Т. Марченко написан не позже февраля 1980 года (изъят на обыске 15 февраля 1980 года) (Дело Марченко. Т. 9. Л. 279–293); текст «Мы здесь живем» Л.И. Богораз и А.Т. Марченко написан не позже октября 1980 года (изъят на обыске 21 октября 1980 года) (Дело Марченко. Т. 9. Л. 294–300). Впервые опубликовано в альманахе «Александровская слобода» (Александров, 2005. С. 145–182). В настоящей публикации подвергнуто незначительной редакторской правке.

Документы по делу 1981 года

Заявление от 27 мая 1981 года печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 5 (копия заявления из материалов следственного дела 1981 года); публикуется впервые. Последнее слово А.Т. Марченко на суде (г. Владимир, 4 сентября 1981 г.) печатается по: Российский бюллетень по правам человека. М.: Мемориал, 1991. С. 157–161. Приговор 1981 года печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 16–27; впервые опубликовано: Российский бюллетень по правам человека. М.: Мемориал, 1991. С. 152–156.

Документы, относящиеся к конфискации текста последнего слова на процессе 1981 года

Печатаются по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 59, 76. Публикуются впервые.

Документы о досрочном этапировании 1981 года

Печатаются по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 57, 58, 60–62, 80, 88. Публикуются впервые.

Документы о голодовке 15–31 марта 1982 года

Печатаются по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 106,108–110,114-116,119–124,133,134. Публикуются впервые.

Обращение к Генеральному прокурору 16 ноября 1983 года

Печатается по: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1983. № 48.

Решение суда о переводе на тюремный режим

Печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 35. Публикуется впервые.

Заявления Марченко с декабря 1985 по май 1986 года

Заявления от 17 и 18 декабря 1985 года печатаются по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 2. Л. 115–118,121; публикуются впервые. Заявление от 13 января 1986 года печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 2. Л. 125–127; публикуется впервые. Заявление от 30 мая 1986 года печатается по: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1986. № 33.

Документы о голодовке 4 августа — 27 ноября 1986 года

Печатаются по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 2.

Заявление от 4–5 августа 1986 года. Л. 187–188; впервые опубликовано: Российский бюллетень по правам человека. М.: Мемориал, 1991. С. 162–163. Заявление от3 октября 1986 года. Л. 218–219; впервые опубликовано: Российский бюллетень по правам человека. М.: Мемориал, 1991. С. 164–165. Заявление от 10 ноября 1986 года. Л. 235, 233–234; публикуется впервые. Заявление от 11 ноября 1986 года. Л. 232, 236; публикуется впервые. Заявление от 19 ноября 1986 года. Л. 242–244; впервые опубликовано: Российский бюллетень по правам человека. М.: Мемориал, 1991. С. 165–167.

Документы о смерти

Спецсообщение о смерти печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 38; публикуется впервые. Акт о погребении печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 117. Т. 1. Ч. 1. Л. 48; публикуется впервые.

Главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому

Печатается по: Собрание документов Самиздата // Архив самиздата / Под ред. Р. Федосеевой. New York: Radio Liberty Committee, 1972. Т. 2. АС 119. Впервые опубликовано: Посев. 1968. Июнь. С. 5–7.

Письмо Анатолия Марченко, грузчика, бывшего политзаключенного, автора книги «Мои показания»

Печатается по: Марченко А. Мои показания. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973. С. 356–363. Впервые опубликовано: Посев. 1968. Август (спецвыпуск). С. 24–25.

Председателю Международного комитета Красного Креста г-ну С. Гонару

Печатается по: Собрание документов Самиздата // Архив самиздата / Под ред. Р. Федосеевой. New York: Radio Liberty Committee, 1972. Т. 2. АС 120-6.

Обращение к прогрессивным общественным организациям и общественным деятелям Западной Европы

Печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 175. Оп. 22. Д. 20. Судя по архивному контексту; текст имел хождение в Самиздате.

Заявление для прессы об административном надзоре

Печатается по: Марченко А. От Тарусы до Чуны. Нью-Йорк: Хроника, 1976. С. 99–101.

Заявление об отказе соблюдать правила административного надзора

Печатается по: Там же. С. 103–105.

Заявление об отказе от советского гражданства

Печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 101. Оп. 1. Д. 367. Л. 34; публикуется впервые.

Речь Анатолия Марченко на суде в Калуге 31 марта 1975 года

Печатается по: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1975. № 17.

Прошение о всеобщей политической амнистии

Печатается по: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1975. № 34.

«Tertium datur» — третье дано

Печатается по: Континент. 1976. № 9. С. 84–122.

Публичный ответ газете «Известия»

Печатается по: Дело Марченко. Т. 5. Л. 95-103; впервые опубликовано: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1976. № 35.

Правительствам стран — участниц Хельсинкских соглашений

Печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 175. Оп. 5.

Д. 3; Ф. 166. Оп. 1. Д. 3. Л. 139–140. В обоих фондах (ф. 175 — личных коллекций Самиздата; ф. 166 — Хельсинкских групп) этот документ датирован 1 февраля 1977 года и подписан «Член общественной Гоуппы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Анатолий Марченко». Однако в книжных источниках среди документов Московской Хельсинкской группы (МХГ) встречается почти идентичный текст, озаглавленный так же, но без личных подписей, и датированный 20 февраля 1977 года. По всей видимости, текст был инициативно составлен А.Т. Марченко, находившимся в это время в ссылке в Чуне, и в течение следующих трех недель передан с оказией в Москву, где с ним ознакомились коллеги Марченко по МХГ и, после небольшой, но характерной стилистической правки (в частности, выражение «США, Великобритания, Франция и другие правовые государства заседали тогда за одним столом с правительством-преступником…» было заменено на «США, Великобритания, Франция и другие правовые государства заседали тогда с Советским Союзом за одним столом»), приняли в качестве документа МХГ. Впервые опубликован (как документ группы, без упоминания имени Марченко): Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Нью-Йорк: Хроника, 1977. Вып. 3. С. 67–68. Здесь публикуется в исходном авторском варианте.

Кинорежиссеру и актеру, народному артисту СССР, общественному деятелю С. Бондарчуку

Печатается по: Дело Марченко. Т. 6. Л. 153–155. Публикуется впервые.

Письмо в газету

Печатается по: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 102. Оп. 1. Д. 59. Впервые появилось в Самиздате под заголовком «Л. Богораз, А. Марченко. О нарушении неприкосновенности частной жизни. (Письмо в газету)» в качестве приложения к «Письму двенадцати в Политбюро ЦК КПСС» — материала, помещенного в машинописном бюллетене «Вокруг проекта Конституции СССР» (1977. № 1). Текст Богораз и Марченко был опубликован и в информационном бюллетене «Хроника защиты прав в СССР» (Нью-Йорк: Хроника, Июль-сентябрь 1977. Вып. 27. С. 22–25); в том же выпуске «Хроники защиты» (но отдельно от этого текста и без указания связи с ним) было опубликовано и «Письмо двенадцати».

Открытое письмо делегатам ежегодного съезда АФТ — КПП (с. 181)

Печатается по: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1978. № 14.

Выступление перед американскими издателями

Печатается по: Дело Марченко. Т. 6. Л. 159–162. Заголовок составителей. Публикуется впервые.

Письмо А.Д. Сахарову

Заголовок составителей. Печатается по: Дело Марченко. Т. 5. Л. 229–230. Публикуется впервые.

Открытое письмо академику Капице П.Л

Печатается по: Дело Марченко. Т. 5. Л. 208–212; впервые опубликовано: Сахаровский сборник. Нью-Йорк: Хроника, 1981. С. 57–62.

Обращение во время суда над А. Лавутом

Печатается по: Материалы Самиздата. Мюнхен: Радио Свобода / Свободная Европа, 1981. № 12.

Документы разных лет

Документы печатаются по: Дело Марченко. Т. 4. Приговор 1958 года: Л. 22–25. Архивная справка по тюремному делу 1958–1959 годов: Л. 19–21. Приговор 1961 года: Л. 6–9. Приговор 1968 года: Л. 37–39. Протокол осмотра уголовного дела 1969 года: Л. 26–29. Приговор 1969 года: Л. 30–33. Протокол объявления предостережения: Л. 57–58. Протокол осмотра уголовного дела 1975 года:

Л. 48–53. Приговор 1975 года: Л. 54–55. Публикуются впервые.

notes

Примечания

1

Эти развалины до сих пор украшают Тарусу наподобие местного Колизея. Надо думать, горожане нашли им соответствующее применение, поскольку общественный ватерклозет все еще не оборудован.

2

Для полноты картины следует добавить, что несколько миллионов провинциалов — «гостей столицы», приезжающих в Москву за продуктами и живущих у знакомых по неделе, а то и по месяцу, даже не догадываются, что преступают закон. Да и милиции недосуг требовать, чтобы каждый приезжий отметился у паспортистки, — это ж никаких кадров не хватит! Другое дело, когда появляется сверхзадача вот этого гражданина уличить, привлечь, подвергнуть, — дышло закона всегда под рукой.

3

Но когда через два месяца в Карабанове попытался прописаться наш друг Сергей Некипелов, ни в чем еще в то время не замеченный, начальник милиции выгнал его из кабинета:

— У кого прописываетесь? У Марченко?! Вон отсюда!!! Чтоб ноги вашей не было в Карабанове!

4

Приговор ссылается на текст, черновик которого был приобщен к материалам дела (печатается по: Дело Марченко. Т. 5. Л. 251–256; публикуется впервые):

Приговоры — демонстрация КПСС своей решимости не прекращать искоренение любой самостоятельности в общественной жизни страны. А жестокость и бесчеловечность приговоров — отражение страха властей перед независимой деятельностью отдельного инакомыслящего или группы. И страх этот, по-моему, полностью оправдан. История еще не знает примера, где бы коммунистическое государство терпимо относилось к критике по своему адресу от населения. Всегда и везде у этих [повсюду] одна реакция в подобных случаях: репрессии вплоть до физического истребления.

И наше ближайшее будущее не сулит нам [ничего] другого в этом отношении. Дряхлое руководство КПСС неспособно не только произвести переоценку ценностей (в чем давно уже назрела необходимость!), но даже приспособиться к новому времени. Да и чего другого ждать от КПСС: ее лидеры — выкормыши тирана и чудовища — И. Сталина. Их психологию и мировоззрение сформировал на свой лад этот выродок. Они были подручными палача, а сегодня правят страной.

Казалось бы, что после разоблачения преступлений ВКП(б) под руководством Сталина деятели вроде Хр., Бр., Косыгина, Суслова, Пономарева и *[нрзб.*\ должны были бы ужаснуться своей роли, делам своим. Кажется, элементарная порядочность в этом случае подсказала бы им единственно правильное решение: навсегда отойти от руководства и не позорить страну, не оскорблять память многих миллионов уничтоженных ими или с их помощью наших соотечественников за просто так. Но не та это публика — «люди из особого сплава». Дорваться до власти любым способом, любыми путями, любой ценой, а потом ни за что ее не лишиться — вот цель жизни большевика-коммуниста. И им все равно, что они делают с человеком, со страной. Им до лампочки, что они строят: коммунизм, фашизм или богдыханство.

Нечего говорить всерьез, что нынешнее руководство действительно заботится о народе, о стране. Если б заботились хотя бы об авторитете своей партии, то и тогда первым их делом должно бы было: выход из партии за дискредитацию звания коммуниста, за предательство народа во времена сталинщины. Это помогло бы КПСС хоть как-то очиститься и поправить свой авторитет в массах или начать все заново. Во главе правящей

партии и правительства должны стать люди молодые, не тронутые сталинизмом, не скомпрометированные своим прошлым, как Хр., К., Бр.

Давно стала банальной поговорка: каждый народ достоин того правительства, которое он имеет. Это прямо о нас. Когда в ФРГ кто-то из нынешних руководителей или общественных деятелей, вдруг оказывается, был в гитлеровские времена судьей или охранником концлагеря — его карьере приходит конец. Немцы действительно осудили свое страшное и позорное прошлое. Их сегодняшнее отношение к этому прошлому лучше всего показывает, что они действительно не хотят повторения своего позора!

А ведь гитлеровский фашизм по сравнению со сталинским социализмом — детская игра! Сразу оговорюсь, что когда я сравниваю эти два режима, то имею в виду их в мирное время, то есть рассматриваю режимы в национальных границах. Функционирование их на оккупированных территориях нужно рассматривать отдельно.

Сходство этих режимов одно: они оба искореняли инакомыслие.

Разница же в том, что гитлеровский фашизм издавал законы и строго следил за их исполнением. Плохие это законы или хорошие — но они строго соблюдались. И немец, любой, кто эти законы соблюдает, может быть спокоен за свою не только жизнь, свободу — он может спокойно спать. (Если его не грызет совесть.)

Социализм сталинского образца издавал тоже свои законы. Но как бы лояльно человек ни относился к режиму, как бы строго ни соблюдал человек эти законы — он постоянно жил в страхе за свою жизнь и свободу. Ничто не могло избавить советского человека от этого страха.

Нелишне напомнить, что многие из нынешних руководителей СССР в те годы верой и правдой служили произволу и беззаконию. И сами выжили случайно.

Казалось бы, уж кому, как не им, оценить масштабы этой трагедии страны. Сами ежечасно и ежедневно ходили под топором, одновременно…

Хрущев сам признался на съезде после смерти Сталина: «Когда мы с Ворошиловым шли на прием к Сталину, то прощались с семьями, так как не знали — вернемся обратно или нет».

Брежнев своей Конституцией назвал свою эпоху развитым социализмом. Коммунисты с первых дней своей власти и до сего дня твердят о развитии и совершенствовании социалистической демократии. Обещано нам и Брежневым, что она и впредь будет

развиваться. Началась эта демократия с лишения населения самых элементарных гражданских и политических свобод. Сталин ее развил и усовершенствовал настолько, что дальнейшее ее развитие не мог себе представить ни один нормальный человек — это было за гранью разума. Террор Гитлера против своего народа по сравнению со сталинским похож на детскую игру. Сегодня, в эпоху развитого социализма, советский человек, если он не проявляет своего инакомыслия, может спокойно спать и не опасаться репрессий. Одним словом, через бо лет социалистическая демократия достигла уровня гитлеровской. Если коммунистическая демократия будет и дальше развиваться такими же темпами, то не исключено, что лет через сто мы будем иметь те свободы и права, какие имел наш народ от февраля до октября 1917 года.

Выше, в скобках, я высказался за переоценку ценностей. Сейчас постараюсь пояснить, что именно я имею в виду. На мой взгляд, у нашей страны нет будущего без этого радикального пересмотра и ревизии прошлого и без новой [ориентации] на будущее. Когда в 1917 году большевики совершили дворцовый переворот, они ставили задачу: захват власти и затем построение совершенно нового общественно-политического строя, основанного на равенстве всех граждан. Каждый переворот или революция есть прежде всего эксперимент. И каким бы гениальным ни был экспериментатор — он не может заранее знать конечных результатов эксперимента. Только практика и будущее покажут это.

И вот практика всех бо лет советской власти показывает нам сегодня: не стоило городить огород.

То, что сегодня имеет наш народ, все это ему дала бы любая партия 1917 года. И без кровопролитной гражданской войны и последовавшей вместе с ней разрухи и голода, без физического истребления настоящих тружеников страны — крестьянства, без тех неисчислимых жертв, которые обрушил на страну Сталин.

И никакое самое богатое воображение не сумеет придумать режим более зловещий и гибельный для народа, чем созданный большевиками. Они считают величайшей своей заслугой превращение России в одну из сильнейших держав мира. Но они при этом скрывают цену, в которую народам нашим обошлось «величие социализма».

Конечно, нельзя опровергать историческое развитие страны и народа предположением: а вот если бы все пошло не так, а вот так, то было бы лучше. Что сделано, то сделано. Здесь нельзя вернуться снова к исходной точке и пойти другим путем, как нельзя человеку в старости начать жить смолоду.

Но увидеть, оценить ошибки, заблуждения и вред прошлого — первейшая необходимость, без которой не может быть благополучной будущности страны и общества.

Большевики говорят, что это они вывели Россию в число передовых стран. Не так-то трудно вывести страну в передовые, если она обладает несметными природными богатствами и огромными людскими ресурсами. Да и по своему развитию она была где-то на 5-м месте среди передовых стран мира. А кое в чем она уже к 1913 году стояла на 1-м месте в мире. В предвоенные годы войны 1914 года темпы роста промышленности в России были такими большими, каких коммунисты еще не имели ни в одну из своих пятилеток.

Не захвати большевики власть в 1917 году, то Россия не обескровила бы себя, не лишилась бы своих мозгов: большевики систематически уничтожали все думающее и мыслящее. Они совершили преступление перед страной и народом, уничтожив тысячи деятелей науки, техники и культуры. И кто измерит, на сколько десятилетий они затормозили таким способом развитие русской науки, техники и культуры.

И если, несмотря на такие невиданные жертвы, наша наука, техника и культура сегодня стоят в первых рядах — то это заслуга не большевиков, не их социализма.

Приходится удивляться действительно невероятному: насколько богата страна талантами, что никакие физические истребления ее умов не [оскопили ее умственно]. Наверное, ни один другой народ не смог бы восполнить с такой быстротой эти неслыханные потери. Ведь пострадали все области науки, а многие из них просто ликвидировали, объявляли их лженауками. И это коснулось как раз тех областей науки, которые впоследствии явились как бы ведущими в развитии всей науки нашего времени.

И кто поручится, что, не уничтожь коммунисты ученых и инженеров раннего ракетостроения, Россия и в космосе была бы не в 1957 году, а намного раньше.

Сколько Королевых и Туполевых большевики расстреляли, сколько их загубили в истребительных лагерях на непосильной физической работе. И где гарантия, что из многих ракетчиков, загубленных таким способом, выжил случайно самый талантливый — Королев.

Из всех тех обещаний, провозглашенных большевиками и за которые их поддержала какая-то часть народа, большевики не выполнили ни единого. Земля была обещана тем, кто ее обрабатывает, — крестьянам, а получили колхозы; солдатам обещали: офицеров не будет, а командиров солдаты сами будут

выбирать из своей среды, — и в помине этого нет; рабочим заводы и фабрики — имеем кукиш и проституированный профсоюз. В партийной программе 1917 года большевики наобещали много других благ: ничем не ограниченный доступ к высшему образованию, всем рабочим ежегодные месячные отпуска, школьникам бесплатное обмундирование, питание и школьные принадлежности, запрещение ночных смен для женщин и т. п. Все это ленинская демагогия, рассчитанная на невежественную и темную страну, в погоне за симпатией народа.

Все эти блага для нашего народа сегодня еще более недосягаемы, чем в 1917 году. До захвата власти большевиками народ имел возможность эти блага отвоевывать и добиваться от государства, а большевики возвели эту борьбу народа мирным путем в ранг государственного преступления. И народ наш вот уже седьмой десяток лет лишен возможности что-либо требовать или добиваться от государства. Ему позволено лишь покорно ждать милости от партии и правительства.

Ни один самодержец за всю 300-летнюю историю Романовых не причинил столько вреда и зла народу нашему, как большевики за 60 лет своей власти.

И никогда еще народ наш не был так опустошен душевно, нравственно и морально, никогда еще нация не была так разрознена и разобщено общество наше, как при социализме. Нас пытаются убедить (да и весь мир!) в единстве и монолитности нашего общества. Особым примером этого коммунисты выставляют реакцию нашего общества и [страны] на фашистское нашествие и войну с ним в 1941–1945 годах. Но как раз в это-то время наиболее полно проявилась несостоятельность подобного утверждения. Казалось бы естественным, что в годину иностранного нашествия народ должен был бы забыть все внутренние распри, забыть все недовольство ради сплочения для отпора завоевателю. И сколько же нужно было причинить зла народу, как нужно было его озлобить, чтобы он в массе своей пассивно встретил поработителя. Никогда еще за всю историю войн России в народе нашем не было такого массового предательства, массовой сдачи в плен наших войск.

К 1941 году народ наш уже был духовно изувечен большевиками. Он был воспитан в духе подозрительности к каждому, и ощущал эту подозрительность каждый по своему адресу от окружающих. Эта позорная черта характера, эта особенность советского человека, привитая ему социализмом, очень хорошо видна на таких двух примерах.

1. В концлагерях именно среди советских военнопленных больше всего было стукачей: наши люди в плену боялись

общаться друг с другом из опасения предательства. Конечно, предатели были среди всех народов. Разница в том, что там предатель — исключение, редкость. Среди наших — обычное явление, массовое.

2. Мы знаем теперь о массовом героизме жителей Варшавы, Праги и других городов в оккупированных странах Европы. О подготовке восстаний в таких столицах, как Варшава и Прага, знали и принимали участие тысячи людей. И среди этих тысяч не нашлось и одного предателя, кто бы выдал план восстания. Ничего подобного не могло быть в СССР. Казалось бы, наоборот, именно наши города должны были быть охвачены восстанием при подходе Советской армии. Но ничего этого не было. На оккупированной немцами советской территории могли действовать небольшие группы разведчиков и диверсантов. Расширяться эти группы не могли, а при попытках таких немцы их запросто раскрывали и ликвидировали.

На нашей территории могли действовать крупные партизанские отряды. Но они действовали подальше от крупных немецких гарнизонов и были построены по принципу сильных военных единиц с жесткой внутренней дисциплиной. Создать такую же единицу в большом городе коммунисты не могли: любому члену большой группы было бы доступно вступить в контакт с немцами и предать всех. Гораздо труднее это проделать в лесах.

Своей жестокостью, беспрерывными и бессмысленными репрессиями против народа вплоть до 1941 года коммунисты оказали большую услугу Гитлеру. И трагедия народов СССР в годы войны была именно в том, что они оказались между двух зол. Трудно было найти правильный выбор. Во всяком случае, все к этому времени уже ясно сознавали, что сталинский социализм не обеспечивает человеку никаких прав, никаких гарантий. Наоборот, этот режим был настолько необуздан в деле процветания беззакония, что все люди постоянно ожидали от него либо смерти, либо тюрьмы.

Гитлеровский же режим, в отличие от социализма, всем тем, кто ему верно служит, гарантировал на практике не только жизнь, но и свободу. Эта разница между социализмом и фашизмом очень способствовала тому, что основная масса населения была нейтрализована в войне. Кроме того, она способствовала притоку сторонников фашизма из среды советского населения.

И еще один факт и особенность этой стороны преступлений коммунистов перед народом: партия, проводя внутри страны политику устрашения, не обошла вниманием и армию. За 3–4 года до нападения Гитлера партия буквально истребила

командный состав вооруженных сил. Это преступление было особо преступно хотя бы потому, что лишили армию мозгов перед явным столкновением с фашизмом. Это очень характерная особенность социализма — нагнетать страх и ужас внутри страны, страх перед собственным народом — пересиливает опасность, исходящую извне.

Это уничтожение командного состава армии перед самой войной не только лишило армию руководства. Оно деморализующе действовало и угнетало уцелевшее и пришедшее на смену новое командование. Новые офицеры и генералы, пришедшие командовать армией в войну, не могли не сознавать, что их тоже в любой день и час может постигнуть судьба их предшественников.

А что у нас в стране известно о генерале Власове? Кроме как предатель и изменник — ничего о нем не знаем. В чем причина этого предательства, каково его происхождение? Не это ли должно занять умы военных историков? Как могло случиться, что изменником и предателем стал один из лучших советских генералов начала войны, то есть в самое грозное и опасное для страны время. Именно в это время, когда большинство командного состава армии оказалось парализовано и неспособно даже разобраться и оценить создавшееся положение, Власов действовал и вел себя безупречно, как и положено военному генералу.

Власов — это не изолированное явление в армии, не предательство одного генерала. Если бы это было так, то необычного здесь ничего бы и не было: не он первый в истории войн, не он — последний.

Наш Власов — это не столько предательство, сколько трагедия. Это продукт тех ненормальных условий, которые царили в стране все годы, предшествовавшие войне, а особенно в первые годы войны.

Власов попал со своей армией в окружение не по своей вине, а по вине Главного командования и лично Сталина. А так как Сталин не только никогда не признавал своих «ошибок», а еще и сваливал их на других, то Власова ждал расстрел в Москве. Конечно, у него был еще один выход — застрелиться самому. Таких случаев в начале войны было полно. И почему Власов должен был стреляться только потому, что во главе армии и страны стоит деспот и тупица? Почему за эту тупость должны гибнуть другие? Почему Сталин не пустил себе пулю в лоб **22** июня 1941 года или в октябре 1941 года? Ведь по его личной вине страна оказалась в смертельной опасности!

Власов знал, как Сталин расстрелял командный состав армии

перед войной. Знал он и то, как Сталин расстреливал генералов и офицеров в начале войны, взваливая на них свои ошибки и просчеты. И конечно, отдать свою жизнь на милость такого тирана и самодура мог только безнадежный идиот.

В этой трагической ситуации не так-то просто найти правильное решение. Для большинства людей выход был старый и простой: пустить себе пулю в лоб. Это же как нужно пасть, а может, как подняться, чтоб пойти на сговор с поработителем своей родины и народа!

А собственно говоря, чем же отличается позиция Власова от позиции Ленина и его партии в империалистической войне 1914 года?

Общеизвестно, что Ленин выступал за поражение России, считая, что поражение ослабит самодержавие и с ним легче будет бороться. То есть с помощью иностранных штыков свалить существующий строй России. С этим самым выступ[и]л и Власов: с помощью Гитлера ликвидировать Сталина и его систему. Он, на мой взгляд, правильно считал, что с таким режимом легче справиться с помощью извне. А потом гораздо [легче] избавиться от иностранной оккупации.

Разница между Лениным и Власовым в том лишь, что Ленин был политиком и решал эту задачу своими методами — политическими. Власов — генерал, решал эту же задачу своими методами — войной.

Здесь как нельзя лучше подходит поговорка: победителей не судят!

Если бы Ленин проиграл — быть бы ему в истории России предателем и изменником.

Выиграй Власов — и был бы он освободителем России и от Сталина, и от Гитлера.

Война, как и вся наша действительность, освещена и преподносится советской наукой с одной-единственной целью: восславить и воспеть роль партии и правительства.

Преступления партии против народа большей частью замалчиваются и лишь изредка называют «ошибками» и «нарушениями законности» во времена культа личности.

Сам же культ личности никогда и никем не объяснялся и не объясняется. Откуда он взялся, чем обусловлен, в чем главные причины его [порождения] и масса других вопросов, связанных с ним, остаются и сегодня без ответа.

По-моему, трудность объяснить все это состоит в том для КПСС, что преступления Сталина — это и преступления партии. А назвать вещи своими именами сегодняшним лидерам КПСС — все равно, что покончить самоубийством. Многие из них принимали

непосредственное участие в этих преступлениях. В нормальном государстве они бы в первые ж дни после смерти Сталина оказались бы на скамье подсудимых за преступления против народа. В нашей же стране они встали у власти. И поэтому-то бесполезно нам рассчитывать на законность и справедливость дома.

Война… Где тот историк, который добросовестно составит нам полную ее историю?

Наша отечественная современная историческая наука только и занята тем,

[Текст обрывается.]

5

Приговор ссылается на черновик, приобщенный к материалам дела (печатается по: Дело Марченко. Т. 5. Л. 213–217; впервые опубликовано: Новая Польша. 2014. № 5. С. 6–8):

Войдут или нет советские танки в Польшу?

На мой взгляд, это зависит не только от желания или необходимости Москвы. Но мне легче ответить на поставленный вопрос, если его сформулировать по-другому: что может остановить советское руководство от рокового шага?

Только два фактора могут предотвратить!

1. Решимость и готовность поляков с оружием в руках защищать неприкосновенность своих государственных границ, свой суверенитет.

2. Готовность войск Запада и США, то есть НАТО, прийти на помощь полякам в случае военного вмешательства СССР в польские дела.

Первый фактор хоть и серьезен для СССР, но он не является решающим в отрыве от второго и способен лишь заставить его крепко подумать и пожалеть о случившемся.

Второй же фактор — ответные военные акции войск НАТО — именно и решает сейчас все. Москва сейчас ни за что не пойдет из-за Польши на риск большой войны с Западом, с возможным перерастанием ее в глобальную ядерную. Если, конечно, СССР не будет уверен на все юо % в своей победе. А победа-то эта, слава богу, пока что исключена. Достаточно ли обоснован такой взгляд на эту проблему? Что дает мне уверенность сделать вывод, что Москва не решится пойти сейчас на риск войны с Западом из-за Польши? Почему я считаю, что любые другие меры и действия стран свободного мира не только не предотвратят трагедии польского народа, а наоборот — бросят его под гусеницы советских танков?

За это говорит вся история развития государства нового типа — СССР с первых дней его образования и до наших дней. Для того чтобы аргументированно доказать правильность своего взгляда на это развитие, показать, что гегемонизм, экспансия, экспорт революций, решение кризисов (Берлинского в 1953-м, Венгерского в 1956-м, Чехословацкого — в 1968-м) не какие-то зигзаги или вывихи руководства КПСС, его ошибки, а явления нормальные с точки зрения этого руководства и единственно верные для верных коммунистов-ленинцев, что эти методы уходят в корни нового общественного строя, составляют его основу отношений с соседями и с миром вообще, — для этого

необходимо начать обзор истории советского социализма с первого его дня. Потребуется вспомнить также и то, что говорил или писал на эту тему сам основатель и организатор первого в мире социалистического государства.

История коммунистической диктатуры в нашей стране достаточно определенно и четко показала и продолжает показывать, что для коммунистов наиглавнейшая цель и задача всегда была и есть — захват власти любым путем, любыми средствами и не считаясь ни с кем и ни с чем, с последующим стремлением теми же методами, любой ценой удерживать эту власть и не расставаться с ней, расширять ее границы. Для Ленина и его преемников, последователей, как в нашей стране, так и за рубежом, власть всегда была самоцелью. Все для них меряется одной меркой, ко всему один подход, для всего один критерий: как это скажется на их власти. Все, что является помехой, — под топор, подлежит уничтожению (желательно немедленному!).

И коммунисты никогда и ни во имя чего не поступятся властью. Лишь иногда, в силу необходимости или бессилия вынуждены делиться ею или разделять с другими — но только временно, до первой возможности узурпировать ее. Польский вариант «многопартийности» не стоит внимания — это все равно, что признать сталинский или гитлеровский режим коллективным руководством только потому, что… Это отношение к своей власти коммунисты никогда не скрывали и не скрывают. (Выступления некоторых компартий Западной Европы о том, будто бы они пересмотрели свое отношение к однопартийной системе при социализме в случае их прихода к власти, я здесь не рассматриваю, так как ограничиваюсь пока разбором тактики и стратегии в вопросе о власти только правящих компартий.)

Что такое для марксистов, захвативших власть в стране, воля большинства народа и его судьба?

Я приведу здесь лишь три примера, известных всем, которые и покажут нам это:

1. «Мы готовы пойти на уступки крестьянству, на любые уступки. Но только до тех пор, пока это не угрожает нашей власти» (Ленин).

2. «Китайский народ — чистый лист бумаги, на котором легко писать иероглифы» (Мао Цзэдун).

3. «Из шести миллионов кампучийцев нам для нашего эксперимента хватит одного» (Пол Пот).

Если истории уже известны масштабы репрессий и потерь народов в результате марксистского экспериментаторства в России, Китае, Кампучии и др., то у Европы и Америки с Канадой

все еще впереди: «Цивилизованные и развитые страны пройдут через революцию с еще большей беспощадностью и жестокостью» (Ленин).

Так что, свободные народы, «мужайтесь! Худшее впереди!».

Ленинское высказывание очень откровенно. Оно яснее ясного показывает, что это просто диктатура ничтожного меньшинства. Ведь речь идет об уступке крестьянству, которое в то время составляло более 90 % всего населения России. И вот этим-то 90 % большевики согласны в критической ситуации оказать милость — пойти на уступки «до тех пор…». Хороша народная власть!

Ну а как Ленин представлял себе ситуацию «после тех пор»? Что он намерен был предпринять, как поступить с этим непослушным и непонимающим его народом? Уйти в отставку, признав несостоятельность своей внутренней политики, как это делают главы демократических правительств? Не для того Владимир Ильич захватывал власть. «Советская власть выше всех этих демократий…»

Крестьянская масса не созрела, недоразвилась до понимания его идей, и поэтому ее нужно «сначала убедить, а потом принудить!» А как принудить более 90 % населения? Но нет таких крепостей, которые бы не смогли взять большевики!

И не страшит гениального экспериментатора, что его лаборатория — это одна шестая часть суши, что в его руках не хлебное тесто, и не глина, и даже не «паровозик», а сто пятьдесят миллионов живых людей.

Вот и жестокое подавление крестьянских выступлений с применением концлагерей не для военнопленных или преступников, а для заложников — мирного сельского населения, чьи родные и близкие с оружием в руках встали против красной тирании на защиту своего естественного права жить.

Что может сравниться с этим способом «управлять» страной? В истории самых деспотических режимов подобного не найти. Даже восточные правители, забиравшие у своих подвластных правителей соседей их детей к себе, чтоб предотвратить измену и предательство их отцами, — не в счет. Как не в счет и жестокие расправы татаро-монголов с бунтами и непослушанием на Руси. Все эти примеры иноземных поработителей.

А Тухачевский — палач восставшего крестьянства, преступник, пользующийся самым бесчеловечным способом войны — взятием в заложники ни в чем не повинного мирного населения и содержанием их в концлагерях, — становится любимцем Ленина.

Всякий раз, когда ситуация для советской власти

складывается критически, большевики принимают самые «драконовские» (выражение Ленина) меры: то против крестьян, то против солдат, то вообще против народов советской России. И все это прикрываясь интересами этих же народов. Ильич в таких случаях заклинает: «Да все сознательные трудящиеся скажут: лучше мы все погибнем, чем…»

Не то ли же самое вопил бесноватый Гитлер, когда оказался перед неотвратимой расплатой за все его злодеяния перед человечеством: «Раз нация оказалась недостойной меня, она должна исчезнуть!»

МООП — Министерство охраны общественного порядка; ГУМЗ — Гпавное управление мест заключения.

На это письмо был получен ответ, также опубликованный в издании 1973 года, с. 363–364:

Москва В-36,

1-й Черемушкинский проезд, 5 № 142/125 юр.

Москва, 29 апреля 1968 г.

Гр-ну Марченко А. г. Александров Владимирской обл. ул. Новинская, д. 27

Письмо, присланное в Исполком СОКК и КП СССР от Вашего имени, к сожалению, никем не подписано, что исключает возможность и необходимость входить в подробное рассмотрение его по существу.

Все же Исполком считает необходимым кратко отметить, что наше законодательство и наше советское правосознание рассматривают людей, которые подняли руку на завоевания Октября, как совершивших самое тяжкое преступление перед своим народом и заслуживающих суровой кары, а не каких-либо поблажек и послаблений.

В свете сказанного делается очевидной вся несостоятельность и всех других ваших утверждений.

Зам. председателя Исполкома СОКК и КП СССР В. Захаров

8

Между прочим, ленинская тактика сталкивания и стравливания между собой других стран на практике оказалась небезвредной. Ленин лично руководил претворением в жизнь идеи о превращении побежденной Германии в буфер против Англии, Франции, Америки. Гениальный провидец не дожил до 1941 года, когда наш народ крепко врезался лбом в этот буфер и заплатил за ленинскую тактику лавирования двадцатью миллионами жизней. Создавался дорогой ценой еще один буфер против империализма — Китай; как бы не оказался этот буфер последним творением «ленинской внешней политики».

9

Между прочим, она пасует и перед силою духа — не из уважения к этому качеству, а из мистического страха перед ним. Если бы о Чехословакии знали, что она будет сопротивляться, будет сражаться до последнего мужчины, как это было в Югославии, — еще подумали бы, вводить ли туда войска. Возможно, что это свойство личности играет свою роль и в судьбах Сахарова, Солженицына, нескольких других советских диссидентов. Правда, не будь внешних сдерживающих факторов, их уничтожили бы; но все же основная цель режима — покорить, поработить, сломить.

10

«Неприкосновенность» Берлинской стены со стороны Восточного сектора испытали на себе многие, да лишь немногим удается рассказать об этом.

11

В обвинительных заключениях нередко встречается формулировка: «Будучи антисоветски настроен, слушал передачи „Голоса Америки”, Би-би-си…»

12

Представим себе хотя бы евангельских христиан-баптистов, отправившихся из СССР в Америку для обмена опытом; ненаучная фантастика! Да любого инакомыслящего в СССР и без поездок обвиняют в связях с Западом, и нет обвинения весомее не только в глазах «правосудия», но и в представлении общества — так уж приучили. Вас напечатал «Фонд Герцена», «Посев», Гедройц — и уже Шаламов или Окуджава спешат откреститься от публикации, а то и от самих произведений.

Оба примера вполне конкретные, авторам известны эти люди.

14

Позже Форд объяснил свой отказ недосугом, нелюбовью к чисто символическим встречам. Однако эти мотивы не помешали ему принять Байдукова и Белякова.

15

Самиздат — это всего лишь перепечатка на пишущей машинке в нескольких экземплярах и под угрозой лагерного срока за одно лишь это. Адский труд при смертельном риске. То ли дело радиопередача!

16

Настаивая на политике компромиссов, Киссинджер говорит о необходимости учитывать интересы целых народов, а не узкие групповые интересы. Ну так пусть сочтет эту «группу» инакомыслящих — не двадцать или сто известных ему имен, а всех тех, кто ловит «Голос Америки» и в Риге, и в Кишиневе, и в Архангельске, и в Красноярске, и в Магадане. Даже КГБ их всех не сосчитает. Как знать, не окажутся ли «групповыми» интересы, представляемые Брежневым или Громыко.

17

«Голос Америки» передал, будто бы это Киссинджер советовал правительству СССР «отпустить» Солженицына за границу. Благой же это оказался совет! — спасительный выход для властей из конфликта со всемирно известным писателем. Интересно: просил ли Ю. Андропов лично у Киссинджера совета или тот сам вызвался?

18

Доверчивая Америка придает слишком большое значение словам советского правительства. Довольно было СССР отказаться от торгового соглашения с США из-за поправки Джексона («Мы не потерпим…»), как американские политики упали духом и стали думать о компромиссе: «Советское правительство занимает твердую позицию в этом вопросе». Неизвестно, так ли тверда была бы эта позиция, будь сумма предполагаемых кредитов заметно большей или решимость Конгресса США безусловно непоколебимой.

М. Тарусевич — псевдоним Л.И. Богораз.

20

Прошу считать это заявление явкой с повинной; лет 25–30 назад за такое преступление я получил бы срок «за преклонение перед иностранной техникой», а теперь всего лишь ошельмуют в газете.

21

Автор Сергей Хмельницкий; А.Т. Марченко приводит неточную цитату, опираясь, видимо, на устное чтение. В оригинале процитированный отрывок такой:

И вот во плоти воскресли,
Околышами горя,
Дискуссии и репрессии,
Парады и лагеря,

Отравленные газеты,
Мерзавцев железный взгляд
И лампы дневного света
Средь гипсовых колоннад.

Кому-то, выходит, гоже,
Идя на кого-то в бой,
Подъять усатую рожу
Иконою над собой.

22

Во время проведения II Московской международной книжной выставки-ярмарки (1979) американскими издателями была организована встреча с советскими авторами неподцензурной литературы, на которой присутствовал и А.Т. Марченко.